

ЮНОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 г.

№ 4 (663) • 2011

«ЮНОСТЬ» © С. Красукас. 1962 г.

Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность».

«ЮНОСТЬ» — зарегистрированный товарный знак, являющийся собственностью трудового коллектива редакции журнала «Юность».

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

подписной индекс **71120**

ISSN **0132-2036**

E-mail: unost-contact@mail.ru
<http://unost.org>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Лев АННИНСКИЙ
Зоя БОГУСЛАВСКАЯ
Валерий ЗОЛОТУХИН
Елена ИСАЕВА
Кирилл КОВАЛЬДЖИ
Валерий КОЗЛОВ
Владимир КОСТРОВ
Нина КРАСНОВА
Татьяна КУЗОВЛЕВА
Валентина ЛАНЦЕВА
Евгений ЛЕСИН
Георгий ПРЯХИН
Владимир РАДЧЕНКО
Ольга РЫЧКОВА
Александр СОКОЛОВ
Борис ТАРАСОВ
Елена ТАХО-ГОДИ
Олег ТОЛКАЧЕВ
Игорь ШАЙТАНОВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

главный редактор,
заведующий отделом поэзии
Валерий ДУДАРЕВ
главный художник
Дмитрий ГОРЯЧЕНКОВ
заведующая отделом критики
Анна КОЗЛОВА
ответственный секретарь
Ярослав ЛИТВИНЕНКО
заведующий отделом культуры
Александр МАХОВ
заместитель главного редактора,
заведующий отделом прозы
Игорь МИХАЙЛОВ
главный консультант
Эмилия ПРОСКУРНИНА
заведующая отделом
духовного наследия
Марина РЫБАКИНА
заведующая отделом
публицистики
Екатерина САЖНЕВА
консультант главного редактора
Евгений САФРОНОВ
директор по развитию
Светлана ШИПИЦИНА

На 1-й и 2-й страницах обложки и в номере использованы фото из архива «Юности» (фотографы: Г. Тейтельбаум, А. Карзанов), а также кадр из к/ф «Застава Ильича».

ПОЭЗИЯ

Юлия ГИАЦИНТОВА	22
Татьяна ВИНОГРАДОВА.....	30
Галина ДАНИЛЬЕВА	86

ПРОЗА

Наталья ЯКУШИНА РАССКАЗЫ	6
Наталья ЛАВРЕЦОВА	
ЗЕЛЕНЕЕ СОЛНЦЕ ПОВЕСТЬ	34
Ильдар АБУЗЯРОВ	
МУТАБОР НЕДЕЛЬНЫЙ РОМАН. ПРОДОЛЖЕНИЕ	59

ЗАМЕТКИ НЕТЕАТРАЛА

Лев АННИНСКИЙ	
ЧЕТВЕРТОМУ НЕ БЫВАТЬ?	25

ШУМ ВРЕМЕНИ

Рустем ВАХИТОВ	
ПАМЯТНИК НАРОДУ ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ	26

НАСЛЕДИЕ

Белла АХМАДУЛИНА.....	3
Игорь МИХАЙЛОВ	
СВЕТОНОСНЫЙ ЭЛЬФ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	5
Игорь ПОПОВ	
ПРОГУЛКИ С РЕМИЗОВЫМ,	
ИЛИ ТАЙНА ЧЕРТАНОВСКОГО ПРУДА	52
Алексей РЕМИЗОВ	
КУКУШКА	57

БЫЛОЕ И ДУМЫ

Дмитрий БОБЫШЕВ	
УВИЖУ САМ ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ, КНИГА 3. ПРОДОЛЖЕНИЕ	90

ПУТЕШЕСТВИЯ

Феликс ШВЕДОВСКИЙ	
ИНДИЙСКИЙ ДНЕВНИК ПРОДОЛЖЕНИЕ	95

ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС

Александр ШЕМЕТОВ (Крым)	99
Екатерина РЫСАКОВА (г. Мурманск)	106
Елена КУЗНЕЦОВА (г. Москва)	106
Ирина ИВКИНА (г. Москва)	107

В КОНЦЕ КОНЦОВ

// ДЕТЕКТИВ НА НОЧЬ //	
Евгений РЫК	
ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ПЛУТОВСКОЙ РОМАН. ПРОДОЛЖЕНИЕ	109
// Зеленый портфель //	
Андрей ЛОПАТИН	
ЧУДО ГОЛОДАНИЯ	120
// «До востребования» //	
Галка ГАЛКИНА	
ЮСТАС — АЛЕКСУ	122
// VERIORA VERIS //	
Шалун ГЕО, человек в оркестре	
В ДЕНЬ СВЯТОГО ИСИДОРА	
КОСМОС ВИДЕН И С ЗАБОРА!	123

Заведующая редакцией

Лидия ЗЯБКИНА

Заведующий отделом информации

Игорь РУТКОВСКИЙ

Специальный корреспондент

по Белгородской области

Нила ЛЫЧАК

Редактор-корректор

Юлия СЫСОЕВА

Верстка и оформление

Елизавета ГОРЯЧЕНКОВА

Главный бухгалтер

Алла МАТЮХИНА

Финансовая группа

Лариса МЕЛЬНИКОВА

Заведующая отделом рукописей

Ирина УШАКОВА

Интернет-версия

Наталья СЫСОЕВА

Секретарь-референт

Светлана КИСЕЛЕВА

Дежурные по редакции

Аврора КОТОВА

Людмила ЛОГАЧЕВА

Татьяна СЕМЕНОВА

Татьяна ЧЕРЫГОВА

Людмила ГУДКОВА

Техническая служба

Вячеслав ДРУЖЕЧКОВ

Администратор

Зинаида ПОТАПОВА

Лиц. Минпечати № 112.

Адрес редакции:

Москва, ул. 1-я Тверская-Ямская,
д. 8, стр. 1.

Для почтовых отправок:

125047, Москва, а/я 182, «Юность».

Тел.: **+7 (499) 251-31-22,**

+7 (499) 250-83-98,

+7 (499) 250-40-72,

тел./факс: **+7 (499) 250-40-60**

Рукописи НЕ РЕЦЕНЗИРУЮТСЯ
и НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

Авторы несут ответственность
за достоверность предоставленных
материалов. Мнения автора
и редакции могут не совпадать.

При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Юность» обязательна.

Отпечатано в типографии

ФГУП «ПИК ВИНТИ»

140010, Люберцы, Московская обл.,
Октябрьский пр., 403

Тел. **+7 (495) 974-69-76**

Тираж 6 500 экз.

Формат: 60x84/8

Заказ №

Белла АХМАДУЛИНА

10 апреля 1937 года родилась Белла Ахмадулина. Ее стихи читаемы, любимы, желанны, но принимаются они сегодня с нотой боли, с интонацией печального просветления и нового открытия. Поэта нет в живых. Но через истинную поэзию пробивается радость воскресения.

Имя Беллы Ахатовны Ахмадулиной крепко-накрепко связано с журналом «Юность». В редакции сохранились записи разговоров с Беллой Ахатовной, которые вел с ней в конце прошлого века Валерий Дударев. Из этих бесед мы выбрали ахмадулинские размышления «о времени и о себе». Это поможет любознательному читателю дополнить портрет непревзойденного лирика нашей эпохи.

О рождении

Год моего рождения — 1937-й — принято считать наиболее кровавейше-кровопролитным, хотя годы-соседи предшествующие и последующие тоже не похвалишь, но, родившись, я, видимо, этого не знала. Впоследствии мысль о том, что я родилась, а другие погибли, и даже те, кто был ненамного старше меня, уже хлебнули страданий — вот эта мысль меня как-то снедала... Потом была война, были бомбежки, обстрелы. В бомбоубежище бабушка мне читала «Вия». И странно, казалось бы: страшно, но в бомбоубежище меня это не пугало, а, наоборот, отвлекало от более жизненного — земного страха. А еще бабушка читала сказки, причем сказки братьев Гримм по-немецки.

О поэзии

В то, что поэзия иссякла или что ей предстоит иссякнуть, я никогда не смогу поверить. Для меня это пророчество бессмысленно!

Я всегда с радостью повторяю слова Пушкина: «Поэзия должна быть глуповата». Источник поэзии не есть мысль, не есть соображения, не есть нравочение. Это что-то другое...

Я всегда строго следила за своими художественными возможностями. Мне кажется, что мне дано больше, чем то, что я сумела воплотить.

А если говорить о спаде интереса к поэзии, то меня лично это не коснулось. Дело в том, что, может быть, и круг моих читателей не столь широк. Он не изменился, это не настолько широкий круг, чтобы меня можно было заподозрить в совершенной легкости чтения...

Самыми счастливыми периодами и местами для сочинительства в моем случае были все возможности уединения.

Когда в моей жизни возникали разного рода опалы, то это было для меня удачей в творческом смысле. Никто мною не интересовался. Я себе тихо жила в Тарусе, скажем. Годы и годы так проходили... Но только не надо преувеличивать значение моих опал — по-настоящему это что-то другое!

О родине

Единственное мне принадлежащее сокровище — это русская речь. Это русский язык. Лишь этим определяется принадлежность человека к определенному месту земли, которое он величает Родиной. Я русская, хотя во мне разные крови присутствуют. Я русская по чувству и устройству, по матери, по бабушке, по паспорту, по прапрабабушкам и дедушкам, но и в них текла, постепенно мельчая, итальянская кровь, освоившаяся в России в первой половине девятнадцатого века. Мой отец — казанский татарин, ко времени моего рождения обрусевший под влиянием среды и отсутствия соплеменников и собеседников.

Я родилась в Москве и с ней нерасторжима. Я — москвичка, горожанка, но меня всегда влекло к деревне. Близость к деревне очень утешительна, особенно в северных местах.

Вологда, Феропонтово — вид и говор тех мест родимы моим зрению и слуху. Я слушала, слушала, как говорят те бабушки, которые чудом дожили до наших дней.

Все это в мои зрелые лета, как в младенчестве, вскармливало мою речь, хотя я никогда не пыталась воспроизводить речь вологодскую, подлежа ее воздействию. Это было счастливое состояние слуха.

Когда умерла не моя, но и моя бабушка из деревни Усково — тетя Дюня, Евдокия Кирилловна Лебедева, — я тоже осиротела и не смогла больше ездить в те места.

О любимых писателях

В детстве я очень любила Диккенса. Любила Лескова. Лесков и теперь один из первейших любимцев моих. Нечаянно соотношу Лескова и Платонова: их язык обширней, ярче, выпуклей ведомого нам (иногда даже — Далю!) русского языка. Самотворный, сам себя множащий, плодородный язык этот всегда питал, воспитывал, нянчил, понукал и лелеял мою мысль о слове.

О цензуре и о «Юности»

Стихотворений мне немало испортили — корежили не в ущерб совести — в ущерб гармонии. Вот в «Родословной» есть маленькая главка, которой я стыжусь, потому что ее хором сочиняли в «Юности». Сидели всем журналом и сочиняли. «Юность» не могла без этой главки напечатать. Хотя главка ничтожная, появляется в поэме угол между веком и веком и какой-то симбирский гимназист. Когда в журнале это придумывали — все смеялись, думали, что даже смешно, а потом прошли годы — и мне не смешно!

Я себе этого не простила и за придуманную главку разлюбила «Родословную».

О стремлении печататься

Я никогда не спешила печататься, у меня такой страсти не было. Здравомыслящие коллеги меня убеждали, что человек не может вот так не желать печататься, некоторые упрекали чуть ли не в отсутствии профессионализма.

О Рубцове

У Рубцова был редкостный по чистоте талант. Близкие мне люди были дружны с Рубцовым. Андрей Битов — человек другого художественного склада — очень давно стал понимать и ценить драгоценный дар Рубцова. Мне пришлось знать многих замечательных людей. Рубцов — пробел в этих встречах и дружествах, восполненный его образом и творчеством.

Я видела Рубцова однажды, но не могла обратиться к нему, не будучи в знакомстве. Я прошла мимо, мы мельком и внимательно глянули друг на друга.

Об Ахматовой

С нежностью преклоняясь пред Ахматовой, могу предположить, что Анна Андреевна с некоторой

иронией относилась к моей фамилии, как бы неуклюже подражающей ее величию. В этой дерзости я не виновата. Отец Ахматовой — Горенко, мой — Ахмадулин.

О Тютчеве

Я не знаю случая, когда бы Тютчев был не прав.

О Бунине

Россия для меня — это Бунин. Когда я читаю Бунина — я там живу. И мне иногда кажется, что из бунинского мира, из вотчины моей, меня похитили злые кочевники.

Об Анастасии Ивановне Цветаевой

Столь любимая мною Анастасия Ивановна Цветаева всегда молилась за всех — за близких, за друзей, за людей, за животных. Она всем животным говорила «вы». Детям, даже грудным, тоже говорила «вы». И всем собакам говорила «вы». И кошкам тоже говорила «вы». За все живое молилась она и меня просила молиться. Я это делаю. Но как! Я же не прилежный прихожанин, к моему горькому сожалению...

О письмах

Может быть, лучшее, что от меня останется, — это письма читателей. У меня их целый сундук. Есть великие письма, которые смогут изменить мнение о наших современниках и соотечественниках в лучшую сторону.

Ценимое в людях

Простодушие. Неспособность к хитрости, к лукавству, алчности, даже на грани слабоумия.

О смерти

Если пережила смерть Пушкина, то свою-то уж как-нибудь.

О главном

Главное для поэта — звук указующий. «Звук указующий, десятый день я жду тебя на паршинской дороге...»

СВЕТОНОСНЫЙ ЭЛЬФ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Она была такая гордая —
вообразив себя рекой,
она входила в море голая
и море трогала рукой.

Все начинается с имени: мать-итальянка, работавшая в КГБ переводчицей, не могла придумать имени лучше — Изабелла. Виноградная лоза, красное вино, кровь Господа. А Белла (*bella* — итал. «красавица») из Изабеллы выпорхнет бабочкой уже позже, в оттепель, вегетарианскую, по словам Ахматовой, эпоху. Бабочка — олицетворение души, поэзии, невообразимой легкости и очарования бытия:

Как разниму я сад и дождь
для мимолетной щели светлой,
чтоб птицы маленькая дрожь
вместилась меж дождем и веткой?

Но тут не просто Белла, а еще и Ахатовна, словно призрак ахматовского мифа: Анна Андреевна, как известно, своим предком по материнской линии считала ордынского хана Ахмата.

Могла ли Ахмадулина не быть поэтом? Она была обречена. Стихи явились той единственной средой, стихией, в которой этот светоносный эльф советской литературы и мог существовать.

Задыхаюсь, и дохну, и лгу,
что еще не останусь в долгу
пред красою деревьев в снегу,
о которой сказать не могу.

Кто мог позволить себе еще писать так изящно о прекрасном, с тревогой не оглядываясь на чугунную тень Медного всадника, века-волкодава, государства и членов политбюро и т. д.? Ей позволили или она сама взяла на себя смелость? Какая разница? Тициан творил на деньги императора, устроившего кровавую баню в Риме, но что это меняет в постижении его гения?

Она была из породы гордых и вольных птиц. Белла пела, пока другие ковали железо своего быта и благополучия, кровью клялись в верности идеалам, в которые никто не верил. Значит, так надо, значит, ей было даровано. Она не могла не сказать о красоте деревьев в снегу.

Звук немоты, железный и корявый,
терзает горло ссадиной кровавой,
заговорю — и обагрю платок.

В безмолвии, как в землю, погребенной,
мне странно знать, что есть в Перми ребенок,
который слово выговорить мог.

И она стала голосом своего поколения, века, когда вдруг осиротела русская поэзия без Ахматовой.

Изабелла Ахатовна Ахмадулина, Ее Высочество Белла. Она есть и будет, куда мы слагаем стихи и пишем на русском. Поэзия, душа, молитва за всех, у кого не было своего голоса, и — оправдание перед Всевышним!

Наталья ЯКУШИНА

Наталья Якушина родилась в 1975 году в Бресте в семье потомственных библиотечек. Окончила Брестский государственный университет по специальности «учитель начальных классов», но работала воспитателем в детском саду. Затем переехала в Москву, где окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Прозаик, драматург. В 2010 году заняла третье место в конкурсе короткой юмористической прозы. Стала лауреатом Волошинского конкурса в номинации «Актуальный перевод с белорусского языка». Публиковалась в сборниках «Путь мастерства» и журнале «Ушастый хронотоп». Мама троих детей.

РАССКАЗЫ

ЧЕРЕПАХОВЫЙ ВЕЕР С СЕКРЕТОМ

Я, как ключница Плюшкина, берегу старину, пусть и хлам, ничего не выбрасываю. Это флер времени, которого не вернешь... Милые безделицы...

Однажды хотела найти важную книгу в интернет-магазине, а купила крохотную медную мельницу с вращающимися лопастями и с заключенной внутри рулеткой с сантиметром, таким мягким, сделанным из ткани, с выцветшими цифрами и обтрепанным по краям, как у моей бабушки. С тех пор началось — поиски мелких женских штучек, которые придавали их обладательницам из века в век особое очарование.

Муж отнесся к внезапной тяге к собирательству с пониманием, как болезни, и сказал:

— Есть положительный момент: если к нам вдруг залезет вор, то он никогда не позарится на эту мельничку, пудреницы и флакончики для духов...

Скрипел зубами лютый мороз в ожидании жертвы, что сегодня уснет вечным сном, а я ехала в Лианозово, с самого утра, утолить страсть — приобрести хоть что-нибудь из старинных хорошеньких вещиц. Можно было совсем недорого — выскобленную до капли коробочку из-под туши времен Советского Союза, еще совсем полную, запечатанную, французскую пудру, пустые флакончики от духов, которые хранили в себе запах «Красной Москвы» или «Ландыша», «Саши»... Все советские женщины вздыхали по ухоженному наглецу с этикетки, но покупали одеколон мужьям, потому что он дешево и везде

продавался. Ведь никакой надежды на то, что кто-то превратится в Сашу, не было...

В Лианозово вдоль железнодорожных путей и забора, рядом со станцией, щедро раскинулся блошиный рынок. Продавцы собирались из всех окрестных городов и деревень. До революции такой рынок называли вшивым.

«Вшивик» — подзабытое русское слово — «грязный, гадкий человек». «Ты смотришь на мое платье... Оно немного поношено, меня обманули на вшивом рынке...», «Надобно тебе сказать, бранивались мы, как торговки на вшивом рынке», «Было время, литература была благородное аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок», — можно найти у Пушкина. «Их продавали выброшенные за борт “бывшие люди”», — рисует Сытин картины московских улиц.

Во всем мире блошиные рынки — место паломничества. Где еще, как не на «блохе», увидеть ожившую историю? Предметы обихода, ненужные в современном мире, заезженные старые пластинки, зеркала, программки из театра, елочные игрушки, мебель, одежда, книги, старые журналы... Тяжелый занавес приподнимается — и прежняя жизнь восстает в точных, доподлинных декорациях.

«...спрашивает меня: люблю ли я танцевать. — Я говорю, что отчего же? Можно. — Приходи ко мне часов в девять, и пойдем. — Куда? — В очень порядочный дом. А мундир есть? — Есть, но надо

навести справки насчет его положения», — читаю переписку Писарева и тут же покупаю массивный — убить можно — журнал «Литературное наследие», и стоит недорого, 150 рублей.

В России с этим «вшивым» явлением отчаянно борются. Не должно быть в России «бывших людей»... Борьба совершенно бесполезная — стихийный народный рынок снова и снова возникает наперекор всему, как блоха на кошке.

Лианозовский рынок занял удобную позицию: на границе Москвы и Московской области. Если московская милиция выходит в рейд, то горе-продавцы вместе со своим хламом молниеносно перемещаются на 30 метров, на подмосковную землю, а если подмосковная милиция устраивает облаву — рынок тут же возвращается назад, в Москву.

Пенсионеры, потрепанного вида мужчины, чаще алкоголики, и практичные женщины преклонного возраста разложили свой нехитрый товар, всякое барахло, прямо на снегу: кто на газете, кто подстелил клеенку или покрывало, кто на два старых крепких дерматиновых чемодана положил доску... Кто побогаче, соорудил палатку.

Легенды, рассказанные удачливыми покупателями, про тарелки фабрики Юсупова, купленные за десять рублей штука, или про дореволюционные агитплакаты белогвардейцев по тридцать рублей манили коллекционеров, готовых изо дня в день просматривать горы мусора в поисках истинного раритета. Приобрести хорошую вещь за копейки — то же самое, что выиграть в лотерею, поймать Синюю птицу за хвост или найти *папороть-кветку* в ночь на Ивана Купалу.

Попадались часто среди покупателей и киношники, дизайнеры интерьеров, садоводы, иностранные путешественники, бедные студенты...

Иду вдоль живых рядов, и мне сегодня решительно не везет... Женщина со скучным видом, изрядно пожившая и уставшая, продает старое свадебное платье и фату. Она никак не похожа даже на сильно полинявшую Синюю птицу.

— Муж умер, теперь можно продавать, не бояться плохой приметы... Покупайте, девушка.

Рядом с платьем — шляпы разного фасона, поношенные костюмы и ботинки, которые, несмотря на время, хорошо сохранились, видно, сделаны хорошим мастером. И русско-польский словарь.

— А словарь у вас откуда?

— Муж был военным, служил в Польше...

И я покупаю словарь за тридцать рублей. Теперь я буду понимать поляков, хотя мне и так их речь не чужая... Братья-славяне все-таки.

Недалеко примостился мужичок на ящике. В его щеках будто ходят туда-сюда шарики. Он высох

и выцвел. Морщины так густо покрыли его лоб и не распрямляются, что он кажется восковой фигурой. А волосы давным-давно перестал стричь... Мужичок улыбается, заметив, что я его рассматриваю.

— Отменная пружина, вантуз, совочек... Для хозяйства, дамочка. А вот, полюбуйтесь-ка, ваше блохородие, наклейка на туалет — писающий мальчик — вещь ходовая...

Покупаю писающего мальчика на дачу. Сто рублей запросил, однако. Мужичок смял купюру сначала пополам, еще раз пополам и спрятал во внутренний кармашек ватника, по сторонам озираясь — не видит ли карманник какой, а то и свой оборвать может...

Бабушка, вся вязанная-перевязанная оренбургскими платками, в валенках, останавливает меня:

— Деточка, купи что-нибудь. Стою на морозе. Дешево отдам...

Я смотрю, но ничего мне не нравится. Кофты с вылезшей шерстью, с вытянутыми рукавами. Юбки, которые только выбросить. Молю траченные, изъеденные платки...

— Вот, с пальто воротник спорола.

Я посмотрела, воротник как воротник, нафталином пахнет, и вспомнила, что подруга-ветеринар для белки в домик мех просила.

— Хорошо, куплю воротник.

— А бюстгальтеры? Посмотрите какие!

И я купила один страшного вида бюстгальтер пятого размера. По пять рублей.

Так у меня обычно собиралась целая сумка. «Вот зачем мне нужен этот бюстгальтер? — недоумевала я. — Я ж не Петлюра какой-нибудь, совковое белье по помойкам собирать, потом в Театре.doc спектакли-перформансы устраивать». Дома я уже кладовку доверху завалила. Наверное, со временем такими темпами ко мне перекочет львиная доля московского блошиного рынка. Но что же делать, жалко их, стареньких... И уходить с пустыми руками не хочется. Да и за копейки ведь...

Я потратила уже половину денег, как заметила чудную старушку. Она стояла в легком черном прилеченном пальто и чудесной винтажной шляпке с вуалью, несгибаемая, с ровной спиной и изящными ладонями, на пальце блестело крупное кольцо, привлекающее взоры. Аристократка. Остальные старушки поворачивались к покупателям всем телом, многослойная одежда сковывала движения, про таких в Бресте, откуда я родом, говорят — «одет, как капуста», а эта женщина повернулась ко мне только лицом, с царственной грацией. Перед женщиной на скатерти уместилось девичье состояние: вышитые платочки, чепчики, кружева, корсеты, шляпки, детские сорочки, хрустальный флакон, серебряная

Рисунок Анны Пинчук

арт pinch

таблеточница, театральная сумочка, вышитая бисером...

— Вам не холодно? — сочувственно спросила я.

— Нет, я совсем не чувствую холода.

— Откуда ж вы взяли эти вещи? Давно не встречала ничего такого на «блохе», — едва молвила я. — Это целое богатство!

— Мама была модница, сберегла. Времена выдались голодные, но мама решила, что чем за бесценок отдавать, а то и даром, лучше сохранить. Такой бережливости научил ее небезызвестный писатель — Алексей Толстой.

— Надо же! Как это?

— А вот так. Пришел раз. Жадный он был до антиквариата, по всей Москве рыскал. Приходил как покупатель, а уходил как вор. У мамы отца расстреляли, нас трое — три сестры, как в пьесе. Хотела старую массивную раму продать да шкатулку деревянную, музыкальную. Мы всей семьей любовались, открывали ее маленьким ключиком, смотрели, как крутятся в паре под музыку вальса миниатюрные мужчины во фраке и девушка в коротком бальном платье с ленточкой сзади, отражаются в зеркалах... И нам было не так противно на душе, не так голодно... Все забрал, не дал ни копейки. Жаловаться было бесполезно. Времена тяжелые выдались после революции, едва выжили. Потом друзья маме помогли, эмигрировали мы в Париж...

— Вот они какие, подлинные таланты! С червоточиной!

— Бог ему судья. Видела его в этой раме в музее. На всю жизнь его лицо запомнила, хотя уже не помню из детства почти ничего.

— Надо у вас обязательно что-то купить. Глаза разбегаются! Мне нравится все!

— Покупайте! Но у меня особый товар есть, специально для вас, ценителей, припрятанный.

Старушка подмигнула и достала из сумки большой сверток. Долго разворачивала бумагу, и оказалось, что это достаточно объемная коробочка, обитая розовым шелком, а по ткани искусно выписан цветущий вьюнок. Она открыла футляр, внутри на розовой атласной подушечке лежал веер. Черепаховый, с тонкими, полупрозрачными коричневыми планками остова, с гравировкой. Над инициалами владелицы — корона в мелких брильянтах, значит, принадлежал королевской семье. На рукоятке красовались алмазы ручной огранки. Старушка развернула веер — и я ахнула. С одной стороны на шелке мастерски нарисованы художником духи солнца, воды, цветочные феи... А с другой — лес, болото, пауки, лешие, русалки... Краски несколько померкли со временем, но от этого лишь приобрели особенный шарм.

— Рисовал хороший художник, только имя его стерлось с годами. Картинки со старославянскими мотивами, тогда модно было. Славяне любили селиться вдоль рек, там безопасно, и солнце любили. А лес их страшил...

Я засмотрелась. Ничего подобного никогда не видела. Тут же конкуренты подтянулись. Смотрели, восхищались, удивлялись. Некоторые уже потянулись за кошельками. Я испугалась, что кто-нибудь выхватит это чудо прямо у меня из-под носа.

— Сколько? — спросила я.

— 40 тысяч. Вместе с коробочкой. Не жалеите денег, он принесет вам счастье.

— Ой, — расстроилась я. — У меня и денег-то с собой таких нет...

— А вы не волнуйтесь. Приходите завтра, я буду вас тут ждать. Этот веер ваш будет. Обещаю.

Я бросилась домой, расколола мужа, как копилку, он половину требуемой суммы дал, достала все деньги из собственного заглазника, но мне все равно не хватало... Тогда вывернула карманы штанов, выброшенные мужем в стирку, и нашла там еще тысячу рублей, о которых он уже и забыл. Поскребла по сушекам, наполнила мешочек звенящей мелочью, сходила в банк, обменяла их на бумажки. В банке из-за меня собралась целая очередь, пылающая негодованием. Кассирша зло сверкала на меня глазами и все время говорила:

— Вот, понанесла, теперь машина будет целый час считать. Вроде не нищая...

Не хватало еще пяти тысяч двухсот рублей. Пятьсот рублей отжалела мне старшая дочь, которые она, говорила, на черный день откладывает. Мол, мы, взрослые, тратим все, а придет черный день, и вся надежда будет только на нее, на дочь, которая по десятке для нас сберегала. Но все равно не хватало! Я уже приуныла, мысленно сказав себе: «Ну все, денег нет... Где же вы, высшие силы?..»

И тут раздался звонок в дверь — пришла мама. Она заглянула по дороге, получала пенсию. И пришлось экспроприировать часть пенсии.

На другой день старушка стояла на том же месте и улыбалась.

— Я знала, что вы вернетесь. Берите. А мне теперь и на похороны хватит.

— Да что вы, какие похороны?..

— Так я вернулась в Россию, чтобы умирать... А как вы думали? Все мы там будем. Хочу в русской земле лежать. Вы не пожалеете, что купили этот веер. Он непростой, с секретом.

Старушка аккуратно завернула мне коробочку с веером, и я помчалась домой, смотреть, изучать все складочки, изгибы. Потом вспомнила: не поблагодарила! Вернулась — аристократки не оказалось на

месте. Она пропала, и след простыл. И все вещи пропали. «Странно», — подумала я.

— Вы не знаете, где эта старушка? — спросила я у продавцов по соседству.

— Какая старушка? Тут их много...

— Ну, такая, в шляпке с вуалью, она только что мне веер продала.

Но люди только плечами пожали и подумали, что, должно быть, я ненормальная.

— Я тут вееров отродясь не видел! — ответил мне алкаш, торговавший разными бутылками и ржавыми канистрами.

Оказалось, что веер и правда с секретом, но обнаружил я его не сразу. Однажды устала, замучило меня все: крики, беготня младших детей, муж злой, недовольный. Не знаю, за какую работу братья, все из рук валится. И тогда я трепетно извлекла веер из коробочки, захотелось душу усладить, полюбоваться. Обмахивалась сначала темной стороной, с лешими и тварями болотными, а потом перевернула — и сверкнули глазами цветочные феи. Веер легко, словно хрупкое крыло бабочки, одарил покоем... Время замедлилось. Я будто погрузилась в сон. И чудо! Все, что валялось, само собой встало на место, дети тихо играют с кубиками, старшая моет посуду на кухне, муж принес заботливо чай с ромашкой...

Стала я с тех пор использовать светлую сторону веера по всякому глупому поводу.

Еду в метро, толкотня, кто-то нервный начнет возмущаться, мол, стали тут. Я достаю веер из сумки и начинаю обмахиваться обратной стороной. И пассажиры вдруг расступаются, перестают толкаться, никуда не спешат, вежливо пропускают... Выхожу я из вагона в залу, словно на бал, а там дамы, кавалеры услужливые, люстры горят, в полу, начищенном до блеска, отражаются... Мир замирает — ждет моего появления.

Или сидим с мужем на спектакле. Так скучно, что спать хочется. Я раскрываю веер, начинаю обмахиваться — и надо же! — актеры начинают хорошо играть, зрители взрываются овациями, то и дело кричат «браво», кидают на сцену цветы, а муж за руку берет нежно и на ухо шепчет: «Как хорошо, что мы выбрались в театр. Такая прекрасная постановка. Давай каждую неделю ходить». И сладкое время не спешит — потягивается мной, как коктейль через соломинку.

Такая я стала счастливая.

Но вот беда, как-то случайно веер на стуле оставила, и дети мои тут же подлетели и поломали две планки. Веер перестал творить чудеса. Я переживала, даже расплакалась, а потом подумала: «Может, это к лучшему, будет повод съездить в Питер, когда потеплеет, там, говорят, хорошие реставраторы вееров живут».

У меня и другие приятные дела в тех краях найдутся. Съезжу весной на фантастический конвент в пансионат «Морские дали». Чудесное место! Когда штиль на Финском заливе, то кажется, будто море сливается с небом, небо начинается прямо за кромкой песка... В лесу цветут верба и подснежники, а между травами — журчат ручьи, над лесным озером — летают утки. Массовик-затейник опять воодушевленно проведет пешую экскурсию и расскажет, какие люди здесь бывали: космонавты, Андрей Миронов, Олег Даль, братья Стругацкие и даже Гарик Мартиросян... А потом мы с подругой опять съездим в усадьбу Репина, побродим меж темных елей, увидим крест на его могиле...

И я решу, что неплохо бы, пока веер реставрируют, зависнуть на недельку-другую в Питере. Попрошу кого-нибудь познакомить меня с известным фантастом Натановичем. Меня подведут к Натановичу и скажут: «Это Наталья», а Натанович кивнет и скажет: «Хорошо, Наталья, становись от меня по правую руку, буду сегодня любоваться на тебя».

А потом я остановлюсь у друга на улице Маяковского. Мама друга будет меня вкусно кормить да приговаривать:

— Уж больно худая ты!

Мы с другом будем гулять, как прежде, по городу, блудить возле памятников и забираться на мостики. Я оседлаю всех львов и грифонов в городе. Достану фотоаппарат. И мой друг опять спросит: «Чего это ты одних беспаспортных фотографируешь?» А я скажу, что они такие трогательные в Питере, что им даже завидуешь, они совсем не такие, как в Москве. И бабушке-бомжихе завидую, что может сидеть целый день в Летнем саду и рисовать с натуры древнегреческую Грацию; и той женщине, что омывает в Неве ноги; и тому мужичку, что ищет в мусорке журнал «Наука и жизнь», чтоб почитать; и той маленькой девочке, словно вынырнувшей из сказки «Девочка со спичками», что, войдя в магазин, где все блестит и сверкает, просто кружится от удовольствия, не обращая внимания на конфетные горы.

И я подумала: «А зачем ждать весны? Поеду сейчас!»

Муж занервничал:

— Вечно ты со своими закидонами! Какой еще Питер?!

— Ничего не знаю! Хочу! Мне веер срочно починить надо. Я только туда — и обратно.

И я лечу на вокзал, покупаю билет в плацкартный вагон, лишних денег нет, а так именно сейчас поехать хочется. Договорилась с реставратором, Майей Петровной. Поезд прибыл рано, в пять утра. А встреча — в одиннадцать...

Гуляю по Невскому. Зимний Питер встречает не приветливо, это не то, что радостный летний. Ветер до костей пробирает, мороз не дремлет.

Снег да вороны. Люди вымерли или вымерзли. Площадь искусств, дом № 1, уставший Пушкин, закрытый Русский музей... Вот и Спас на Крови, знакомый мне с детства. Мы с бабушкой приезжали в Ленинград, и Спас тогда, весь в лесах, стоял на реставрации. А мне так захотелось внутрь попасть! И я попала, когда исполнилось двадцать пять. Уже без бабушки...

На мосту ноги перестали сгибаться в коленях, одеревенели, как у покойника. Река превратилась в сплошной белоснежный каток. Восхитительный пейзаж, архитектура не радовали. Возле Петропавловской крепости, облюбованной людьми-моржами, никто не купался. Петр Первый Михаила Шемякина надменно и грозно смотрел сквозь меня, словно я превратилась в прозрачную льдинку, а льда в этом городе и без меня достаточно. Я думала о веере, что находился у меня в сумочке, думала, что ему-то хорошо, он бездушный, и то и дело повторяла державинскую строку: «Хотел бы веером сим быть»... А потом я отсиживалась в «Макдоналдсе», и никто не в силах был оторвать мои руки от горячего пластмассового стаканчика с кофе...

Приближались одиннадцать часов. Я отправилась на Площадь восстания, где жила Майя Петровна, реставратор.

Квартира Майи Петровны пахла сыростью, французскими духами, жасмином, цветущим на окне, деревом, стариной и всякой изящной роскошью... Антикварная мебель всюду: громадный комод с железными ручками, стол с крупными ножками, с завитками, кресла из дуба и бархата, огромное зеркало от пола до потолка и множество полок с книгами... Казалось, это сказка. Сейчас выйдет принц и проведет меня в свои покои.

— Ну-ка, посмотрим, что тут у вас...

Я коробочку не брала с собой, уж больно она большая, а веер завернула в целлофан с пупырышками, которые так забавно хлопают, когда их давишь пальцами. Развернула упаковку и протянула веер Майе Петровне, которая сразу вооружилась очками и стала внимательно его изучать. Взгляд у Майи Петровны цепкий, мгновенный, если б она могла стрелять глазами, то была бы снайпером. Нос крючковатый, острый, я опасалась за свой веер, вдруг нос его случайно поцарапает. Пальцы тонкие, крепкие, жадные... Голос с хрипотцой. Черный кот запрыгнул Майе Петровне на колени, посмотрел на меня недоверчиво и зашипел. Мне захотелось выхватить из рук этой цепкой женщины свое сокровище и убежать. Но седины, уложенные спокойными волнами, внушали доверие и уважение.

— Тихо, Мурзик, не шипи на гостью. Интересно. Где-то я уже видела подобный веер. А, ну конечно же!

И она достала с одной из полок огромную книгу.

— Это альбом Исторической выставки предметов искусства, устроенной в 1904 году в Петербурге, под покровительством Ее Величества Александры Федоровны, в пользу раненых воинов. По-моему, здесь я видела такой же веер... Да, точно, вот он.

Я посмотрела и глазам не поверила — похож!

— Ага, вроде он...

— Только вот русалка на нем с другого бока на березовых ветках, русалочьих качелях, катается... Видимо, двойник-перевертыш. Этот веер, как и многие другие ценные предметы, пропали после революции. Если вы помните, Ленин с соратниками решили продать кое-что, чтоб народ прокормить... А под это дело кое-кто и себе кое-что на старость припрятал. Сейчас то и дело всплывают эти вещи в разных частях света. Вот недавно на чердаке дома одного старого энкавдшника нашли целый альбом с потерянными эскизами и графикой известных русских авангардистов: Суетина, Розановой... Видимо, приказали сжечь, а он взял да и прибрал к рукам тихой сапой. Повезло вам, что рисунок немного не совпадает, а то пришлось бы украденные ценности возвращать...

— Да, повезло, — сказала я. — Так вы его отреставрируете?

— Запросто. Он в хорошем состоянии, много времени это не займет, часа три. Может, вы пока посидите у меня, посмотрите книги?

— Хорошо, — обрадовалась я.

Выходить на морозные улицы, пусть и лучшие улицы в мире, не хотелось, да и книги редкие, интересные.

— Кстати, я сейчас припоминаю: ходила легенда об этом веере, как будто он сам себе хозяина выбирает... Я еще тогда смеялась — до чего суеверный у нас народ...

Майя Петровна удалилась в другую комнату, в рабочий кабинет. А я рассматривала картинки с веерами и решила, что теперь буду собирать одни только веера, они такие хрупкие и чудесные, как весенние цветы... В этих картинках и фотографиях можно провести вечность, утонуть, но Майя Петровна вскоре меня потревожила:

— Ну, вот и все! Даже незаметно. Только будьте теперь осторожнее, склеенный веер легче сломать. А еще я цвета кое-где подправила, ярче сделала. Может, хотите продать его? Им бы заинтересовались и Эрмитаж, и Павловск... Или богатые коллекционеры много денег за него выложили бы...

— Нет, спасибо большое, но я никогда его не продам. Он мне и самой очень нужен.

Я ехала в поезде на верхней полке и разглядывала обновленный веер: лица леших и русалок. И, кто бы мог подумать, в лешем узнала заросшего волосами мужичка, который втюхивал мне писающего мальчика, а в женщине с подвенечным платьем и фатой угадывалась пожилая фея, кружившая над розами. А русалка, которая раскачивалась на ветках березы, напоминала чем-то старушку, растворившуюся в воздухе, наверное, она такой была в молодости. И мне даже показалось, что русалка мне так же подмигнула, как и тогда старушка на рынке... А вот эта Баба-яга — вылитая Майя Петровна. И кот черный у нее на плече будто вот-вот зашипит...

Дома отреставрированный веер я аккуратно уложила назад в коробочку, на розовую подушечку из атласа, закрепила нежно бантиком из парчи, чтоб

даже не двигался, и накрыла крышечкой с нарисованным вьюнком. Решила, что больше не достану черепаховое сокровище без важного повода, по всяким пустякам. А то еще веер рассердится и сменит хозяйку. Ведь важный повод, разумеется, случится, но я буду гнать его от себя... до поры до времени.

Я оглянулась. Темно. Все мои давно спят. Такие милые. Елка хороша в блеске гирлянды. Весь мой хлам притаился за стеклом. В голове засели колокольчики. Сначала они, как в «Рождественских повестях» Диккенса, раскачивались еле заметно, и я едва слышала звон, потом сильнее, и вскоре зазвучали все колокольчики в доме. Кошка, британка Пеппи, их не слышала и невозмутимо терлась о хозяйские ноги... Тепло, а за окном метелица. В такие минуты я и сама могу творить чудеса...

ТЫ ВСЕ ЕЩЕ МЕЧТАЕШЬ О ЛЮБВИ?

Дым плотной завесой, словно туман Джона Карпентера, заволакивал бар «Сети». Мы любили компьютерные сети, впутываясь все сильнее в виртуальную паутину. Любили дешевое пиво, что повсюду раскидывало ловкие силки. Любили этот дым, никотин... Рыболовные сети — драпировку стен, напоминание, что к пиву хороша соленая рыба. Пересечение грубых балок на потолке. И, конечно, ловушки любви, которые с возрастом производили все меньшее впечатление.

Я и Коля все реже и реже в них попадались, а в какой-то момент совсем поумнели, стали их обходить, ограничились друг другом, этими баром, пивом и сигаретами, посетителями, которые, будто фонограмма, проявлялись лишь силуэтно.

Нефильтрованное пиво пузырилось, мы сидели у стойки, потягивали мутный напиток, глоток за глотком, и сетовали на несовершенство мира. И больше всего мучил вопрос: почему же не срослось, не вышло. Коля щедро делился опытом:

— У Ильюшиной. Каждый раз я ее отговариваю от беспорядочных связей, предлагаю присоединиться к нам, к любовным отщепенцам. А она — ни в какую. Потом плачется: «Что ж мне, совсем ото всех отказаться? Я слабая женщина».

— Ха, — замечаю я с умным видом. — Вот поэтому мы, женщины, обречены.

— Бог придумал любовь, чтобы мы совокуплялись, потому что иначе нас сложно заставить плодить себе подобных.

— Нет, Бог все-таки добрый и придумал любовь для тех, кто не пьет, не курит и не употребляет наркотики.

— Ага, и не нюхает клей... Я уверен, что от любви умирает больше народу, чем от рака легких, — сказал Коля и важно закурил сигарету.

Вечер резко накренился в сторону романтики, в которую впадает обычно человек, вкусивший алкоголь и луну одновременно. У Коли легкие волосы, они упрямо вьются в разные стороны, похоже, что их вот-вот сдует, и Коля станет лысым. А еще у него всегда сухие губы. И бледно-голубые глаза казались бы холодными и безжизненными, если бы не многочисленные складочки в уголках век, которые выдавали веселого и беззлобного человека.

За соседним столиком сидит одинокая девушка. В том смысле, что она пришла в бар одна и пытается, довольно откровенно, привлечь к себе внимание. Она задевает то нас с Колей, то двух парней, сидящих на другом конце этого безумного мира. Девушка яркая, брюнетка, с родинкой возле губ, несколько высоковатая, но красивой ее не назовешь — нос подвел. Думаю, если б этот нос и эта девушка стали жить отдельно, то они оба стали бы от этого счастливее. Видимо, она пребывает в том радостном, приподнятом состоянии, которое предшествует истерике. И пусть — каждый может иногда позволить себе безумства.

В голове откуда-то из почти забытого детства возникла песня:

Девочка, слурев от шума и от дыма окосев,
 Что-нибудь решать и думать отучается совсем.
 О, сладкая жизнь!

Иллюминация зажглась — и мы погрузились в отблески множества лампочек, которые, если зажмуриться, напоминали небрежные мазки импрессионистов.

И вдруг слышу среди разговоров, превращающихся в угрюмый рокот, под плеск пива о стенки стаканов, от парня по соседству, как он намеренно громко отвечает на вопрос одинокой соседки, глядя почему-то на меня:

— Нет, я с вами не знаком, но вон ту-у-у девушку хорошо знаю.

И кивнул многозначительно в мою сторону. Я вздрогнула, стала судорожно перебирать в голове всех тех, с кем мне пришлось переспать случайно, потому что это самые опасные типы, при встрече с которыми пробелы в памяти вполне предсказуемы. Потом решила, что нет, ошиблась. В принципе, я привыкла, что меня знают некоторые люди, которых я не знаю, например, сосед на меня заглядывается, а я — не замечаю... И я сказала:

— Нет, вы меня знать не можете. А вот вашего друга я действительно знаю, мы играли в детстве в земли, футбол, казаков-разбойников...

— Да? Вот новость, Макс, это правда?

— Правда. Мы живем в соседних дворах с рождения.

— Какой же маленький наш городок. Да, Света?

Мне казалось, он упивался этой сценой, своим превосходством и моей растерянностью. Мне ничего не оставалось, как прикинуться поваленным деревом, которое не так уж и стремилось участвовать в жизни леса. Нате, дожирайте меня, короеды.

— О да! Деревня, — ответила я, а сама кусала губы, сиюсья вспомнить.

— А ведь ты, Света, так меня любила, помнишь, так любила, до безумия?

— Я?! Любила?! Ну, знаете ли, воображение у вас...

Но Коля уже смотрел на меня подозрительно, и я ему знаками показывала, что, мол, все нормально, я с тобой, никого не любила, этот парень бредит.

— Ну что, Света, может, выйдем на воздух, проветримся, и я освежу твою память?

Я быстро прошлась по нему взглядом: модная козлиная борода, небольшие карие глаза, коротко стриженные темно-русые волосы, широкая ровная спина, будто по ней прошелся каток, на толстой шее — массивная золотая цепь, на ногах — спортивные сандалии, — нет, ничего не помню.

— И чего это ради?

— Узнаешь.

Мы вышли, на улице наши фигуры обдало прохладой, что летом совсем нелишнее. Каштаны мирно качали увесистыми лапами с растопыренными толстыми пальцами. От разогретого за день асфальта исходило тепло, он не успевал остывать, такое жаркое выдалось лето. Парень испытующе щурится.

— Так и не вспомнила?

— Нет. Может, это такой хитрый способ знакомства?

— Тогда будем знакомы, незнакомка. Я Миша.

— А я...

У меня не так много знакомых Миш. «Неужели тот самый?»

— А я тебя уже узнала... Боже, так стыдно. Ты так изменился. Но как я могла тебя забыть? Прости...

«Как я могла его забыть?!»

Вспоминаю зиму. Я бегу, ноги тонут в пушистых сугробах. Снег только-только перестал падать. Луна из-за домов вышла рано. Тихо — все звуки тонут в белой пелене. Мы с друзьями перебрасываемся снежками, от радости, что вот он — подарок к Новому году вместо привычной слякоти. А Миша меня догнал и обнял. Все бы хорошо, но случилось нечто неожиданное — прошибло током. Я встрепенулась, Миша ослабил хватку, ничего не понимая. А я посмотрела на него совсем по-другому. Вот мы друзья — а вот уже нет...

...Горят свечи. Мы играем в карты. Я всегда выигрываю, даже если для этого приходится смухлевать. Миша видит, что я нечестно играю, но сказать об этом — не по-мужски. В его глазах прячутся лукавые солнечные зайчики. И между нами такое напряженное поле, притяжение, что это чувствуют все. И говорят:

— Хорош! Сколько можно? Она же мухлюет, а ты не видишь.

— Я вижу. Я бы играл так всю жизнь... Всю сладкую жизнь...

...А еще спина, голая спина... Всегда его спина нравилась. Отлаженная работа мышц. Заученные движения кун-фу. Длинная палка, виртуозно вращающаяся в воздухе...

Такой умный. Интересовался мистикой. И не боялся заблудиться в лесу.

Мы были детьми. Но мечта о двух половинках, наверное, уже в нас пробудилась...

Миша рассмеялся. Миша интересно смеялся: то во весь голос, то просто улыбался, глядя на меня, как будто говоря: «Ну ты даешь! Нет, правда?!», и продолжал хохотать без удержу.

— Ничего, я не обидчивый. Может, бросим всех и пойдем куда-нибудь зажигать звезды?

Бывают люди, при встрече с которыми все останавливается: время, звуки, не снуют туда-сюда прохожие... Взгляды пересекаются — и впиваются накрепко друг в друга, как магниты, прикоснувшись нужной стороной. Вокруг больше ничего нет и никогда не было. Вот только эти прожилки, блеск влажных глаз... Зрачки сливаются с ночью — и все.

— Сколько ж лет прошло?

— Лет десять. Не важно. Нам было по шестнадцать, и нам еще нельзя было заниматься сексом.

— А теперь можно?

— Надеюсь, — сказал Миша, осматривая мою фигуру. — Ты же красавица. И я этой встречи столько ждал...

— Ой, вы посмотрите на него, он ждал, ага, за стойкой бара десять лет... Ладно, только я попрощаюсь с Колей.

Я впорхнула назад в бар, и, наверное, по моей легкой, приподнятой походке Коля сразу понял, что мы с Мишей собираемся уйти.

— Коля, ты не представляешь, что произошло... Я его действительно знаю. И нам пора.

— Неужели? А как же превратности любви?

— Иногда бывают такие случаи, когда превратности не пугают.

— А, ну давай вали, предательница! Дай мне почувствовать, что я один в здравом уме на всей этой планете, где, чтобы выжить, надо кого-то съесть.

В тот день я, повинаясь интуиции, вырядилась и даже помадой губы нарисовала. И теперь, идя рядом с Мишей, чувствовала себя уверенно. Я мотала туда-сюда сумочкой от «Прада», кофточка блестела стразами, каблук строили, юбка развевалась, как советский флаг. Прическа волнами ниспадала на плечи, долго пришлось над ней работать, сбоку искрилась заколка, как кокетка. А на шее красовалась колье из мелких красных розочек от Avon, которое я всегда надевала к любви. Звезда из старого кинематографа, да и только... Грета Гарбо.

Я не знаю, как люди определяют, что перед ними именно влюбленные, которые не встречаются день за днем, а вместе только на сегодня, и это сегодня тянется и тянется, как в замедленной съемке, протекая в бесконечность.

Этот сценарий я вынашивала долгие годы, что-то вычеркивала, меняла, добавляла, думала, как это будет, воображала костюмы актеров... Миша, конечно, со своими сандалиями подвел, но это не важно. Прогнозировала: «А что, если я скажу то... То он, наверное, ответит то-то». В финале всегда-всегда плакала. Ведь хороший фильм всегда заканчивается трогательным расставанием... Как в «Мосту Ватерлоо».

Только, это часто так бывает, сценарию долго приходится пылиться в ящике стола. Кто-то написал

текст получше — и теперь снимают его. И измышляешь истории попроще... Но и эту не выбрасываешь, ведь он первая, любимая и такая максималистская. И вот когда не ждешь... кто-то порылся в столе, прочитал и говорит: «Это же хорошо! Внимание! Будем снимать!» И этот кто-то Федерико Феллини, не иначе. Чудо, ожившее по плану, — Dolce Vita. Я в такие минуты начинаю верить, что есть Бог, есть любовь, мир во всем мире возможен. «Давайте, — скажет Феллини, который Бог. — Выкладывайте вашу чепуху на стол, самые смелые записи, документы, все ваше барахло».

Это же я, я все эти годы мечтала о том, как встречу Мишу, вся такая безумно привлекательная и интересная, — и он пожалеет, что задушил наши чувства в зародыше: когда-то давно сказал, что не любит меня, никогда не любил и вообще я не в его вкусе. Я мучилась комплексами неполноценности десять лет, время от времени думая, почему это я не во вкусе Миши... Сначала я все время ему звонила и выслеживала, и за мирными вопросами «Как дела?» и «Чего нового?» неизменно следовали другие, которые многие сочтут унижительными, но мне тогда было все равно: «Неужели не любишь? Неужели совсем? А может, попробуем? Почему ж никогда?» А потом я отчаялась, и чувства угасти.

Успех у других мужчин не перебивал гнетущего ощущения безответной любви, и я, как паук, ждала своего часа, чтобы съесть попавшего в паутину Мишу. Нет, не съесть, растоптать, унижить, выпить кровь! И на тебе — я все забыла. Иду себе, как дурочка. И хочу одного — оказаться в розовой допри торности сказке.

— А куда мы идем?

Свет фонарей. Наши тени, тени деревьев, домов, падая на асфальт, рисовали на дороге абстрактные фигуры. Невидимый Кандинский поработал над этим городом. А простая золотошвейка в кокошнике вышла на небе мышинным крестиком звезды. Машины перестали елозить, люди — ходить... И в такое время можно слышать, что говорят люди за квартал отсюда, как за три квартала лает собака. Дорожный знак, плохо прикрепленный к столбу, неприятно содрогался железом. Казалось, что в каждом темнеющем дворе схоронилась тайна, а из каждого окна заброшенного здания выглядывал призрак злобной старухи... Повелея давно забытыми детскими страхами.

Цветы — маргаритки, бархатцы, петунии, приглушенные темнотой, — кивали мне головками и будто подбадривали. Наверное, это идеальное время для поцелуя, когда ничто не отвлекает от нежного движения губ. И первыми реагируют глаза, которые чуть прикрываются веками и ретушируются ресницами в ожидании наваждения.

— Ну, давай заглянем в какой-нибудь бар по дороге, я бы выпил кофе и с удовольствием поболтал бы с тобой. Мне кажется, нам есть что рассказать друг другу.

И вот мы сидим в баре с незамысловатым названием «У Вадима», на улице, где, несмотря на ночь,людно и шумно, и говорим, и каждое слово для нас — слиток золота.

— А разве ж ты не ведьма? — спрашивает Миша.

— Да, точно, ведьма, ведьма из Блэр, я умею готовить зелье из глотков нежности, дыхания оттепели и прошлогодних снов Деда Мороза.

— Интересно, я бы даже сказал, интригуяще, — заметил Миша и подлил себе еще водки.

Видимо, для того, чтобы отважиться со мной переспать, надо выпить не меньше бутылки.

— А ты кто по жизни теперь?

— Цветочница. Флорист. Составляю букеты да икебаны в дорогом бутике.

— Забавно.

— А ты?

— А я... Скажу тебе честно, мошенник. Меня вот уже в розыск объявили, надо срочно драпать из страны. Мою фотографию можно вскорости увидеть на стенде рядом с особо опасными преступниками.

— Надо же... Никогда бы не подумала, что ты Остап Бендер.

И Миша нежно взял меня за руку, вернее, схватил, будто хотел удержать не руку, а нечто другое.

— А я вот в Египте недавно был. Три тысячи евро с собой взял, не пригодились, едва тысячу потратил. А ты была в Египте или еще где?

— Нет, никогда не была за границей, представляешь? Денег едва на Монтеня и Шпенглера хватает, чтоб с Колей более ли менее на равных общаться, он умных, гад, любит.

— А он...

— Нет, только друг.

— А сумка? Дорогая же...

— Эта? Подарок. И то я думаю, что не «Прада», подделка.

— Понятно. Ну ничего... Будет у тебя все. Вот я вернусь из бегов... А как ты думаешь, какими бы мы стали, если бы были все эти десять лет вместе?..

«Ой, только бы не сорвалось. У меня так давно не было секса», — пульсирует в моей голове.

Очнулась — и не слышу ничего. Все исчезло, выключилось. Вибрации машин и телефонов. Пьяные голоса за дверью. Презрительный взгляд старой, совковой еще, администраторши «Интуриста», внимательно рассматривающей наши паспорта... Свист ветра в неплотно подогнанных рамах. Город со всеми безумными звуками утонул во внезапной

глухоте, ушел на дно жизни, свернулся клубочком и заснул.

И только — тук... тук... тук... тук... тук... — стучит сердце.

И вот еще простыни зашевелились...

— А ты совсем не такая, как я думал...

— Есть легенда, что в каждом человеке живут вместе пятнадцать душ и после смерти они разлетаются в разные стороны, устав терпеть друг друга.

— Да? Тогда я вынужден сообщить, что тебе удалось целиком завладеть всеми моими пятнадцатью душами еще до смерти.

— Что ж мне делать с таким сокровищем?

— А еще я, кажется, снова запал на тебя. Тогда тоже, но сказал тебе неправду, чтоб отвязалась, перестала преследовать. Ты такая же, как я, будто из одного теста нас сделали. Я испугался. Не очень приятно, когда тебя видят насквозь... И не очень хорошо, когда со дна души поднимаются все разом чувства, о силе которых и не подозревал, и безжалостно топят мозг...

Я вздохнула. Одной моей половине такое признание польстило — многолетний комплекс неполноценности сам собой испарился, а другая — загрузила от того, что не услышала этих слов еще десять лет назад. Теперь они даже не производили на меня сильного впечатления. Я знала, что романтика в понимании мужчин и женщин имеет несколько разное значение: для женщин романтика — получить кольцо, пусть скромное, но с обещанием жениться, а для мужчин — получить удовольствие и свалить, вспоминая обо всем иногда с умилением... «Мне нужны случайные бабы и одиночество... Я хочу путешествовать холостяком по городам и весям», — писал Фредерик Бегбедер.

«Что было бы, если бы... мы... были вместе?»

— Ты мне тоже очень нравился. Прости, что зацепила тебя своим ураганом. Я была юна и бесхитрозна.

— Ничего, мне льстила твоя навязчи... э-э-э... настойчивость...

Мы еще минут пять помолчали, время от времени дотрагиваясь друг до друга, чтобы убедиться, что все это — не сон, потом Миша забылся, а я лежала и смотрела на звезды, которые зажглись и вот-вот погаснут, уступая небо солнцу.

Иногда хочется отложить сон, чтобы не закончилось сегодня. До последнего оттягиваешь конец бодрствования, потому что проснешься завтра иным, и все будет по-другому, и не будет так хорошо, а будет такой же день, как вчера, и работа, и людей занудство, и беспорядок людских потоков в длинных коридорах домов и улиц, и круглосуточное мелькание улыбающихся лиц на экранах телевизоров. И сценарий не твой...

А еще хотелось рассмотреть лицо, чтобы, если следующая встреча состоится, хотя бы узнать... и через стойку бара уверенно крикнуть:

— Эй, помнишь меня? Я до безумия тебя когда-то любила!

А потом я встала, приняла душ, оделась, причесалась и села на стул ждать, когда же он проснется, мне давно пора домой. Сердце радовалось, а лицо... Одна бровь сама собой сползла вниз, а один из уголков рта потянулся вверх — и все это должно было изображать иронию.

— Ты уже проснулась? Э-э-э... Марина. Нет, Наташа... Даша...

— Забыл уже? Света. Да, пора идти.

— Погоди, я провожу тебя.

— Да ладно, я живу тут напротив.

— Ну, хоть телефон дай...

— Зачем? Будешь мне звонить?

— Ну, может, и позвоню... когда-нибудь...

Я записала телефон на клочке бумаги и безразлично протянула ему: я знала, что не позвонит, но проявить уважение к человеческому порыву всегда надо.

На следующий день я заглянула в бар. Коля один сидел у стойки.

— А, пришла. Чего-то на этот раз быстро...

— Да, быстро. А чего тянуть? Все уже не так. Десять лет прошло — мы другие.

— А я думаю, тебя опять бросили и ты хочешь рыдать в жилетку.

— Да нет, Коля, хоть, может, как ты думаешь, я и саймоновская девушка для прощания, но вполне себе счастлива. Возможно, еще через десять лет нам и хватит ума остаться друг с другом, а сейчас мне замуж пора выходить.

— Да? И за кого?

— Не знаю, за кого. Кто-нибудь да подвернется... Не бойся, не за тебя.

— А ты не хочешь поговорить по этому поводу с Богом? Ну или со мной... Без ложной скромности.

— Нет. Я устала задавать один и тот же вопрос, на который Богу уже в лом отвечать. И так понятно. Любовь — не повторяется. В одно море дважды не войдешь...

Окидываю взглядом бар. Все как и вчера. Только нет Миши. Зато есть та самая раскованная девушка с родинкой у рта, как у Синди Кроуфорд. Она сидит сегодня в конце зала, с подругой, веснушчатой и будто выцветшей, не знающей, что существует окрашивание бровей. На столе штук пять пустых бокалов, три полных и один недопитый. Брюнетка смотрит в пол, из-под длинной челки выглядывает только нос, и по нему в бокал стекают одинокие слезы.

Феллини скомандовал: «Танцуют все!» — и круг замкнулся, а потом режиссер, который Бог, спросил у меня:

«Ну как, ты все еще мечтаешь о любви?»

Настоящий

Как-то вспоминали с друзьями детство, стуча ендовой за стойкой бара, и все описали примерно одну и ту же картину: как мы с отцами ходили в пивную, которая находилась аккурат между моим домом и входом в Брестскую крепость, подальше от трезвых глаз.

Окружали пивную железнодорожные пути, сад «Дружба», мощные трубы ТЭЦ, из которых всегда валил белый дым, и зеленый забор, увитый девичьим виноградом. Заборы всегда в моем детстве красили в зеленый. Видимо, где-то далеко существовал огромный завод, выпускающий исключительно зеленую краску самого неприглядного оттенка, и этот завод, как и ТЭЦ, не прекращал работу ни на минуту, чтобы обеспечить краской всю страну, которая зеленела, будто лягушка, но в принцессу никак не превращалась, сколько бы ее ни целовали заморские принцы.

Чтобы попасть в пивнушку наших отцов, надо было пройти все стенды в виде красных знамен с изображениями героев, защитников крепости: Неганова, Кижеватова... И сразу за Гавриловым открывалась взору вожденная стекляшка, сбита прочно из железа и стекла, а сверху — крыша из серого шифера.

Неподалеку — запретная зона. Место загадочное и малопосещаемое. Казалось, именно там живут феи. Но когда мы приходили, они прятались за высокими кленами и акациями, которые где-то высоко, возле самого неба, сплетались ветвями так крепко, что не пускали солнце. Мы, дети, частенько туда заглядывали, поедали кислотоватую заячью капусту и рвали нежно-лиловые незабудки. А еще, бывало, мужик пройдет тропкой в сторону огромных портальных кранов, которые день и ночь наклоняли огромные лошадиные головы и грузили щебенку, уголь и

ремень в огромные ржавые баржи. Мы иногда преследовали такого мужика, подозревая в нем убийцу, маньяка или вора, а себя воображали отважными милиционерами — до тех пор, пока не понимали, что он ищет туалет.

Продавщицы, в белых фартуках и кокошниках, отличались мощными руками и крепким телосложением, они правили краном, откуда лилось пиво струей в толстые шестигранные бокалы. Рядом протекала река, и мне мерещилось, что здесь ее перекрывают, точно плотиной, а она от негодования пенится и исходит пузырями, но покорно подчиняется рукам мужественных барменш.

— Плесни еще, одна пена же.

— Не положено.

Папе иногда попадался красивый бокал, весь из кружочков, я тогда считала, что в этот день нам выпало счастье...

Под большими кругами столов, на которые наши отцы опирались локтями, прятались маленькие кругляши, которые предназначались для сумок, пакетов и прочих вещей, помещались мы — маленькие дети. Мы стояли, чувствуя себя гномами посреди красномордых великанов, и иногда дергали своих пап за рукав и канючили:

— Папа, пошли домой. Мама ругать будет.

— Ха-ха-ха-ха, — раздавалось дружно откуда-то сверху, и они продолжали себе балясничать.

Спустя минуту спускалась папина рука с шоколадкой в красно-золотистой обертке.

— Натэ, лопайте, спиногрызы.

Какая чудесная шоколадка! Стоила целый рубль. Мама обрадовалась бы рублю. Но и мы, дети, радовались лакомству. Хотя есть ее было неловко, мы трепетно разворачивали шелестящую фольгу и делили всем по кусочку. Казалось, ей место в музее, и название соответствующее — «Аврора».

Сверху шел запах, что мгновенно пропитывал одежду, такой теплый, будто только отделился от коровьего вымени, только молоко корова давала с горьковатым привкусом, будто обьелась полынью. Мамы безошибочным нюхом всегда сразу угадывали, где мы были, хотя папы и говорили, что в кино, или на детских аттракционах, или встретили старого товарища по дороге... А я доставала кусочек шоколадки, заботливо завернутый в фольгу, и протягивала маме со словами:

— Ма, вот тебе шоколадка осталась, не ругай папу, он же наш, хороший...

Иногда папы встречали старого товарища раньше, чем заходили за нами в детский сад. И тогда мы с братом, уже давно одетые, стояли на морозе под луной и смотрели на забор с кое-где облупившейся зеленой краской вместе с одной из воспитательниц,

они по очереди с нами дежурили, напрасно надеясь, что появится до боли знакомая фигура. Много «хороших» слов мы успевали выслушать о наших родителях, но мы не обижались, нам даже льстило то, что взрослая тетенька полагает, что мы, дети, можем повлиять на родителей. Мы молчали, иногда шумно и многозначительно вздыхая... И тут появлялась бабушка, она обычно перехватывала нас возле магазина «Политпросвещение». И на бегу начинала причитать:

— Ой, ой, как же это... Эти родители. Я сразу прибежала, как вы позвонили. Вы в другой раз не ждите, звоните сразу.

Воспитательницы мою бабушку никогда не школили, бабушка раньше работала в системе народного образования, а потом — за доброту люди ее уважали бы даже просто так...

Мы очень радовались, когда за нами приходила бабушка, она приводила нас к себе, кормила горячим супом и, всплакнув, приговаривала:

— Ешь, а то ложкой по лбу дам.

И рассказывала полусказочные истории о своей партийной жизни. О том, как не раз спасалась чудом от смерти. Как носила бревна в тылу, отчего у нее осела почка. И о том, как строила нужную народу библиотеку после войны...

Если бы пришел папа, уже пьяный, то еще вышло бы, как в прошлый раз. Папа посадил нас в автобус, а сам залезть не успел. Он некрасиво бил руками и ногами по захлопнувшейся перед его носом двери и ругался матом на водителя, а водитель — на папу, и в конце концов его пустили, а мы с братом ощутили неловкость за то, что у нас он такой... Которого пускают в автобус только потому, что у него там дети и он ругается матом.

Еще мы с товарищами не без романтизма в глазах вспоминали шумные семейные застолья. Когда наши мамы и папы приходили друг к другу в гости. А мы, дети, заседали под столом, будто в окопах, иногда выглядывая из-под праздничной скатерти и говоря:

— Мам, дай еще котлетку. Автомат зарядить нечем.

— На, — говорила мама. — Да когда ж вы уже наедитесь. Посидеть не дадут спокойно! Житья от вас нет.

Мы разглядывали ноги взрослых. И по этим ногам мы могли много сказать. Вот тетя Люся, она сидит в туфлях, на шпильке, важная... «Ишь какая культурная!» — так бы сказала мама. А у дяди Саши жена плохая, не зашила носок. А тетя Вера — проститутка, колготы у нее бл...ские, в сеточку. А у дяди Жени носки белые всегда. Мама говорила, что не вышла бы за него замуж, потому что он бы ее до-

art pinch

стал чистоплотностью... И под этот стол мы стаскивали книжки и кукол, играли в кубики, строя дома и сказочные города. Заселяли фигурками оловянных солдатиков и пупсов. В полумраке. Не понимая того, что творилось над нами...

И вот теперь я начну сам рассказ. Про Рождество. Перед Новым годом все гости пришли к нам, наступила наша очередь устраивать прием. Мама суетилась на кухне, и ей уже давно собравшиеся выговаривали:

— Да хватит, Ольга, тебе мельтешить, садись уже! Трубы горят!

И пришел дядя Гена, мой любимый дядя, он, как Крокодил Гена, отличался добротой и вниманием к таким чебурашкам, как я. Вот и в этот раз дядя Гена один отличился и принес мне подарок: большого красного Конька-Горбунка, из пластмассы, на белых колесиках. Колесики, правда, почти не вертелись, а ползли по полу, когда я его тащила за веревочку. Может, каким-то детям он и показался бы уродливым, но только не мне. Для меня это был островок любви посреди бушующего моря взросло-го равнодушия.

— Опять какую-то дуру притащил! — проявила недовольство мама. — Эти игрушки по всем углам и так собираю... Не хватало только этого уroda пластмассового.

— Да ладно тебе! — не согласился дядя Гена. — Пусть ребенок порадует. Новый год ведь.

Я стащила книжку с полки и засела под стол читать моему новому другу.

— Вот, слушай, про тебя книжка. Ершов. Конек-Горбунок. Вот, слушай... «Я хоть рос-ту не-боль-шо-го, да сме-ню ко-ня дру-го-го: как пу-щусь да по-бе-гу, так и бе-са нас-ти-гу!» Понял? Беса даже настигнешь! Это такие, с хвостами. Запомни.

Конек-Горбунок слушал меня и все понимал. Его глаза, такие же пластмассовые и красные, как и все остальное, заблестели, наполнились радостью. Он только время от времени вздыхал так же, как мы с братом, возле ворот детского сада, ожидая папу...

Мама в тот вечер надела самое красивое платье. Она сама его сшила. Из красного шелка с выбитыми на ткани жар-птицами. Их хвосты мудрено закручивались и искрились под светом люстры, до которой всегда хотелось достать, снять хрустальные детальки и посмотреть на них изблизи, как они устроены, нет ли в них какой хитрости. Откуда в них берется радуга, когда зажигается свет? А под шейей у мамы — красивый бантик. Мама причесалась, долго стояла перед зеркалом с плойкой, наредила губы и ресницы, нацепила клипсы, на шею — украшение из мелких-мелких бусинок, в три ряда, и превратилась в настоящую красавицу. Такой мамой любой может гордиться.

Мне тоже хотелось такое платье, но у меня имелось только заношенное, из грубой серой шерсти. Меня в него одевали на все детские праздники. А чтоб я не выглядела мышью, на воротник крепили накрахмаленный воротничок с яркой вышивкой, бабушкино наследство. В тот день серое платье бросили в стирку и меня нарядили в коричневые колготы, стиранные-перестиранные, штопаные на пятках и коленках, и мальчиковую клетчатую рубашку. И стригли меня под мальчика, не за что зацепить белый гофрированный бант, доставшийся от двоюродной сестры... Моя вторая бабушка любила покопаться в минуты особого душевного наития в старом дерматиновом чемодане и что-то такое оттуда извлечь.

— На-ка, возьми. Посмотри, какой бантик. Носи.

Бантик пах нафталином и надвигающейся пыльной смертью. В один прекрасный день бабушка вообще расщедрилась и распахнула свой старый дубовый шкаф и вынула костюм снежинки и корону из парчи. С короны свисали, будто сережки, стеклянные елочные бусы. Всюду искрились поддельные бриллианты и изумруды: бывшие брошки, браслеты и кольца... Все это было обшито блестящей гирляндой. А под платьем — пушистая нижняя юбка. Я затмила всех снежинок детского сада, хотя раньше приходила на утренники кроликом с нашитой морковкой на белой рубашке и картонными ушами, которые не хотели стоять торчком.

— Мама, — позвала я, выглядывая из-под скатерти. — А можно я надену платье снежинки? Коньку показать?

— Еще придумала! Вымажешь!

Брат, воспользовавшись вниманием матери, проныл:

— Мам, я к тебе хочу...

Мама неохотно взяла брата на колени.

— Поесть не дадут! Разве это дети?

— Мам, я тоже хочу на колени, — сказала я.

— Нет у меня еще одних коленей! Иди к любимому папочке.

— Иди, иди ко мне, — дружелюбно разрешил дядя Гена.

— Посиди тут один, я скоро вернусь, — отпросилась я у Конька и отправилась на большие, мягкие, теплые бедра дяди Гены.

— Ну-ка, расскажи нам стишок. Знаешь? — попросил дядя Гена. — А вы все тихо, пусть дите стих расскажет!

И я начинала рассказывать, время от времени прячась в толстый живот дяди Гены, стесняясь внимания:

— «Плачет киска в коридоре, у нее большой горе, злые люди бедной киске не дают украсть сосиски!»

Как и всегда, взрослые из вежливости смеются, улыбаются, хвалят меня, мама опять говорит, что Заходер — ее любимый поэт, и отправляют обратно под стол, за которым не хватало места взрослым, зато нам, детям, под столом открывалось целое подземное царство.

— Все, кончай, Гена, это, — приказывает мама. — Давайте танцевать.

Дядя Гена гладит меня по голове, достает из кармана заношенную карамельку «Дюшес», вручает мне, будто извиняясь, и опускает обратно... к Коньку-Горбунку, который без меня словно приуныл.

И стол, гремя старыми деревянными ножками, хрусталем, вилками и тарелками, отодвигается к окну. Нажимается кнопка пластмассового магнитофона, модного новшества, — шипя и кряхтя, неслется к потолку музыка, мужской голос надрывно выводит:

— И снится нам не рокот космодрома, не эта ледяная тишина, а снится...

Гости завертелись в шабаше. В этом клубке невозможно уже понять, где голова тети Люси, где бл...ские колготки тети Веры, а где сверкают отполированные запонки дяди Жени. Можно вылезти на подоконник и смотреть на ночь. Повторять пальцами причуды замершей воды на стеклах...

Наконец, все разошлись. Последние гости с родителями устраивали перекличку:

— И вы к нам.

— Нет, вы к нам... Как приятно... Как мы рады...

Дверь захлопнулось, мама произнесла: «О, слава тебе господи!», коридор опустел, лишился свалки из шуб и шапок. Пол, заставленный обувью в несколько этажей, вздохнул свободно. Воцарилась гнетущая тишина. Вот раньше — шум, тарарам, веселье, а вот все — конец банкета. И только гул в ушах напоминает о прошедшем. И мама командует:

— А ну, несите все тарелки!

Мы относим тарелки на кухню. Где она, не снимая платья, надевает клеенчатый фартук и начинает интенсивно работать локтями и тряпкой. И вот уже на столе, на вафельном полотенце, водрузились горы посуды, сияющей блеском, пахнущей хозяйственным мылом и пемоксолью, точно громадный сервизный дворец... Будто это всесильный джинн вылетел из бутылки и исполнил заветное желание Аладдина.

— А теперь спать!

Раскладываются кресла, диваны, превращая комнату в одно сплошное спальное место. Я стелю себе и ложусь. Рядом ставлю Конька, накрываю его с любовью кружевной салфеткой, тайком стянутой с бабушкиного комода, и говорю:

— Спокойной ночи!

Папа выключает свет, его тело со стонами пластом падает на кровать и не подает признаков жизни. А мама все никак не уляжется, она ходит туда-сюда, через наши кресла, топает ногами по крашеному полу: то забыла помыть что-то, то будильник не завела... И то и дело спотыкается об моего пластмассового друга.

— Ты зачем поставила его тут? Не видишь, пройти нельзя!

И в гневе скидывает салфетку, поднимает Конька-Горбунка над моей головой, будто Баба-яга замахивается посохом, и уносит подарок дяди Гены в дальний угол комнаты, за диван.

— Мама, мама, не надо! — кричу я.

Но тут же получаю подзатыльник.

И вот тишина. Все уснули. Только убранная елка лукаво подмигивает разноцветной гирляндой. Ее на праздники не выключали ни на минуту. А еще она пахнет лесом. И на ней висят сладкие деда-морозы, и снегурочки, и мандарины, которые нельзя есть раньше времени.

Мне же не спалось без лошадки. Я ворочалась под ватным одеялом, а в груди нарастали слезы... Я тихо слезла с простыни и пошла на кухню взять кусочек хлеба. Лишнего хлеба много оставалось после праздника, и мама складывала его в пакет, чтоб не высох. Есть и плакать во все горло одновременно не получается, и я плакала тихо, заедая хлебом настоящее детское горе. Мне не давали покоя мысли: «Как там мой Конек-Горбунок? Не холодно ли ему в углу? Не темно ли? Не пугают ли его пауки? Не скучает ли?» Так я и забылась сном с кусочком хлеба в руках и в мрачных раздумьях: «Может, уйти»...

Среди ночи меня разбудил стук в дверь, обитую кожей и проволокой. Вернее, гроыхание. Будто огромная лошадь, вскинув длинную пламенную гриву, встала на дыбы и отчаянно стучалась в нашу квартиру подкованными копытами. Я притихла: «Неужели не слышат?» Папа встал, покачиваясь, в семейных выцветших трусах прошел к двери, открыл.

— Ты кто такой?! — кричал он в пустой подъезд.

Но ему вторило лишь эхо: «Такой... кой... ой... Ты такой...»

А меня, словно током, пронзила внезапная догадка: «Да это же мой Конек-Горбунок! Он пришел ко мне! За мной!»

Грохот затихал, потом снова нарастал, ажно стены вибрировали и пол ходуном ходил. Бум! Бу-бум! Бум! Отважный папа поднимался, матерился, шел открывать, но за дверью опять никого не оказывалось.

— Ну, я вам устрою, сукины дети! Попадитесь мне... Вы еще узнаете, кто такой Вася Дудкин! — кричал папа, но ему отвечала лишь тишина ночи.

А еще открылась соседская дверь и оттуда женский голос прокричал:

— Сейчас, Дудкин, я на тебя милицию вызову.

А я затаилась, боялась двинуться и спугнуть наваждение и увидеть то, чего не может быть... Я только сильнее сжала в руке кусочек хлеба, глаза зажмурилась, спрятала голову под одеяло и, едва шевеля губами, зашептала:

— Это он... Мой друг... мой Конек. Он настоящий... Не пластмассовый. Дядя Гена, видно, волшебник... А вы говорили, урод... А он пришел ко мне, вот он стучится...

С утра зазвонил будильник, точнее, неприятно заверещал. Почему-то на час позже, чем нужно было, видимо, отставал, батарейка села. Мама вскочила с кровати и закричала:

— Проспали!!! Вставайте, быстро!

Я встала и не поверила глазам: возле моей кровати, накрытый бабушкиной салфеткой, опустив голову, стоял верный Конек-Горбунок, будто его и не убрали в угол вовсе. И я решила провести собственное расследование. А то потом ищи улики...

— Мам, это ты Конька обратно поставила? — спросила я.

— Отвяжись! Ты что не видишь, опаздываем!

— Пап, это ты Конька возле кровати моей поставил? — спросила я папу.

— Нет! — мрачно ответил папа. — Я не выспался. Всю ночь какой-то конь в дверь барабанил.

— Допился уже до ручки! — заорала мама.

Тогда я поняла, что это он сам. Конек. Он все-таки пробился сквозь закрытую дверь.

— Милый! Так ты настоящий! — проговорила я и обняла лошадку за шею. — Спасибо тебе, что пришел. Хотя у тебя и колесики такие неудобные...

И вот мы с братом бежим за мамой, потому что быстро ходить мы не умеем: либо плестись, либо бежать. В одной руке мама крепко держит руку брата, в другой — мою. И эта цепь рук вот-вот разорвется, но не разрывается, потому что мама останавливается и нервно хватается нас все выше за руку.

Дошли. Мама быстро переодевает меня в садиковое, майку, шорты и чешки, доводит до спортивного зала и толкает туда одну, а сама бежит на работу.

— Ну вот и Дудкина... Заявилась... Опять опоздала, — говорит, как всегда, воспитательница и хмурит брови. И обычно я тоже хмурилась, надвигала брови на самые глаза, опускала голову и проходила мимо воспитательницы на свое место. Но сегодня я задрала подбородок, посмотрела прямо на нее, прямо в глаза, спокойным и торжествующим взглядом. И будто

говорила: «Теперь у меня есть друг. Поняли? Настоящий. Из сказки. И мы с ним всех победим. Станем королями! И в нашей стране всем детям будет всегда хорошо. Всем. Даже такому ребенку, как я, который все время опаздывает. И вы не будете больше рвать мои рисунки и подсовывать мне поломанные шкафчики, чтобы именно мой папа их чинил. Не будете сваливать на меня смерть рыбки в аквариуме. И говорить, что я некрасивая дура».

Дети, которые начали было смеяться, кривляться, притихли и посмотрели на меня вопросительно. А воспитательница не стала затягивать речь, а просто сказала:

— Ну ладно, продолжаем. Раз, руки вверх, два, в стороны... Наклонились...

Спустя пару лет мама взяла и выкинула Конька-Горбунок. У него отломалась голова и никак не чинилась. Клей «Момент» больше дня не держал. Ленточки сползали... А у мам такая политика: от всего, что поломалось, надо избавляться. Я же сильно расстроилась, придя со школы и не обнаружив драгоценного друга. Долго еще выходила в тот час, когда в наш двор заворачивала мусоровозка, заглядывала в ее железную ненасытную пасть, с ужасом смотрела, как она все зажевывала в безразмерное брюхо, и искала игрушку, вдруг она каким-то чудом завалилась, спаслась от глотки машины. Я не знала тогда, где то место, куда свозят весь мусор города, иначе отправилась бы непременно искать.

Утешила себя догадкой, что мой Конек, наверное, отправился назад, в ту страну, откуда пришел. И куда и мне бы хотелось попасть, но не пришло еще время. Или он ускакал к какой-то другой девочке, которой больше нужен...

Я и сейчас не теряю надежды, что однажды выйду в чистое поле ночью, свистну и, не смыкая глаз, стану ждать златогривое семейство. В небе будет сиять такая же луна, как сегодня, огромная, красноватая, время от времени поглощаемая тучами... после затмения... Мягкая травушка зашепчет волшебное слово... Костер не разожгу — распугаю чудо. И появится-таки мой ражий Конек-Горбунок, беззаботно резвясь и топчась своими кривыми ножками спелую пшеницу — мой самый настоящий друг. Горбатый, с большими ушами. Иных уродство не портит, а наоборот. И мы отправимся в ту страну, о которой мечтали в детстве, которая высоко, над всеми этими столами и столиками, над дымящими трубами и зелеными заборами, увитыми девичьим виноградом... Там, куда обычно улетает после Рождества на санях, запряженных рогатыми оленями, раздавший все подарки Дед Мороз...

«Но Иван и сам не прост — крепко держится за хвост». Вот и сказочке конец, кто дослушал — молодец.

Юлия ГИАЦИНТОВА

Юлия Гиацинтова — студентка третьего курса Литературного института им. А. М. Горького (семинар поэзии О. А. Николаевой, раньше училась у Е. Б. Рейна). Публиковалась в сборниках «Славянские встречи» литературного объединения «Складень» (руководитель И. Г. Панова), в газете «Российский писатель» (зарубежный выпуск), издала маленький сборник стихов «Кинь мне незабудку!».

Близкие моему сердцу поэты — Н. Некрасов, С. Есенин, Н. Рубцов и Н. Тряпкин.

Для меня настоящая поэзия исходит из русской природы, из деревенской жизни и противоречивости характера русского человека.

Прежде всего в поэзии для меня важна ясность и искренность, которые, по моему мнению, как ничто

другое способны согреть душу читателей. Русская поэзия корнями уходит в народное творчество, поэтому мне очень близки песенные и сказочные мотивы. Любовь к Родине и вера в неугасающую духовную силу России, несмотря ни на какие препятствия и горести, являются для меня основным ценностями нашей поэзии.

Юлия Гиацинтова

* * *

Водю окропи
Ты мой горячий лоб,
Всю боль мою скопить
И выплеснуть черед,
Всю грубость дланей смыть.
Ах, черные уста,
Теперь вам петь — не выть!
До смертного креста.
Всю немоту души
Во светлые слова:
Люби, дари, дыши —
Звонят колокола!
Сомнения отринь,
Напейся той водой,
Святого неба синь
Над самой головой.

* * *

С горки длинной ледяной
В телогрейке шерстяной
Мчится мальчик на санях,
То он «ох», а то он «ах».
Солнцем свод небес залит —

На щеках огонь горит!
Все летит он и летит.
Солнце всходит на зенит.
Мальчуган уж повзрослел,
Мчатся с горки оробел.
Едет все и вкривь и вкось,
Сани скоро под откос,
И уже не «ах» да «ох»,
А теперь «Помилуй, Бог».
Тяжко едет старичок,
Сани клонит на бочок.
Тишина, мороз, покой,
Солнце село за горой
Длинной-длинной,
ледяной.

* * *

Тише, тише —
Кто-то дышит,
То кряхтя, то ровно так,
Ой, бажёна,
Ой, зажжёна,
Словно огонь, словно мак,
Заклинаю,
Умоляю!
Не спугни ее, крикун.
Тише, тише —
И услышишь,
Будто птица Гамаюн
Малословно,
Краснословно
Тайну-тайнушку прольет,
На базаре,
На вокзале,
Жаль, не слышат, как поет...
Так Молчанье —
Есмь звучанье
Божьей правды из души.
Тише, тише —
Кто-то дышит,
Ты послушай, не спеши...

* * *

Так все и затеяно
Шапкой набекрень:
Хлебом все засеяно —
А собрать-то лень.

Так все и случается:
Десять мудрецов
Порешить пытаются —
Лишь дурак толков!

Здесь пожар займется
От одной свечи,
А костер не жжется —
Дров ищи-свищи!

Здесь захнычет баба,
Вслед и запоет —
Сильный али слабый
На Руси народ?..

Стерпит голод-стужу,
Кровь и пот прольет,
Бах! — случайно в лужу.
Тут — гляди, прибьет.

Так все и затеяно
Шапкой набекрень:
Сеяно-усеяно,
— Собирай же!
— Лень!

Напев

Ты иди, иди и дыши
Мокрым духом лесной глуши.
Ты тихохонько так ступай —
То не лес, то наш русский рай.

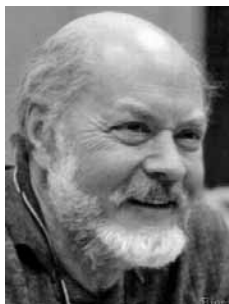
Ты иди, иди да услышь,
Как свята, многозвучна тишь.
Голубику сыру собирай —
И по яголке всех поминай.

Праотцев бесстрашье в бою
То ли плачу, а то ли пою.
Так же шли они, песенку пев,
Только ягод собрать не успеv.

Ты иди, иди и дыши
Мокрым духом святой глуши.
Я тихохонько встану там —
То не лес, то наш русский храм.

Лев АННИНСКИЙ

ЧЕТВЕРТОМУ НЕ БЫВАТЬ?

Один из главных героев вспоминает, что в детстве, лежа на поролоновом матрасе, слушал, как отец в ванной бреется электробритвой.

Люди, помнящие смену эпох, не ошибутся в том, что это за поколение: поролон и электробритва вошли в советский быт не раньше «оттепели»; значит, речь идет о тех, что родились в послевоенное десятилетие, осуществились в перестройку и сейчас на руинах «империи» перешагивают в седьмой десяток жизни.

Вроде бы всего добились: один вышел в олигархи, другой — в артисты. Два давних сокурсника — встретились и перебирают всех, кто уже ушел в мир иной. Итоги подбивают! И никак не подобьют. Один (олигарх) — еврей. Другой (приехавший в Москву с Дальнего Востока добавить столице свежей крови) — русский патриот. Но — женат на еврейке. Так что до юдо- и русофобии дело не доходит. Но идет принципиальный спор: кто довел страну до ручки? Хитрые евреи или русские лопухи, позволившие евреям это сделать?

Леонид Ярмольник и Сергей Гармаш вдвоем виртуозно ведут действие.

Тут выясняется, что нужен третий. К этим двоим присоединяется Николай Попков, играющий соседа по дому, потомственного аристократа. Теперь вы-

ясняется, что это он, дворянский последыш, довел когда-то страну до ручки, то есть до 1917 года.

Я, зритель, в интеллектуальном экстазе. Веет духом моего любимого старого «Современника» — пафосом неотступно нерешаемых гражданских вопросов.

Вопрос «Кто виноват?» остается в воздухе, вопрос «Что делать?» решается на сцене практически: троица опорожняет бутылку спиртного и врубается в хоровое пение. «Видишь, там, на горе, возвышается крест?..»

Это вам не «Шумел камыш»! Разберемся! И не надо четвертого!

Появляется, однако, и четвертый. И пятый, и шестой, и еще куча дружных ребят. Родион Овчинников, автор пьесы и режиссер, самоотверженно ведет дело к праздничному финалу, оправдывая название: «С наступающим...».

Был бы я завзятый театрал, отбил бы ладони, приветствуя такой театральный блеск. Но как неисправимый приверженец старого «Современника», уношу в гражданском сознании проклятый вопрос: если Россия — Третий Рим, то кто будет виноват и что будем делать, если вдруг на нашем месте объявится четвертый?

Рустем ВАХИТОВ

Рустем Вахитов — политический публицист, философ. Родился в 1970 году в Уфе. Окончил Башкирский государственный университет, аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию по философии. Живет в Уфе, преподает в университете.

ПАМЯТНИК НАРОДУ

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ

Душа русского народа была сформирована православной церковью, она получила чисто религиозную формацию. И эта религиозная формация сохранилась и до нашего времени, до русских нигилистов и коммунистов.

Н. А. Бердяев

1.

Уже около двадцати лет дискутируется вопрос о выносе тела В. И. Ленина с Красной площади и закрытии Мавзолея. Дискуссия разгорается в годовщины рождения и смерти вождя — 22 апреля и 21 января и переходит в вялотекущее состояние во все остальное время. При этом сложился стереотип, что защищают нахождение Мавзолея с телом Ленина на Красной площади коммунисты, а выступают за вынос тела и уничтожение Мавзолея — антикоммунисты. Однако перед нами именно стереотип, который вызван тем, что термин «коммунисты» употребляется у нас некритически, без понимания его истинного смысла. Это видно хотя бы потому, что коммунистами у нас называют КПРФ, тогда как на самом деле это партия советского, точнее, сталинско-брежневского традиционализма, партия социально ориентированного русского великодержавия, но никак уж не коммунистическая партия в западном смысле этого слова. Вряд ли Маркс, если бы он смог прочесть программу КПРФ, согласился бы с такими ее тезисами, как поддержка русской культуры и церкви, борьба за национально-государственные интересы страны и за права аморфных «трудящихся», куда включены практически все и даже те, кто проходит в ведомстве марксизма по разряду «мелкой и средней буржуазии». Маркс считал государство сугубо классовым институтом, утверждал, что у пролетариев нет Отечества, и делал ставку исключительно на пролетариат.

Если подойти к вопросу непредвзято и без эмоций, то станет вполне очевидным, что как раз настоящие коммунисты-марксисты никак не могут выступать за сохранение в центре Москвы забальзамированного тела Ленина в силу специфики своего мировоззрения. Прежде всего, коммунисты-марксисты — принципиальные противники признания сколько-нибудь значительного значения личности в истории. Они убеждены, что историю творят массы, которыми управляют социальные законы, а исторические личности — лишь выразители интересов масс (кстати, так считал и сам Ульянов-Ленин и упрекал тех, кто объявлял его великим гением в продвижении народнической теории героя и толпы). Для коммуниста-марксиста, который убежден, что никакого загробного существования нет и человек — лишь биосоциальная машина, нехарактерно внимание к мертвому телу и к смерти как таковой. Человек для него важен и интересен, пока он живет на земле, а когда он умирает, тело его превращается в набор химических процессов и потому интереса не представляет. Бессмертие человека коммунист-марксист мыслит как память о нем у потомков и как долговечность результатов его деятельности, а вовсе не как сохранение его внешних телесных черт. Сама идея сохранения мертвого тела человека долгие годы и, более того, выставление этого тела на общее обозрение должна казаться коммунисту-марксисту как носителю сциентистского и прогрессистского ми-

ровоззрения чудовищной и отвратительной, неким порождением «средневековья» и «мракобесия» (и, безусловно, самому Ленину она такой бы и показала). И действительно, сегодняшние коммунисты-западники, объявляющие Зюганова реакционером, мракобесом и предателем левой идеи, вроде неотроцкиста Баранова, вполне спокойно отзываются об идее захоронения тела Ленина, заявляя в Интернете, что для них важнее распространение ленинских идей, а не сохранение его мумии.

Неудивительно, что и ближайшие соратники Ленина — революционеры старой гвардии, «русские европейцы» до мозга костей Троцкий, Бухарин, Каменев, наконец, Крупская — были решительно против бальзамирования тела Ленина и сохранения его в Мавзолее. Почему же посмертная судьба атеиста и материалиста Ульянова-Ленина сложилась так странно и причудливо?

2.

Мы не должны забывать, что большевики пришли к власти не в милой их сердцам «цивилизованной», «просвещенной» Европе, а в стране, где около 80 процентов составляло крестьянство, которое представляло собой типичное сословие архаически-традиционного аграрного общества, сохранившееся в России до эпохи граммофонов и дирижаблей. Крестьянство не затронула вестернизация, проведенная Петром I и его преемниками, и совсем чуть-чуть затронули либеральные реформы Александра II. Уже в начале XX века крестьяне оставались вполне патриархальными типажам, продолжающими жить общинами и исповедующими особую фольклорную разновидность православия, которая начиная с XVIII века все больше отличалась от церковного православия и приобретала черты «космического христианства», как характеризовал подобные аграрные восточно-европейские культы М. Элиаде. Его суть состояла в отождествлении природных стихий с персонажами Священной истории: Бога-Отца — с небом, земли — с Богородицей, зерна и делаемого из него хлеба — с Христом. Это «крестьянское православие» представляло крестьянина как своеобразного жреца, осуществляющего священный брак между небом и землей и обеспечивающего рождение Спасителя мира. Оно одухотворяло, наполняло глубинными сакральными смыслами весь быт крестьянина, все его действия: сельскохозяйственные работы, женитьбу, рождение детей, все предметы и существа, окружающие его и используемые им, — плуг, одежду, избу, скотину. Важное место в этой религии, сросшейся с обыденной жизнью, занимала вера в святого, народного царя, который прекращает беззакония чи-

новников и помещиков, дарует крестьянам землю и свободу, но который при этом обязательно должен пострадать и даже пройти через смерть, но умереть не по-настоящему, а как бы уснуть и пребывать во сне до того момента, когда он снова станет нужен народу (вспомним про веру крестьян в особые царские знаки на теле Пугачева или в пещерку на Волге, в которой до сих пор спит Степан Разин). В образе народного мужицкого царя проглядывались черты образа Христа, преломленного через призму крестьянского космистского мировоззрения.

Отождествление Ленина с этим образом, совершенно неожиданное для вождя русских коммунистов и даже неприятное ему, началось в среде русского простонародья еще при его жизни. Уже в начале 1920-х годов в народе распространяются рассказы о том, что Ленин — спаситель и благодетель народа, что он защитник русских перед «злыми инородцами». Показательно, что во время Кронштадтского мятежа восставшие выбрасывали портреты Троцкого и других членов ЦК, но не трогали портреты Ленина. Посвоему народом было истолковано и покушение на Ленина, которое к тому же совершила Фанни Каплан, что вполне вписывалось в антисемитскую мифологию русских крестьян — как страдание, принятое Лениным за народ. Даже антиленинские настроения фольклор истолковывал через культ Ленина, сюда относятся рассказы о подмене «настоящего Ленина» подложным во время нахождения вождя большевиков за границей (подобные истории за три века до этого русские крестьяне рассказывали о Петре I).

Постепенно у простонародья образ Ленина замещает традиционные образы крестьянского православия: историки не раз отмечали, что уже в первой половине 1920-х годов в русских селах портреты Ленина вешали на стену как иконы, окружив полотенцами, этими портретами благословляли молодых. Отмечены были даже деревенские заговоры, в которых именем Ленина изгонялись хвори, в городе они печатались в сатирических журналах и воспринимались как курьез, но, очевидно, перед нами очень значимый документ эпохи. Все шире распространяется убеждение, что Ленин — бессмертен и что он не может умереть, и оно в виде метафор проникает даже в городскую официальную литературу. Надо ли говорить, что в деревне оно воспринималось буквально. Вообще в официальной пропагандистской литературе утверждается традиция, которая переносит на Ленина риторические обороты, характерные для церковной литературы и агиографии. Образ вождя разделяется на две ипостаси — живого, обычного и даже не лишенного недостатков, невысокого, плохо одетого человека с дефектом речи и на Ленина — земное божество, которое одной волей

своей изменяет пути исторического развития целых народов. Ленин уподобляется Моисею, выводящему пролетариат из египетского плена, Христу, прошедшему через Голгофу, — ранение ради простого народа. Эти параллели не навязывались народу сверху, а наоборот, питались интенциями народного мировоззрения, исходили из среды самих рабочих и крестьян. К 1924 году сложился настоящий культ Ленина, имеющий два уровня — народный, где он сливался с народными верованиями в святого мужицкого царя-мученика и освободителя, и официальный, где он был подретуширован сциентизмом марксистской философии и идеологии. Это предопределило посмертную судьбу тела Ленина.

Первый исследователь культа Ленина Нина Тумаркин прямо заявляла, что на решение забальзамировать тело Ленина повлияла православная традиция, точнее, вера русского простонародья в нетленность тел святых (теперь к этому добавляют, что было и влияние традиции временного бальзамирования тел российских императоров). Интересно заметить, что активными сторонниками бальзамирования были Красин и Луначарский, которые являлись известными теоретиками «богоискательства» — течения в русской социал-демократии (кстати, резко раскритикованного Лениным!), учившего, что «отсталому» русскому народу, находящемуся в плену «религиозных предрассудков», необходимо преподнести учение марксизма под видом псевдорелигиозной, точнее, псевдохристианской доктрины. Красин и не скрывал того, что он сознательно создает культ Ленина как «нового Христа», сравнивая в своих статьях мавзолей с гробом Господним в Иерусалиме. Заметим также, что еще одним сторонником бальзамирования тела Ленина был Сталин, который, в отличие от большевиков-западников, имел мощное религиозное чутье и хорошо знал народ (он был чуть ли не единственным среди членов ЦК выходцем из простонародья).

Впрочем, речь идет не просто о сознательном «обмане во благо» (как его понимали большевики).

Народная вера в бессмертие Ленина распространялась и на первых лиц партии, только она приняла у них наукообразную форму. Многие вожди и идеологи большевизма 1920-х годов были последователями учения Н. Ф. Федорова о всеобщем воскрешении и были убеждены, что при коммунизме бурно разовьются наука и техника и будет придуман «научный способ» воскрешения умерших поколений (Маяковский в заключительной части поэмы «Про это» даже описывал мастерскую воскрешений коммунистического будущего). Первым среди воскресших, по их мнению, должен стать Ленин, для чего нужно сохранить его тело.

Что же касается простонародья, то в нем начиная с 1924 года циркулируют истории о том, что Ленин не умер, а спит в Мавзолее (или нарочно притворился мертвым) и ждет назначенного часа, когда он вернется к народу. Даже в 1930-х годах отмечаются в крестьянском фольклоре легенды о Ленине, вышедшем из Мавзолея для того, что разгромить «злых инородцев-коммунистов», учинивших коллективизацию. Сегодня принято говорить, что все эти сказки и стихи были псевдофольклором — стилизациями, выполненными профессиональными писателями по заказу партии, но в действительности в их основе лежали настоящие народные истории, конечно, литературно обработанные.

В 1930-е годы происходит массовое переселение крестьян в города. Русский народ из народа крестьянского становится народом рабочих, инженерно-технической интеллигенции, учителей и ученых. Но эти городские русские, русский советский народ, были наследниками традиционного русского крестьянства и бессознательно переносили в города и его образ жизни, и его образ мысли, которые накладывались на социальные и идеологические формы городской модернистской цивилизации. С. Г. Карамурза хорошо показал в «Советской цивилизации», что советские заводы и фабрики были наследниками крестьянской общины. То же произошло и с культом Ленина, который стал неотъемлемой частью жизни советских людей. Это был действительно культ, который имел собственные обряды (клятвы Ленину, изучение его трудов, возрастная инициация — вступление в пионеры и в комсомольцы, — связанная с поклонением Ленину). Важную часть в этом культе играло паломничество к Мавзолею Ленина, которое, как правило, было добровольным и свидетельствовало о личном «коммунистическом благочестии».

Несмотря на внешний и даже довольно агрессивный атеизм, в советских людях жила настоящая живая вера в то, что Ленин не вполне умер и что он своими «благотворными энергиями» управляет созданным им государством даже из гроба. Совершен-

но не случайно возникла традиция в праздничные дни (7 ноября и 1 мая) руководителям государства и партии всходить на Мавзолей и приветствовать оттуда народ. Праздник есть переход из профанного обычного времени во время сакральное, мифологическое (недаром праздник предполагает праздность — освобождение от труда, который есть проклятие Божье, наложенное на людей за грехопадение и лежащее на человечестве вплоть до конца истории и наступления царства Божьего, где закон обязательного труда падет; собственно, праздник и есть предчувствие будущего нового зона и такое поведение, будто он уже наступил). В православной империи ромеев считалось, что в праздник империей управляет не император, а ее истинный глава — Иисус Христос. В связи с этим во дворце императора стоял специальный трон для Христа, на котором всегда лежало Евангелие, в праздничные дни придворные обращались к этому трону. Обычай восхождения глав государства и партии на Мавзолей в праздничные дни представлял собой своего рода отображение этого обычая, земные правители превращались как бы в медиумов, через которых вещал и правил настоящий и единственный легитимный сам по себе «советский царь» — Ленин.

Как видим, и после того, как на смену русскому традиционному крестьянству пришел его наследник — русский советский народ, также живущий общинами, но не крестьянскими, поземельными, а городскими, фабричными, заводскими, институтскими, образ Ленина сохраняет черты народного «космического Христа» и остается центром экзистенциального, духовного мира этого народа. Он вбирает в себя острое чувство мирового зла, страстное стремление к справедливости, веру в святость, в добро и в благой исход истории, характерные для русских всегда, и в том числе и на том этапе их истории, когда они стали народом урбанистическим, «цивильным». Именно поэтому агрессивная антиленинская пропаганда 1990-х годов обернулась тяжелейшим ударом по народной нравственности. Большинство русских советских простых людей, для которых Ленин был вовсе не исторической фигурой с противоречивыми взглядами, не живым, ошибавшимся, грешным человеком, а сверхчеловеческим Спасителем — борцом с мировым злом, очернение образа Ленина восприняло как крушение всего святого и доброго. А поскольку в их мире не осталось ничего доброго и святого, то они и скатились в глубочайший моральный релятивизм, решив, что теперь можно все — и подличать, и красть, и предавать Родину. К сожалению, к такому повороту событий были причастны и некоторые идеологи Русской православной церкви, в основном пришед-

шие в церковь из среды либеральной диссидентской интеллигенции. Лишенные национальной почвы, не чувствующие под собой страну и народ, они не понимали, что культ Ленина несет в себе остаточные черты христолюбия русского народа и если его просто разрушить до основания, то не останется никаких опор для народной нравственности. Видимо, единственным верным путем, который был возможен в этой ситуации, был путь миссии, образцом которой является проповедь апостола Павла в афинском ареопаге. Обращаясь к язычникам, он сказал им, что они по-своему благочестивы и что Бога, которого они не знают, они все равно почитают. Если бы советским людям было сказано нечто подобное, то все могло сложиться иначе — и произошло бы обращение русского советского народа с сохранением всего лучшего, что было в его советскости...

3.

После всего сказанного, думаем, взгляд на архитектурное сооружение на Красной площади, содержащее бальзамированное тело В. И. Ульянова-Ленина, не может не измениться. Кажется, теперь должно быть ясно, что Мавзолей — вовсе не памятник реальному Ленину как деятелю российской и международной социал-демократии конца XIX — начала XX века (хотя я согласен с Николаем Устряловым, что и этот Ленин — основатель советской государственности, при всей неприемлемости его материалистических взглядов, достоин гражданского почитания — как человек, под чьим руководством была отражена иностранная интервенция, предотвращено превращение России в полуколонию Запада и фактически собрана империя, только под другим названием и другим флагом). Считать, что Мавзолей — памятник ему, европейскому социал-демократу Владимиру Ульянову — это значит не понимать ничего ни в метафизике, ни в политике. Ведь очевидно, что Мавзолей как символ густо пронизан религиозными, хотя и не вполне христианскими интуициями и энергетикой народного стихийного монархизма. Мавзолей на Красной площади — памятник русской вере в справедливость, в настоящего царя-Христа, а значит, памятник русскому традиционному крестьянству и его правопреемнику — русскому советскому народу, в общественном сознании которого европейский социал-демократ превратился в народного святого царя. Это народ наших отцов и дедов, в определенной мере это до сих пор и наш народ. Можно говорить о том, что этот народ в чем-то и ошибался, но вычеркивать его из истории, уничтожая его святыни (независимо от того, верим мы в них или нет), убежден, и вправду кощунственно.

Татьяна ВИНОГРАДОВА

Татьяна Виноградова — поэт, филолог, график. Автор поэтических книг «Лотосы Золото Сон» (1996), «Богданово. Осенняя сюита» (2003), «Каменное дерево» (2003), «Уходим в миф» (2005), «Голодные ангелы» (2010). Стихи (преимущественно верлибры) публиковались в периодике, включены в российские и зарубежные поэтические антологии. Член Союза писателей России, Союза литераторов РФ и Союза художников. Родилась и живет в Москве.

Для меня Поэзия — это когда болит. У тебя или у другого. Когда внутри больно, читаешь, скажем, Мандельштама или Бродского — и потихоньку отпускает. А когда дело совсем плохо, пытаешься писать сама. Потому что если недуг («душевную невзгоду»)

определить в словах (заговорить), то с ним легче справиться. Так что поэзия — это магия, древняя ворожба. По-нынешнему — «арт-терапия»... А если серьезно — я не знаю, что такое Поэзия. Не дерзаю знать.

Татьяна Виноградова

* * *

Избравши что-то как звезду...

Р. Фрост

Я шла, повинуюсь лучу,
к той звезде,
что казалась — близка.
Луч держал и дрожал
надо всем и над всеми.
Невесомо и страшно
скользила душа.
Луч, душа и звезда,
а вокруг — пустота.
Остальное — по схеме.

С двойником, отражением, тенью
к слиянию стремясь,
в лунной дали зеркал
все яснее тебя узнавая,
повинуясь лучу, —
я иду, я хочу,
веря в то, чего нет, —
на серебряный свет,
к нестерпимо реальному
призраку рая.

И дрожала звезда,
или слезы в глазах,
и в душе, как всегда,
было не разобраться.
Только просто —
прийти.
Только просто —
сказать.
— Все по схеме.
К чему повторяться?

Я шла,
повинуясь лучу,
и последним был каждый шаг.

И когда луч внезапно —
нет-нет, не погас —
просто кончился вдруг,
как тропинка у самого дома,
я увидела смерть
в потускневших зрачках твоих глаз.
Луч — тогда,
а вот это — сейчас.
Все по схеме.
А разве могло — по-другому?

* * *

Город, спящий среди отражений,
среди старых и сумрачных снов,
где
облака льются в черной воде
сквозь окна домов,

где
на закате дворцы
сами не знают,
явь они или сон,
и тяжело взлетает Грифон,
и статуи смотрят слепыми глазами
в закат, —

Город...
— Вернемся назад?
— Нет.
Бледное небо
с золото-зыбкой
и умирающей детской улыбкой
больше не выпустит взгляд.

— Что ж — наугад,
 мимо оград —
 чугунных, летящих, ненастоящих —
 мимо коней, мчащихся над
 ледящей, манящей, тяжелой и черной водой...

Город! Возьми нас с собой
 в твой неразгаданный ад!..

...Вдруг — Летний сад.
 И старые липы
 бесцельно и нежно
 глядят плечи грязных богов.

— Город!
 Страшна мне твоя
 любовь!..

Наваждение

Ставшая бредом явь
 ставшие кровью сны
 Тело мое не оставь
 душу мою возьми

Город лежит во мгле
 снег и весна и свет
 Тянется плоть к тебе
 и избавленья нет

Темный запретный ад
 стоны земных богов
 Слаще любых наград
 проклятая любовь

Неумолимый зов
 спать у тебя на груди
 Сорван последний покров
 только не уходи!

Портрет сирийки в Эрмитаже (VI век нашей эры)

И собой хороша я, и верю в Христа,
 мои косы густы,
 моя кожа чиста
 и почти непорочны уста.
 — Ну конечно, я верю в Христа.

— А все то, что они говорят
про улыбку мою и про взгляд,
про какой-то мерцающий яд,
и что сплю я со всеми подряд, —
что же, разное говорят.

...Я блуждаю в хрустальном саду,
от Кибелы пощады не жду,
я — нагая — у всех на виду,
и не помню, в каком я году.
— Как же душно ночами в саду!..

...Только было — из мирта венки,
на пергаменте несколько строк,
только греки придумали Рок,
только ты, как и я, одинок...
И осталось: из мирта венки.

А теперь ты глядишь на меня
в тусклом свете подземного дня —
да, я мрамор, но тайну с улыбкой храня,
я — сестра облаков и огня,
и тебе не постигнуть меня.

Туманные стихи

...И туманные холмы,
и туманные луга,
и под небом из тумана,
позабывши берега,
льется млечная река.

...Словно волосы русалок,
стлались травы под туманом.
По земле струилось небо,
на губах от облаков
оставался холодок.

И качались иван-чай,
постепенно исчезая,
превращаясь то ли в шпильи,
то ли просто в кружева, —
и кружилась голова.

...А на настоящем небе,
бледно-розовом, далеком,
догорали отраженья
облаков, в прозрачной мгле
проплывавших по земле.

Наталья Лаврецова — автор нескольких поэтических сборников, книг прозы. Печаталась в региональных и столичных журналах, среди них «Слово», «Согласие», «Москва», «Наш современник» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Двина» (Архангельск), «Бийский вестник» (Бийск). Лауреат Международной Пушкинской премии (Нью-Йорк), премии имени Бориса Кравченко (Петрозаводск), премии «Иван Виноградов — духовный витязь России» (Псков).

Член Союза писателей России.

Рисунки Анны Дудяковой

ПОВЕСТЬ

Ровесникам из «Товарища»
и основателю легендарного клуба
Евгению Давыдову посвящая¹

Нет, не от Бога одиночки,
Не из бетона и стекла —
Мир начинается со строчки:
«На свете девочка жила...»

Ричард Красновский

¹ Клуб старшеклассников «Товарищ» был создан в Петрозаводске 13 октября 1965 года и просуществовал много лет.

Вместо предисловия

Хочется начать повесть словами Астрид Линдгрэн: «В... городе, на самой обыкновенной улице...» Но дальше — стоп. В городе, на самой обыкновенной улице, я увидела кафе с надписью «СССР». Наверное, все скоро забудут, что существовала страна с таким названием. Страна, в которой мальчишки и девочки мечтали поскорей вырасти, чтобы сделать что-то стоящее для своей Родины, для которых слово «жить» обозначало именно самое понятие жизни в самом ее что ни на есть планетарном масштабе...

Часть 1

Глава 1

Может, все дело было в том, что на привокзальной площади городка, в котором она родилась и прожила всю свою сознательную жизнь, висел огромный, занимающий торец пятиэтажного дома плакат. На нем буквами, каждая из которых равнялась величине окна, была запечатлена травмирующая любое впечатлительное сердце надпись: «А еще жизнь прекрасна тем, что можно путешествовать. Пржевальский».

Внизу плаката ржала веселая лошадь, продирающаяся, наверное, сквозь пески Каракум, и все ей было нипочем, этой лошади, а всадник (видимо, это и был сам Пржевальский), обнимая ногами ее крепкие бока, натягивал звенящие, как провода на ветру, удила.

И так весело было им, этой лошади и этому всаднику, так безграничен мир за их плечами и свободен горизонт впереди, что все остальное казалось мелким и незначительным перед свободой их полета, жаждой путешествовать, открывать мир и тем самым оправдывать свое предназначение в нем.

Все, что под ним, под этим плакатом, вне рамок, заколдованных его пространством, было серым и стертым до однообразия. Серыми казались дома, улицы и люди, ходящие под ним и не подозревающие даже, что «еще жизнь прекрасна тем, что можно путешествовать»!

Когда она была маленькой, любила смотреть на солнце сквозь осколки бутылочного стекла. Солнце было зеленым. Оно могло напоминать яблоко, оно лучилось и все равно было солнцем. В нем таились волшебные силы, оно горело изнутри, в нем была жизнь, это было светящееся яблоко. И она брала листок и начинала рисовать. Дома, деревья, цветы были своего, нормального цвета, и только солнце у нее на рисунке было зеленым.

— Разве солнце зеленое? — удивлялась мама. Она брала дочку за руку и подводила к окну: — Ну посмотри — разве зеленое?

Дочка добросовестно смотрела — ей не хотелось огорчать маму, но, возвращаясь к столу, она снова рисовала зеленое солнце.

— Ты просто упрямая девочка, — качала головой мама.

Раньше ей казалось, что мир состоит из цветных вращающихся стеклышек: прижмешь к глазам — и сразу начинается праздник. Жизнь тоже казалась

таким праздником — каждое утро хотелось начинать все сначала.

Это было давно, еще в те незапамятные, да нет, такие близкие, почти осязаемые на ощупь, вкус, цвет и запах времена, когда по утрам в доме пахло оладушками, мама уже хлопотала на кухне, а отец куда-то исчезал: мало ли дел найдется по ту сторону дома у мужчины, обремененного заботами о своих гончих псах, даче и мотоциклах. И он с утра седлал железного коня, с лаем бросались в коляску собаки, засидевшиеся в духоте городского сарая, — и дома отца практически не существовало. Весь он был там, в родственной ему до какой-то болезненной близости природе, там он был свой — там его душа отдыхала. Он давал вольную псам, а заодно и себе: дышал покоем и волей тянущихся навстречу лесов или, распустив весла и притормозив якорем лодку, оседал на каком-нибудь тихом озерце, расслабив до полного изнеможения мышцы, и, став частью природы, одним с ней целым, вкачивал в свои легкие, в свои кровеносные сосуды запас живой энергии до следующего раза.

А мама, мама с утра нашаривала веселыми утренними руками, выживая из-под одеяла разнеженное тело дочки. И начиналось утро, теплое и ласковое, обещающее и жизнь такую же, теплую и ласковую, в которой единственным условием было не вырастать, оставаясь той же бормочущей стишки маминой радостью.

Но дочка выростала смело и неудержимо, и уже, как залог будущей многообещающей жизни, чистый высокий лобик разбивала пополам чуть видимая морщинка упрямства.

Родители назвали ее Ариадна. Вряд ли это была дань любви к Древней Греции, скорее, тяга к чему-то прекрасному, а может, своего рода протест против окружающей повседневности. Но так или иначе, имя принялось существовать в заштатном северном городке, и проникающие под самые ребра ветра отдавали терпким запахом лаванды, цветущего миндаля и лавровишни.

А в ней самой непонятным образом заговорила кровь этих... нет, не предков, но тех самых, что носят легкие туники и сандалии на босу ногу, посещают театры под открытым небом и подолгу ходят в бани, обсуждая последние новости поэзии и науки. Где обольстительные гетеры, сидя на маленьких

изящных канапе, держат в прозрачных ручках легкие, как сухой порошок, бокалы — прекрасных, как боги, вечно юных греков.

Она и себя видела в такой же позе, на таком же канапе, с плеча струилась легкая материя, поворот ее шеи был стремителен, изящен и горд, в лице жили тишина и неприступность. Лучшие мужи города склоняли перед ней свои головы, моля о благосклонности, но ее взгляд, блуждая поверх голов, был рассеян и недоступен.

Она подрастала, и ей становилось скучно в мире, словно раз и навсегда заключенном в стандартную оболочку, втиснутом в рамки обыденного, где все должно существовать по правилам, установленным непонятно когда и кем. И хотелось порой сорвать оболочку, растряссти упаковку, вытряхнуть содержимое и — раздвинуть горизонты свежим дыханием Необычайного.

И это Необычайное пришло к ней в то лето, последнее лето ее школьной жизни...

Глава 2

...В то самое лето, когда ее любимый физик Эдуард, бывший у них классным руководителем, самым бесцеремонным образом турнул ее из стройотряда.

Да и турнул-то — за что?

Ну, подговорила она молодого тракториста прокатить их на «пене». Да и как было не подговорить? Ведь она думала, что в стройотряде их будут бросать на передовые рубежи Родины — помогать стране строить, возводить, залатывать дыры там, где без их молодых рук просто не обойдутся!

А их стройотряд ничего не строил, не возводил, они вяли и терлись под июньским солнцем, очищая от мусора совхозные поля, а их замечательный Эдуард был не командиром передового отряда, а бригадиром унылой кучки подсобных рабочих. И вся их энергия, энтузиазм и молодые силы пропадали впустую.

Ну разве можно было не сойти с ума от скуки? Вот и не выдержала, и подговорила молодого тракториста прокатить их на «пене» — длинном волочащемся за трактором железном листе, куда они по долгу стройотрядовской службы сбрасывали найденный при очистке полей мусор. Хоть какое-то разнообразие! И тракторист, чтобы угодить девчонок, выжал последнюю скорость... Ну и летели они, красиво летели, словно и не по полю на тракторе, а по морю взрыхленному, визжа от восторга.

Что было потом, Арьяка помнит смутно, да предпочитает и не вспоминать. Только когда «пена» эта на них сверху наворачиваться стала — вся жизнь ее в миг единый перед глазами промелькнула. И ничего-то в этой жизни, оказывается, и не было еще толком,

а только слова в голове криком стояли: «Мама! Как ты-то переживешь? Как плакать, кричать будешь!»

И не жалко Арьке жизни своей бестолковой, а вот маму... Маму почему-то жалко!

Но — взревел трактор последним усилием, снес перепуганный тракторист пласт земли, и — пронеслась «пена» над их головами.

Вот тогда, спустя пару часов после того, как живы остались, Эдуард перед ней инструкцией и помахал:

— Читала? Расписывалась? — И голосом на нее напирает, железным таким... Будто и не жили они в одном вагончике, не шествовали по утрам с вафельными полотенцами к одному умывальнику, не сидели по вечерам на крыльчке с ним да с Поликарповной, литераторшей любимой, нарушая скучное стройотрядовское расписание.

— Ты хоть понимаешь, что наделала? А случилось бы что? Как бы я потом жил? Родителям твоим да и другим тоже — как бы в глаза смотрел? Чудом ведь живы остались, чудом! Считаю, в рубашке родилась! Так что первым автобусом — домой! Чтоб я тебя здесь больше не видел!

Учитель еще называется... «В жизни, знаете ли, всякое случиться может, нужно каждый миг принимать как подарок»!

Так и уехала Арьяка с подарком от Эдуарда.

Глава 3

И снова дом, и томительная скукота городского лета, запертого в блочное однообразие. Шаркающий по комнате тапочками отец...

— О-хо-хо. Все-то вам скучно. С жиру, видать, беситесь. И в кого — не пойму? Мать — вроде нормальная женщина, а у тебя в голове... — Но, упираясь в колючий дочерний взгляд, тянул примиряюще: — О-хо-хо...

Разговор с взрослеющей дочерью был ему явно не по силам. Он искал и не находил слов, куда проще было посмотреть в преданные собачьи глаза, крикнуть: «Сильва, к ноге!», подкинуть к плечу ружье, прицелиться, свалить наземь дичь, заняться настоящей мужской работой, а не мучиться проблемами, в которых он все равно ничего не понимает.

А дочь спокойно, словно и не было этого разговора, словно и до него ничего не было и не будет после — так ее здесь ничего не волнует, — молча проходила и исчезала в своей комнате.

Она проходила мимо кухни, где мама взглядывала обеспокоенно и чуть осуждающе, мимо щебечущего что-то возле нее брата и, разрезая тесный, спеленатый стенами воздух, скрывалась в своей комнате. И там ее практически уже не существовало. Она растворялась в феерической сказочности об-

разов Федерико Гарсиа Лорки, волны канте хондо уносили ее в ночь. В той ночи плакала и звала гитара, цыганский романсеро звенел кастаньетами, а кто-то уводил «в полночь жену чужую». И самого Федерико — его тоже уводили на край апельсиновой рощи, и там он, молодой, красивый и гордый, падал в непримятую за ночь траву.

Приходила Галка — ее подруга из параллельного класса. Вместе они сидели и скучали, глядя с балкона на ленивую перебранку детворы.

— Нет, ты скажи, как другие-то живут? Неужели все так? — тянула Арьяка голосом, от которого ей и самой становилось скучно. — Едят, пьют, говорят на какие-то скучные темы, тоже в основном о еде и питье, ходят на работу, ругают детей, смотрят телевизор... И — все? И ради этого стоило рождаться на свет?

Галка покачивала головой, на коленях у нее лежала книга, она не спеша перелистывала ее. Казалось, тема жизненной скуки не волнует ее так остро, как Арьяку.

Вдруг она отложила книгу.

— Кажется, я знаю, что тебе нужно. Есть одно место, где можно встретить не совсем обыкновенных людей.

Но Арьяка лишь вздохнула. «Скучно, все скучно. Все истины давно разжеваны и положены под язык. Если мальчик дружит с девочкой — это может плохо кончиться: объединяйтесь только по признаку пола!»

Конечно же, Арьяка не поверила: какие уж там «необыкновенные» — откуда вдруг они возьмутся? На проверку окажутся хуже самых обыкновенных!

— Уж лучше я буду книги читать, там по крайней мере хоть врут художественно!

— И все же мы сходим туда! А там уже сама решишь, обыкновенные они или нет. А если не понравится — уйдешь!

Так, с Галкиной легкой руки, Арьяка собралась посмотреть на людей необыкновенных. Вскоре Галка зашла за ней, и они отправились в место, где «необыкновенные» собираются по средам.

Глава 4

Необыкновенные люди сидели вокруг стола, шумели и называли друг друга какими-то непонятными именами. Каждую минуту кто-нибудь говорил другому: «Морда»!

Они спорили, и Арьяке было трудно понять причину их спора. Разговор велся на каком-то тарабарском, понятном лишь им языке, но, что показалось ей необычным, они шумели — и никто их не прерывал, не призывал к порядку.

Главный из необыкновенных имел бороду, в которой пряталась хитровая улыбка. Казалось, все он тут все про всех знал и потому лишь посматривал искоса: «Ну-ну, спорьте, спорьте, а я погляжу, что из этого выйдет». Все обращались к нему по фамилии — Борисов, но на вы, — с уважением, значит.

Потом, когда им надоело спорить, главный взял гитару, и они ни с того ни с сего начали петь. Это Арьяку очень удивило: вдруг, ни с того ни с сего, — петь? Но она пришла сюда смотреть на людей необыкновенных и ничему не должна удивляться. И потому она просто принялась смотреть и слушать. Чтобы уже потом сделать выводы насчет их необыкновенности.

Конечно, Арьяка и раньше слышала разные песни, но эти... Эти были какие-то другие... Они звали и тревожили, вроде были про любовь, но про какую-то другую любовь... От такой любви, наверное, не рождаются дети, от нее не пахнет щами и утварью, набитой в домашние шкафы.

А потом вдруг кто-то сказал:

— У нас ведь новенькая! Надо посвятить песню ей.

Тут уж Арьяка совсем испугалась, но ей объяснили:

— У нас традиция такая. Новому человеку мы посвящаем песню. Какую ты хочешь?

Арьяка не могла чего-то хотеть или не хотеть, она не знала их песен, не понимала их языка, а они все-таки уже начали ей нравиться. И она стояла в смущении и пожимала плечами.

А кто-то вдруг сказал, заметив ее замешательство:

— А давайте — «Бродяг»!

И Борисов кивнул, взглянув на нее, словно прицениваясь: «А подойдет ли к Арьяке песня эта?»

И вздрогнула в его руках гитара, голоса подхватили:

Не бродяги, не пропойцы, за столом семи морей
вы пропойте, вы пропойте славу женщине моей!
Вы в глаза ее взгляните, как в спасение свое,
вы сравните, вы сравните с близким берегом ее...

Песня звучала, и Арьяка старалась подпевать. Ей было приятно, что они посвятили ей именно эту песню — значит, увидели в ней, в Арьяке, что-то, наделенное силой спасать и быть для кого-то путеводной звездой.

А потом, когда уже начали расходиться, Борисов вдруг сказал:

— Да, народ, ау! Не забудьте к следующему разу справки для лагеря, скоро уезжаем!

— А ты, — спросил ее кто-то, — ты хочешь поехать с нами в лагерь?

— В лагерь? — недоуменно смотрела Арьяка. — Не знаю...

Лагерь — это слишком, она только что вернулась из одного, чуть не умерев там со скуки. Да и лагерь после стройотряда? Это казалось чем-то детским и несерьезными. Ее время лагерей уже прошло, осев в памяти не самыми приятными воспоминаниями. Там, где ходят по линейке, где чуть свет выволакивают в промозглое утро на зарядку, где взрослые, зевая, выдумывают какие-то скучные мероприятия, чтобы показать, что сделали все возможное для счастливого отдыха детей. Где даже в воду при купании разрешают заходить только на три минуты и стоят над душой с секундомером, а ей, между прочим, требуется ровно столько, чтобы до этой самой воды дойти. А еще там поют бравурные песни и орут полуголодными от замерзшей на тарелках каши голосами: «Все мы в лагере своем замечательно живем. Ходим дружно в один ряд, если сдохнем — все подряд!»

И поэтому Арья вздохнула и покачала головой:

— В лагерь? Не знаю...

— У нас лагерь не простой, трудовой! Полдня работаем, полдня отдыхаем! У нас интересно! — летели в нее со всех сторон голоса. — Поедем, не пожалеешь, лучше один раз увидеть, чем сто услышать.

Галка тоже собиралась в лагерь и высказалась просто:

— Ты ведь ничего не теряешь, не понравится — уедешь. Все равно в городе делать нечего!

Арья подумала-подумала... И пошла собирать справки.

Родители не понимали: куда, зачем, с кем? Еще вчера она этих людей не знала, а сегодня горит желанием отправиться с ними неизвестно куда. Они пожимали плечами, глядя на ее суматошную деятельность по сбору справок, а Арья утешала их теми же мудрыми словами:

— Не понравится — уеду.

В конце концов, особо препятствовать они не стали, дочь действительно маялась, и терпеть ее мать было занятием не из приятных.

Глава 5

Так Арья оказалась в лагере.

Лагерь располагался в длинном бараке на самом краю деревни со смешным названием Дырвась. Вновь прибывшие тут же нарекли себя дырвасями, придав новое звучание этому несколько устаревшему названию.

Едва приехав, дырваси принялись обустроить барак, в котором им предстояло жить. Казалось, они и мечтали жить именно в таком бараке: без мебели, обоев, с досками вместо окон. По сравнению с убранством барака вагончики стройотряда казались просто раем.

Кроватями здесь не пахло, не было не то что стульев — даже какой-нибудь заваливающей табуретки. Зато лежала на полу груда досок, валялись пни, на которых тут же, полные громогласного энтузиазма, провели свое первое заседание дырваси.

Арья смотрела на весь этот энтузиазм с долей опаски. В глубине души даже мелькнула предательская мысль: «И зачем поехала»? Она и так не была в восторге от любых неустройств, а здесь эти неустройства достигали своего апогея. Ей вдруг захотелось домой, в свою комнату. Забраться с ногами на кровать и уйти с головой в какую-нибудь сладостно-тягучую книгу.

Но этих — дырвасей — вся неустроенность, казалось, только забавляла. Они представляли, как будут жить на досках, спать на досках, есть на досках, а посреди барака разведут костер. И пока Арья морщилась, подумывая, как бы ей отсюда потактичнее слинять, они что-то делали: бегали, колотили, передвигали. Прибыл трактор с длинным прицепом. С легким матерком деревенские мужики принялись сгружать панцирные сетки. Отодрали от окон доски и вставили стекла...

И вскоре комната покрылась хрустящей белизной чистого постельного белья, уютными клетками засветились новенькие привезенные байковые одеяла. И постепенно их старый допотопный барак превратился в светлую комнату, заселенную молодыми существами.

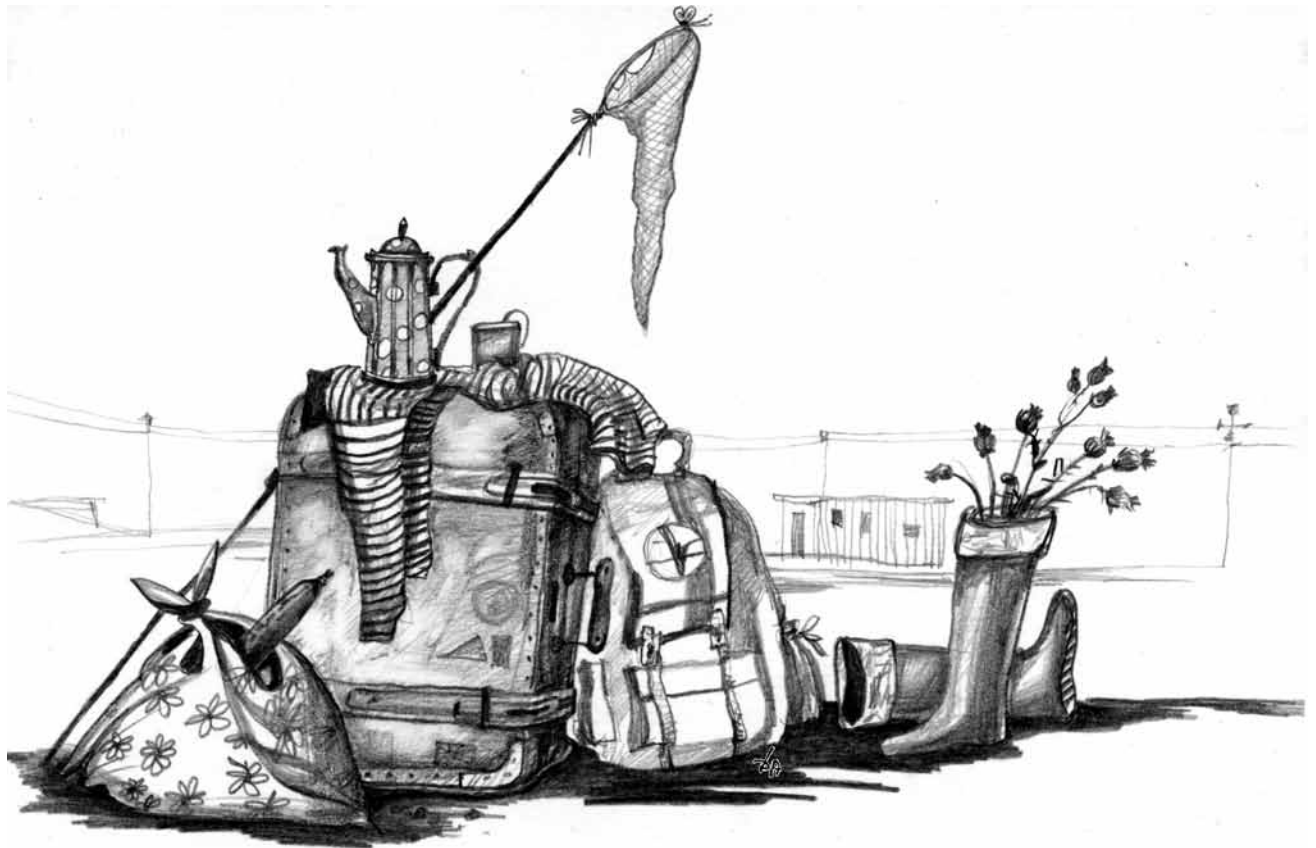
То, что происходило потом, наполняло Арьку чередой открытий.

Нет, не то ее поразило, что правил в лагере дух постоянного «неунывательства» — то, в чем другие наши бы повод для раздражения, здесь воспринимали с какой-то особой долей радости. Радостью, казалось, была сама возможность применения сил.

Не успели они приехать, как на стене их длинного барака кто-то нарисовал портрет улыбающейся во весь рот девчонки в конопушках с разлетающимися косичками и подписал: «Пеппи Длинныйчулок». А трогательная Наташка Цыпочкина нанесла конопушки себе на нос и заплела такие же, как у нарисованной девчонки, косички. Смешной парень Тойвочка, нарочито картавая, ходил с девочками за ручку, словно был для каждой любимой подружкой.

Все это, конечно, было мило, забавно, но... Оценивая все критическим взглядом, Арья пока не особенно-то разлеталась навстречу: «Хватит уже, разлетелась — с “пеной”».

С утра до обеда они ползали по холмам и кочкам, собирали толокнянку — сухую неодошевленную ягоду, — чтобы пополнить ею аптечные закрома поселка Дырвась.

И, конечно, не дела их разные вдохновили Арьку, хотя и понимала она: куда ж без них, дел этих. Но именно их-то и ждала с наименьшим воодушевлением. Но понимала — надо, необходимый это показатель счастливой лагерной жизни.

Но ведь уверяли ее, что лагерь у них особенный. А для нее «особенный» — это как раз без всяких таких дел. И когда услышала Арька, что Борисов Маяковским их грузить будет — «поэтический огонек» это у них называется, — сердце ее так уныньем и поросло. Мало еще в школе Маяковского этого — революционера, трибуна и глашатая, который про штаны и паспорт орал не стесняясь.

А вечером под ленивое пощелкивание печурки, рядом с которой сообразили они пеньки в одну кучу собрать и отрядное место сделать, начал им Борисов — про Маяковского. А потом и еще кто-то: Гелька, их комиссарша, командир Вилька Панов...

И — стронулось что-то. Может, и не в стихах даже дело — в печурке крохотной, в закате за окном, в дровах потрескивающих, в глазах рядом. Но только увидела вдруг Арька не грозного певца, трибуна и глашатая, а... маленького человечка с большим ростом, который ходил в желтой кофте, любил мать и сестер и который, оказывается, сам так нуждался в любви. Выкрикивал с надеждой: «Послушайте! Ведь если звезды зажигают — значит, это кому-нибудь

нужно?» Но не находили они, эти женщины, сил, чтобы полюбить его, такого большого и неутомимого. Даже Татьяна, которой он писал: «Ты одна мне ростом вровень, стань же рядом, с бровью брови...» — не захотела, не встала! И что в результате? Точка пули в конце.

И Арька вдруг, через время и пространство, почувствовала и полюбила его, такого далекого близкого поэта, который, оказывается, так страдал, у которого и папа-то был простой лесник и умер от того, что уколол палец. Эта подробность про папу, который умер, уколол палец, вконец добила Арьку.

«Скрипка издергалась, упрашивая, и вдруг разревелась так по-детски...» — живые они, живые, оказывается, а не монументы, как представляют в школе.

Целый день она ходила под впечатлением этого заново рожденного для нее Маяковского, а потом наступал вечер, и снова происходило что-то, сновившее ее с обретенной орбиты.

В мире, оказывается, столько всего достойного любви. Достоин любви и неизвестный ей доселе Велимир Хлебников, живший где-то в астраханских землях, и Осип Мандельштам — «романтический трагик эпохи», всю жизнь мечтавший о тепле, жавшийся к югу, а пропавший в Сибири, лагерях ГУЛАГа. Она и про ГУЛАГ-то узнала благодаря Мандельшта-

му. Понятие «ГУЛАГ» вошло в ее жизнь вместе с понятием «хрупкий поэт». Никто не осмелился, а он бросал в мир: «Его толстые пальцы, как черви, жирны, а слова, как пудовые гири, верны... Что ни казнь у него — то малина и широкая грудь осетина». И как маленький ребенок — ходил, читал, пока не дошло — до самого!

И что в результате? ГУЛАГ.

«Словно гуляка с волшебною тростью, Батюшков нежный со мною живет...» — цитировали они по очереди с новой подругой Катькой, которую обнаружила Арька на следующий после приезда день на соседней кровати.

«...Он тополями шагает в Замостье, нюхает розу и Дафну поет».

Обе они смутно представляли себе, что такое «Замостье» и что значит «петь Дафну», но от этого образ гуляющего Батюшкова становился еще более привлекательным.

И Арька вдруг поняла, что поэты — они как дети, с ними нужно обращаться бережно, иначе на них обязательно найдется либо пуля, либо какой-нибудь ГУЛАГ.

А что касается Цветаевой — так та просто прошла по Арькиному сердцу, навсегда его приговорив. Наголо стриженная дерзкая девчонка, влюбленная в своего кумира Наполеона (не в кого-нибудь — в Наполеона!), стихами бросающая вызов миру. Потом Арька видела ее в волошинском

Коктебеле на берегу моря уже по-настоящему влюбленной в своего юного мужа: «Чрезмерно узкое его лицо подобно шпаге...»

Арька даже видела это «подобное шпаге» лицо, в ореоле мужественности, и соглашалась: не влюбиться в такое невозможно.

Они даже поспорили с Катькой и Людкой (еще одной подружкой, второй соседкой по кровати), имела ли право Цветаева полюбить его, Эфрона, белого офицера, находившегося «по ту сторону баррикад»? И решали, что — имела! Такого — имела!

И что в результате?

Елабуга.

Эту «елабужскую» Цветаеву Арька жалеет, очень жалеет. Но любит все равно ту, молодую, дерзкую, бросающую в мир:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет...

Вот так и было. Не успевала Арька как следует нахлебаться одним, переварить, как накатывало другое. И казалось, она и сама уже перестает понимать, в каком времени находится. Ее друзья словно соединились в ее воображении с теми, кому были посвящены их вечера и посиделки. Да и между ними разговор особенный был, непосвященному непо-

нятный. Не было у них, например, обращения «ребята, девочки», а было другое: «Народ, люди, ау!»

— Эй, народ, ау! — говорил Борисов, и его понимали.

— Вы морда, Борисов, — запросто могли сказать ему, и он не обижался, лишь хмыкал довольно: потому что слово «морда» носило еще и дополнительный отпечаток проявления любви. И каждый прозносивший наполнял его особенным смыслом.

— Борисов, ну сыграйте что-нибудь, ну пожалуйста! — тянул кто-то, а он и не заставлял себя долго упрашивать, и звучали над лагерем, над всем местечком Дырвась их необыкновенные, неслыханные — уж точно неслыханные в этой деревенской глуши — песни:

Мы с тобою, товарищ, не уснули всю ночь,
Мы мечтали, гадали, как нам людям помочь...

Однажды, когда отзвучали прощальные слова и все дружно пожелали друг другу спокойной ночи, Борисов вдруг словно спохватился:

— Да, народ, минуточку, чуть не забыл! Завтра в лагерь должен приехать один парень. Он парень нормальный, но...

И что-то было в этом борисовском «но», от чего он и сам вдруг странно ступешевался. Такого тушующегося Борисова Арька еще не видела. Мало ли приезжает парней и девочек, и все чувствуют себя тут нормально, и чего же тогда...

— В общем, все дело в том, что несмотря на свой юный возраст — ему пятнадцать лет — он уже успел побывать в детской колонии. А оттуда, сами понимаете, пай-мальчиками не возвращаются. Но хочется поддержать его как-то. А парень он хороший, за это я ручаюсь, — дрогнул голосом Борисов. — Но без вашего согласия, конечно, я его сюда привезти не могу.

Никто не ответил Борисову сразу, словно решение такой пустяковой проблемы требовало непостоянных умственных затрат.

— Борисов, — наконец каким-то приглушенным голосом отозвалась Гелька. — Мы знаем, вы помогли многим подросткам, и мы вас за это ценим. Но... — Она оглянулась. — Мы должны думать и о других. У нас здесь дети, которых доверили нам родители. А если что случится? Кто может за него поручиться?

— Я, — сказал Борисов, и голос его снова прозвучал как-то не очень, по крайней мере так показалось Арьке. — Я могу.

Но качала неодобрительно головой Гелька, молчали и остальные. За эти дни все как-то притерлись друг к другу, да и все они были чем-то одним, общим, поэтому здесь и оказались. А тут вдруг придет непонятно кто — существо с другой планеты, и неизвестно еще, каких идей он там нахватался.

И Арька, сначала с готовностью откликнувшись на борисовское предложение, вдруг подумала тоже:

«А ведь, наверное, им видней», — и когда Гелька спросила: «Кто против?» — вслед за всеми, хоть и неуверенно, потянула руку.

— Ладно, — отвел глаза Борисов, — насильно навязать я вам не могу. Завтра утром я уезжаю в город. Зайду в комнату милиции, скажу, чтобы его сюда не отправляли. Но уж если приедет — мало ли, разминемся... Тогда свое решение вы скажите ему сами.

А потом они пели, и был отрядный огонек, и все медленно расходились... И кажется, все как обычно, и день прошел на отлично, и песни они спели хорошие, и что-то все равно что-то не так...

На следующий день Арья осталась дежурить по лагерю: подошла ее очередь убираться в комнатах. Сердце ныло: так казалось, сейчас и появится этот — с челюстью питекантропа. Но потом за работой как-то обо всем забыла, пела, убираясь, весело работая шваброй, а когда закончила, глянула на часы: время до прихода ребят еще оставалось. Прилегла на кровать с книгой и сама не заметила, как задремала.

Проснулась она от странного ощущения... Слово солнечный зайчик скользнул по лицу.

Арья открыла глаза. Возле ее кровати стоял парень. Стоял, смотрел на нее и улыбался.

Она ничего не успела сообразить толком, не поняла даже: во сне он или наяву.

— Ты — во сне или наяву? — спросила она.

— Наяву. — Ему, казалось, нравится вот так стоять и смотреть на нее, еще не справившуюся со своим сном. — Хочешь, потрогай руку. — И он протянул ей свою ладонь.

Арьке потрогала протянутую ладонь — она была теплой.

— Давай знакомиться, — сказал он. — Меня зовут Валера, — и, чуть помолчав, добавил: — Гагарин.

— А я — Терешкова, Валентина, — назвала она фамилию первой женщины-космонавта.

— Но я действительно — Гагарин! — дрогнули губы.

— И я действительно Терешкова.

Арья успела заметить: улыбка у него была хорошая, хоть и с небольшой лукавинкой.

— Могу документы показать! — качнул он перед ней чемоданчиком.

— Не надо. — Чемоданчик этот Арья отметила сразу: «Да с таким только в ближайший киоск и ходить, за открытками». — А что у тебя там? Носовые платки?

— Почему — платки? — удивился он. — У меня там даже свитер есть!

Арья начисто забыла про того, кто может приехать, а когда вспомнила — ей даже смешно стало: настолько этот — был не тот. Этот — смешной, даже беззащитный какой-то, особенно чемоданчик его бедовый, размером чуть больше школьной тетради-

ки. И фамилия у него не та, уж фамилию первого космонавта она бы запомнила. Впрочем, Арья не была уверена, что Борисов вообще называл фамилию.

Через пять минут она уже поила его чаем, расположившись на огромном пне, обозначающем их главное отрядное место.

— Значит, тебе Гелька нужна? Подожди немного, скоро все появятся, и Гельку увидишь. Да ты пей чай-то, пей!

И она все подливала ему кипяток, пододвигала мазанный маслом хлеб и все говорила, говорила... Ей почему-то хотелось рассказать ему, этому почти незнакомому мальчишке, про жизнь лагеря, чтобы он понял и оценил, какая у них одна большая и дружная семья. И она рассказывала ему и про ребят, и про дела их разные, а он слушал, кивал. И было видно, что тему интересно. И она расслабилась совсем, все больше ощущая в нем своего.

— А знаешь, это хорошо, что ты Гагарин, — в порыве откровенности снизила она голос. — А то Борисов собрался подкинуть нам одного — малолетнего преступника! Ты Борисова-то нашего знаешь?

Гость, сделавший было глоток, неожиданно перхнулся.

— Да, знаю... Хороший мужик Борисов.

— Так вот. Он постоянно мучается жаждой кого-то спасти. И нам хотел подкинуть на воспитание... — Арья замешкалась, подыскивая слова: — Чтобы мы, значит, воздействовали личным примером. А у нас тут что? Исправительная колония? — Заметив обострившееся внимание гостя, продолжила горячее: — Вот мы и решили, если вдруг приедет — отправим обратно!

— Что? — чашка дрогнула в руке гостя. — Как это — отправите?

Арья чуть растерялась.

— Обыкновенно — автобусом.

— И что — даже не увидев его, не узнав? А вдруг он окажется хорошим парнем?

Арья не поняла даже: «Он-то чего так волнуется?»

— Но ведь... Не просто же так он там оказался!

— Ну мало ли что бывает! По молодости, по глупости... — Гость горячился. Тема, кажется, взволновала его не на шутку.

— Уж не знаю, какая должна быть глупость! За глупость, знаешь, два года не дают! — Арьке показалось, он словно уличает их в несоответствии идей и поступков. На словах, значит, так, а на деле...

— Ну что, по-твоему, такого можно сделать невинного, чтобы два года...

— Ну, к примеру... — Парень на минуту задумался. — Захотел, например, покататься на мотоцикле. А своего нет — семья необеспеченна. А у него,

может, мечта: сесть за руль, включить мотор — и пролететь со свистом, чтобы ветер в ушах! Впрочем, ты девчонка, девочка то есть, — тут же поправился он. — Ты этого не поймешь!

— Почему не пойму? — даже приобиделась Арька. — Пойму. Мне, может, тоже хочется — со свистом! Только что из того, что захотелось?

— Ну и взял, например, соседский мотоцикл. Только чтобы покататься, а потом вернуть. А пропажу обнаружили. Вот и получается, что — вор.

Арька слушала внимательно.

— Ну допустим, — кивнула она и собралась было развить тему дальше, но вместо этого спросила вдруг:

— А ты-то откуда про это знать можешь?

Гость вдруг стушевался:

— Да так, случай был похожий с одним знакомым.

Арька в задумчивости качала головой:

— Не знаю... Мне кажется, кто взял один раз, возьмет и второй. Слава богу, у нас тут красть нечего, — обвела она взглядом стены. — Разве что борисовскую гитару.

А парень вдруг вскочил и принялся нервно ходить по комнате. Взад-вперед.

Его возбуждение начало передаваться и Арьке. Она не понимала, почему он так нервничает, но показалось — он может уйти, а этого ей почему-то не хотелось.

— А знаешь, хорошо все-таки, что ты приехал! — попыталась она его успокоить. — Вдвоем-то нам уже не так страшно, даже если он и приедет!

Арьке казалось, что причина его беспокойства связана именно с рассказом об этом парне. «И зачем рассказала?»

— Ну а меня-то ты не боишься? — Подойдя ближе, он вдруг остановился прямо напротив Арьки.

— Тебя? — хмыкнула она. — А с чего это мне тебя бояться? Ты же, сразу видно, нормальный! Да ты бы такого никогда и не сделал! Ведь человека же по глазам видать!

Гость почему-то отвел глаза и сделал шаг в сторону.

А вдохновенной Арьке показалось снова — она даже видит того, с взглядом питекантропа:

— Уж если он два года провел в таких местах — он знаешь какой! Да ты таких и не встречал!

И она даже почувствовала себя старше и мудрее этого паренька, еще совсем мальчишки, который почему-то так нервничает сейчас. И вдруг странная догадка пришла ей на ум.

— Послушай, а может, ты...

— Что? — напрягся он.

— Может, ты просто... боишься? Ну, этого, который может приехать? — «И правда, зачем расска-

зала? Зачем ему, этому нормальному мальчишке из нормальной семьи, встречаться с каким-то... без пяти минут уголовником? Ну зачем рассказала!» — снова всполошилась она.

— Я? Боюсь?

— Ты не бойся, ведь мы же вдвоем, он нам ничего не сделает! И ребята сейчас придут...

Арька чувствовала: что-то происходит. Происходит что-то не то. Ей так не хотелось, чтобы он уходил — ведь он уже начал нравиться ей.

А гость вдруг решительно поставил чашку на стол и направился к своему чемоданчику.

— Ну все, хватит, — сказал он и подхватил свой чемоданчик.

Арька поняла: она сделала что-то не так и уже ничего не может поправить.

— Я и есть тот парень, — сказал он.

— Что?

А он уже шел к двери, готовый вот-вот уйти. И возле двери сказал ей:

— Я приехал, чтобы присмотреться, видишь, даже вещей с собой не взял. А когда увидел тебя, поговорил, понял, что если здесь все такие — я останусь. Но, оказывается, вы все за меня уже решили. Что ж, сам виноват, надо было думать раньше!

И уже почти уйдя, почти закрыв за собой дверь, на мгновение обернулся:

— А тебе — спасибо за чай. Он был вкусным!

Глава 6

Так в ее жизни появился Валерка.

Конечно, куда его не отправили. Он сумел всех очаровать своей добродушной, идущей от самого сердца улыбкой. Казалось, это улыбка славного доброго пса, которого нет-нет да и тянет порой на подвиги.

Он быстро проникся духом лагеря: научился ходить «за ручку», петь песни, закидывая руки на плечи соседям, сидеть на отрядных сборах, произносить слово «морда», философствовать, лежа на кочках сухого болота. Ему ничего не было скучно, он вошел в жизнь лагеря так естественно, будто и был здесь всегда. И вскоре всем уже стало казаться, что и лагерь без него был какой-то не такой, пресный, что ли, и сами они какие-то не такие. С ним стало веселей и надежней. Словно в их специально культивируемый дух правильности пустили живой, ничему не подчиняемый воздух свободы.

Участвуя в делах отряда — таская дрова и ведра, высидывая на огоньках, проникаясь душой к Мандельштаму, Цветаевой, Хлебникову, — он всему отдавался целиком, пока вдруг однажды его не одолевал искуcительный воздух свободы. И — его несло.

Он пропадал, просто растворялся в воздухе. Кажется, только что был, и вдруг — лишь слабое кольханье там, где только что сидел, размахивая руками. Он исчезал, сводил знакомство с местными ребятами, потом, виноватый, возвращался и кротко терся, готовый искупить вину. И говорить с ним было бесполезно, он и сидел такой же виноватый, и ругать его было жалко, он обещал, что впредь — ну конечно же — этого не повторится. Но наступал момент, когда все законы для него теряли смысл, и все начиналось сначала. Попытка пристроить его энергию, пустить в нужное русло не увенчалась бы успехом, потому что никто никогда не знал, в какой момент овладеет им этот томительный искус.

И все же — было главное. Он сумел полюбить всех — и все полюбили его. Об этом можно было не говорить, это читалось в воздухе, ощущалось по взгляду, по привычному покачиванию рук. Валерка был уживчив и со всеми приветлив, правда, иногда немного вспыльчив, но больше смешил всех этой своей вспыльчивостью.

Арьку приехали навестить в лагерь родители. Примчались на мотоцикле с коляской, прихватив с собой брата. Они готовы были застать дочь, как обычно, недовольной, критикующей все подряд, но... Вопреки ожиданию она оказалась всем довольна. Зато по их лицам расплзлось недоумение, когда они увидели полузабитый досками барак, и уж совсем никак не могли они вникнуть в прелесть так называемых отрядных дел, про которые взахлеб рассказывала Арька.

— И не надоело еще в школе? — покачивала головой мама, а Арька с энтузиазмом повествовала им про «огоньки поэзии» и прочие радости, демонстрировала собственноручно выпущенные газеты, заходясь в объяснениях, что «это и есть настоящая жизнь»!

Родители послушали, покачали головами, постояли, охваченные поющим кольцом, и уехали, облаком веселой летней пыли пронеслись по деревенской дороге, оставив Арьке на попечение брата. Надеясь, что он тоже проникнется передовыми светлыми идеями.

Была в клубе традиция: старший приводит сюда младшего, друг — друга: это все равно что посадить дерево, построить дом. И тоже мечтала Арька, что будет и у нее в доме не просто брат, а друг, на все сто, и друг самый лучший, с которым смогут они понимать друг друга, ну хоть, например, как с Валеркой.

Но как ни старалась Арька, пытаясь приобщить брата, не строился ее дом, не приживалось дерево. Брат поглядывал настороженно, искоса, и хоть и сидел на всех отрядных огоньках и песни пел, стоя в общем круге, но делал это лишь в меру необходимости, душой ни с чем особенно не соприкасаясь.

А потом, уже ближе к концу смены, и случилась с ней эта история, на несколько дней выведшая ее из строя.

Лежали они, нежась на прогретом песке, пользуясь короткими минутами летней передышки, кто с кем, а Арька — в окружении двух любимых, приобретенных в лагере подруг — Людки и Катьки. Тут же, нарушая их девичий интим, терся Валерка.

— «Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода...» — топтался он по девчоночьим ногам. Изображая римлянина, закидывал за шею брючину.

— Лучше бы она в тебе не кипела, — скептически заметила Арька.

— «Во мне не дремлет дух великого народа».

— Лучше бы — дремал.

— Между прочим, Арька, я вам поэтический огонек устраиваю. Внеплановый, на лоне природы!

— Валер, мы очень ценим твою любовь к поэзии, но сойди, пожалуйста, с моей ноги, — со смехом пошевелила Катька стопой. А Людка, взглянув на Арьку, спросила вдруг:

— А почему твой брат все время сидит один, в стороне?

Арька вздохнула:

— Не знаю. Стесняется, наверное. Хотите — позовите, может, у вас получится.

— А что? И попробуем! — лихо тряхнула челкой Людка, и они с Катькой дружно поднялись с песка.

На их место тут же плюхнулся Валерка и оказался нос к носу с Арькой.

От нечего делать Арька принялась изучать его физиономию.

— Валерка, у тебя, оказывается, уши большие! — сделала она неожиданное открытие.

Со стороны песчаной кручи на них поглядывал Левка Матушкин, эпизодически отрывая глаза от книги.

— Уши как уши, — отмахнулся Валерка. — Все ты, Арька, выдумываешь!

— А ты знаешь, что большие уши — признак гениальности?

— Да? — Валерка потрогал свои лопухи уже с большим интересом. — А что — вполне может быть!

— А еще, Валерка, у тебя — родинка в самом в зрачке! — продолжила Арька экскурс по его физиономии.

— Родинка? — скосил он глаза, но уж собственную родинку увидеть ему не удалось.

— Да, в самом зрачке. Маленькая такая черная.

— Черная-черная родинка в черном зрачке! — Он вдруг растопырил над Арькой пальцы: — Отдай мое сердце!

Арька взвизгнула и на всякий случай откатилась подальше.

— Оставь Арьку в покое! — прогундосил с песчаной кручи Левка Матушкин. Нос у него был, как обычно, заложен, поэтому звук шел словно из граммофонной трубы.

— А тебе-то что, Матушкин! Читай себе, — буркнул в его сторону Валерка.

— Ничего ты не понимаешь, Валерка! Родинка в глазу — это божья отметина! Вот только за что он тебя отметил, я не знаю!

— Ну, ему-то сверху видней! — самодовольно отозвался Валерка — Раз отметил — значит, есть за что!

А Арька, слушая его смешное, какое-то совсем детское бахвальство, подумала вдруг: «И как это он смел, при такой своей хорошестьи, такой нужности среди нас — целых два года пропадать неизвестно где! Когда он просто обязан быть с нами!»

— Валерка, а ты знаешь — кто?

— Ну и... кто? — почувствовал он что-то особенное в ее голосе...

— Ты, Валерка, — и Арька выпалила вдруг: — Смешной маленький мальчик! — И, кажется, даже сама удивилась.

— Я — маленький? — Если бы не лежал, он упал бы точно. — Ну ты, Арька, даешь! Это я-то маленький?

И все же... Что-то в Арькиных словах было, что задело его.

— Сама ты, Арька...

— Что — сама? — напряглась вдруг тоже.

— Знаешь, ты кто? — и брякнул, не удержавшись: — Ты, Арька... Смешная маленькая девочка! — сказал и сам тоже словно удивился.

Арька же раскрыла глаза. Уж чего угодно ожидала: королева, принцесса — что там обычно говорят мальчишки, но...

— Я? — тарачила на него глаза совершенно взрослая Арька. — Маленькая? Да я, между прочим, на целых полгода старше тебя!

— И все равно, ты смешная маленькая...

— Нет, это ты — смешной маленький мальчик! Смешной маленький Валерка, который очень хочет казаться взрослым! — рассмеялась Арька: ведь он действительно был для нее именно таким.

— Нет, это ты — смешная маленькая девочка, смешная маленькая Арька, которая очень хочет казаться взрослой!

— Ах так! — Рука потянулась непроизвольно, и волосы на Валеркиной макушке разлетелись вихрем.

Валерка дернулся было, но вдруг отчего-то замер. Словно смутившись, боясь проявить это новое в себе, вскочил и принялся, дурачась, стаскивать ее с места.

— Ах я маленький? Маленький? Вот я сейчас покажу, кто тут маленький!

Арька, защищаясь, шутя вскинула руки, а Левка Матушкин произнес уже более отчетливо:

— Сказали же — оставь Арьку в покое! Что ты к ней привязался!

Подоспевшие девчонки под общий хохот затолкали Валерку в воду — справедливость восторжествовала. А когда угомонились, снова зарывшись в горячий песок, Арька спросила:

— Ну что, поговорили?

— Знаешь, — вздохнула Людка, — твой брат — он правда хороший, но мне кажется, ему с нами почему-то скучно. А может, он просто стесняется.

— Просто еще не раскрылся. — Катька, укладываясь поудобней, чуть сдвинула в сторону Валерку. — Может, потом, когда привыкнет...

— Вряд ли, — пробурчал, пододвигаясь, Валерка. — Людей либо принимаешь сразу, либо не принимаешь вообще. Я вот, к примеру, как увидел Арьку, сразу понял: дурак буду, если отсюда уеду. Я и людей-то, может, первый раз только здесь и увидел.

Вот как раз тут и случилось с Арькой...

Заражая всех, принялись прыгать с обрывистого берега, зарываясь с разбега в горячий песок, ловя счастливые мгновения короткого северного лета. Но вдруг, после очередного прыжка, Арька осталась сидеть на месте.

— Арька, ты что?! — кричали сверху. — Выкарабкайся обратно!

А она сидела и морщилась — только что здоровая нога распухала на глазах.

— Растяжение, — со знанием дела произнес Левка Матушкин, когда все собрались вокруг. — Надо туго перебинтовать.

Отец у Матушкина был врач, и Левка тоже готовился стать будущим медицинским светилом.

— А может, вывих? — предположил командир Вилька Панов. — Или вообще — перелом?

Арька поглядывала с ужасом.

— Да не пугайте вы ее! — попытался оттеснить всех Валерка. — Ушиб это, Арька, обыкновенный ушиб. Полежишь — и все пройдет! — И добавил, не удержавшись: — Коза длинноногая, прыгать не умеешь!

В лагерь ее волокли всем отрядом: мальчишки по очереди подставляли свои спины. Больше всех старалась одна спина.

Потом уже, в лагере, когда она лежала, вытянув забинтованную ногу, Валерка не давал ей покоя: «А может, Арька хочет попить? А может, почитать вслух книжку? А может, рассказать на ночь сказку?»

Но Арька не хотела сказку. Больше всего на свете она боялась, что теперь ее отправят домой. Или положат в больницу. А ей совсем не хотелось отсюда уезжать. И не хотелось становиться обузой.

— Валера, я тебе буду очень благодарна, если ты отстанешь!

И тогда он действительно решил отстать. И уже отстав почти, вдруг... подошел к Арькиной кровати и принялся со всех сторон подтыкать одеяло. А потом сказал, склонившись к самому Аькиному уху:

— Говоришь, большая, а прыгать не умеешь! А все потому, что... Маленькая ты, Арька!

Маленькая моя Арька...

Глава 7

Так неожиданно Арька получила несколько дней отдыха и, лежа в постели с забинтованной ногой, предавалась безделью.

В больницу ее не отправили. Врач пришел, осмотрел ногу и разрешил остаться в лагере, прописав абсолютный покой. И теперь Арька, оставаясь одна, лежала, читала и... мечтала. И узкая панцирная кой-

ка превращалась в красивый корабль, уносящий ее далеко за пределы обитаемого.

Она переселялась на далекий, затерянный в море остров. На острове росли пальмы, поднимали свои мускулистые ветви баобабы, пели райские птицы, а в траве, как домашние курицы, бродили павлины, раскрывая пышные веера хвостов.

Там, голые по пояс, в одних набедренных повязках и с обручами перьев на голове, сидели вокруг костра ее друзья. Они жарили на костре мясо. А потом, исполнив ритуальные благодарственные танцы, посвященные богине удачи, поедали его. На высоком пне сидел Борисов, на голове его тоже был веер из перьев. Он делил пищу, разрывая ее голыми руками и вкладывая каждому в протянутую ладонь по горячему куску.

Гелька сидела рядом, только здесь она не была комиссаршей — зачем вождю комиссарша? И они могли делать при ней все, что им вздумается. Это был свободный остров, все они были здесь свободными независимыми людьми. Здесь не надо было ходить в школу и возвращаться домой к родителям.

Потом, насытившись как следует, вождь взял гитару, и на много миль над водой пошли звучать их песни:

Как легко перенестись в далекие, неведомые страны,
Нужно лишь глаза закрыть, представить себе пальмы
и лианы,
Море вдалеке, вокруг диковинные бабочки и птицы,
Синий водопад шумит вдали и радуга искрится...

Так Арьяка мечтала, лежа одна в пустой, заселенной невидимым присутствием друзей комнате. Но вдруг кто-то прошелестел над самым ее ухом: «Вот и собаки на юг полетели... Скоро осень...»

Арьяка посмотрела за окно: нет, до осени еще далековато, хотя на деревьях уже и появляется ранняя седина. И это значит — скоро уезжать.

Она вздохнула.

«Как же я буду жить без них? Без их насмешливых улыбок, смешных приколов, их голосов? Проснуться — и не откликнуться на утреннее приветствие Катьки, Людкино веселое задиранье? Не увидеть, как, деликатно отворачиваясь, прошествует с полотенцем через их комнату Тойвочка, как промчится шумным вихрем Валерка, не услышать Гелькино, еще не комиссарское, утреннее, полусонное: “Ау, народ, подъем!” И зачем тогда жить вообще?»

Тихо, очень тихо было в их комнате. В их большой, пустой сейчас комнате, где живут ее друзья. Висят на стенках мальчишеские брюки и свитера, девчоночьи платья. Собравшись уютной кучкой, стоят взрадной пенки — большой и поменьше: место их

вечных посиделок, душевных бесед, их отрядных дел. Арьяка окинула взглядом населенное пространство их комнаты, еще недавно такое неухоженное и неуютное. Почему же сейчас оно кажется ей таким милым и обжитым, таким родным?

Белыми развернутыми дорожками бегут по стене полотна газет. Их выдумки, мечты, фантазии. «Люди государства Дырвась». А со стены напротив все так же корчит рожицы девчонка со стрелками колющихся косичек.

«Вот приеду домой и все прочту про эту девчонку и вообще все, что написала Астрид Линдгрэн. Вот, наверное, женщина с фантазией».

Арьяка вздохнула, про себя посчитав оставшиеся дни... Впереди еще вечер «Алых парусов», день «Пушкинских сказок», а там уж...

Но проскочили, распустившись веером, и эти дни.

Аркина нога постепенно заживала, и в празднике «Алых парусов» она уже самолично стояла за «плывущими» по воде парусами. В Пушкинском же дне они ели по-пушкински, пили по-пушкински, но еще раньше, с утра, по лагерю носился Балда, вливая во всех эликсир бодрости и доставая всех Валеркиным голосом.

А вечером накатил Пушкинский бал. Левка Ма-тушкин привязал сзади паклю и, мурлыча и изобрывая «кота ученого», ходил «направо и налево». Катька с Людкой перевоплотились в Татьяну и Ольгу Лариных. Арьяка, предпочтя красоте зрелость, вжилась в роль няньки Арины — мотала шерстяной клубок и, подставляя ладонь к уху, сообщала всем: «Глуха я стала». Командир Вилька Панов нацепил бакенбарды, претендуя на роль «самого», но все кружился возле Татьяны в лице Катьки, та же справедливо отсылала его к супруге законной — прекрасной Натали в образе Гельки.

Лишь один костюм — вернее, персонаж, — так и остался неразгаданным. Он вращал перед всеми круглым, арбузоподобным животом, прячущимся под длинной, волочащейся до полу юбкой. И когда, наконец, этот персонаж всем изрядно надоел и раздражать его надоело тоже, признался сам:

— Да девица я, девица! Которая «в срок для ба-тюшки царя родила богатыря»!

В этот момент мяч вылетел из-под юбки, и девица заголосила Валеркиным голосом:

— Ну вот срок и пришел!

А ночью в лагере случилось происшествие: в окно спальни девочек попытались залезть местные мальчишки. Что поволокло их на такой подвиг — неизвестно, но визгу они натерпелись предостаточно.

На следующий день, сидя в закутке из сдвинутых кроватей, девочки перебирали свои вещички, постепенно готовясь к отъезду. Аркина кровать находи-

лась между Каткиной и Людкиной — общаться по ночам она могла с обеими.

Возле них привычно терся Валерка, как всегда — больше мешая, на каждом шагу встречаая в девичий диалог.

— Знаешь, Валерка, о чем я мечтаю... Домой бы тебя отправили, что ли! Так ты порой надоедаешь! — Арья пыталась стричь обломанные при сборе толокнянки ногти.

— Врешь ты, Арья, все врешь! Ты же без меня со скуки помрешь! Тебе же постоянно воспитывать кого-нибудь надо, а своего брата что-то ты не очень воспитываешь! — с готовностью, чуть раскачивая слова, отозвался Валерка.

— А может, у Арьи талант педагога! — заступилась Людка. — Может, она учительницей будет!

— Мучительницей она будет, а не учительницей! Мучить будет бедных детишек, колы, двойки им ставить!

— И почему я не левша? — Вздохнув, Арья отложила ножницы в сторону.

— Зато я левша! Арья, знаешь, а у меня идея! Давай я буду стричь тебе ногти на правой руке, а ты мне — на левой. Так мы решим нашу общую проблему!

И не успела Арья еще вникнуть в проблему, оценить его предложение, как он тут же принялся действовать.

— Еще палец мне отрежешь! — попыталась отдернуть Арья руку.

Но Валерка с мягкой, но упрямой настойчивостью забрал Аркину руку в свою и принялся колдовать над ней ножницами:

— Не бойся, Арья, не отрежу, я аккуратненько.

— А когда просят, между прочим, говорят «пожалуйста», — еще пыталась сопротивляться Арья.

— Ну хорошо, раз так — пожалуйста, Арья. Ну не вредничай!

И брал он Аркину лапку в свою и заколдовал, заговаривал:

— Вот видишь, и совсем и не больно... — Неслышно летали ножницы в его по-мальчишески грубоватых пальцах.

А Арья по склоненной перед ней макушке видела, как старается Валерка, как порозовела она, макушка эта. Но никто не видел и видеть не мог, как от руки к руке, словно по электрическому проводу, шла волна чего-то теплого, нежного, такого, что не выразишь словом. И в Арьке вдруг... проснулось что-то. Чувство это, наверное, было сродни чувству матери к своему ребенку или старшего к младшему.

— Маленький мой Валерка, — сказала она и, протянув свободную руку, привычно растрепала ему волосы.

— Сама ты, Арья... — дернулся он было, но вдруг словно прильнул сам и замер под Аркиной, такой теплой и уютной ладонью. — Сама ты, Арья...

— Послушайте, — прервала их мурлыкающий диалог Катка. — Может, вы и на нас обратите внимание? Давайте лучше подумаем, что будем делать, если ночью опять появятся эти...

— Кто? — не сразу смог выйти Валерка из блаженного состояния.

— А у меня, между прочим, кровать возле самого окна! — поддержала ее Людка.

— Да кто?

— У тебя, Валерка, что — склероз? Ночью в окна забралась. Парни какие-то! — напомнила ему Людка. — Деревенские!

У Арьи же беспокойно кольнуло под сердцем — лучше бы не говорить!

— Значит, мне это не приснилось? — В голосе Валерки мелькнули знакомые Арьке ноты. Она уже знала, что обозначают и они, и эти вспыхивающие в его глазах чертики. — Ну покажу я им... как моих девочек обижать!

— Да что ты, Валерка, им покажешь? — усмехалась Людка, Катка изгибала насмешливую бровь, но Валерка почему-то взглядывал на Арку:

— Да все нормально, Арья, не беспокойся!

И вот уже вечер, и на Гелькино пристальное: «А где Валера?» — девочки недоуменно пожимают плечами: «Удержишь разве? Ветер это, ветер, раз — и нет его!»

А у Арьи весь вечер, не переставая, подсасывало где-то под ложечкой. Вот уже и ужин, а его нет, вот уже и отрядный огонек, вот уже и спать легли... И забько ей, и неудобно, и не спится. И не думает она уже ни о каких деревенских, лишь бы только вернулся он — живой и невредимый.

Она решила не спать, дожидаться, когда придет, и принялась считать слонов. Но слоны все шли и шли бесконечной цепочкой, а Валерка все не шел...

Просыпаться не хотелось смертельно — она только заснула, — но это было практически невозможно: невообразимый грохот устраивал побудку сознанию.

Ничего не понимая, Арья разлепила отчаянно слипающиеся глаза. И увидела: испуганные со сна, подскакивая на кроватях, девочки натягивали на себя одеяла: «Деревенские, опять деревенские!»

Но когда включили свет, обнаружили: в комнату через единственное незакрытое окно влетают доски. Запускались они с улицы чьей-то невидимой рукой и, влетая, с грохотом падали на пол. От этого грохота они и проснулись.

Никто еще и не успел ничего понять, как вслед за досками в проеме окна появилась вполне знакомая физиономия.

— Валера? Что случилось? — тарашила сонные глаза Гелька. — Что ты делаешь?

А тот уже перелезал через подоконник.

— Доски вот достал. Окна заколачивать буду. Чтобы больше никто влезть не смог!

Гелька смотрела молча — на возмущение не было сил.

— Интересно, кончатся когда-нибудь твои подвиги? — только спросила сонно, не сумев выработать новый уставной тон.

— Так сами же виноваты — двери закрыли! — оправдывался он. — А я будить вас не хотел!

— Будить не хотел? — оглянулась Гелька на выстроившуюся шеренгу из вертикальных одеял, над которыми выступали сонные девчоночьи лица. — Это называется — будить не хотел?

— Так для вас же старался!

Сонные комиссарские наставления не сумели укротить неукротимый Валеркин пыл. Войдя в роль дядюшки Поджера, он принялся руководить: разбудил ребят, поднял даже неподъемного Левку Матушкина и устроил среди ночи субботник по заколачиванию досок.

Правда, до конца сыграть роль дядюшки Поджера ему не удалось: Вилька Панов, пользуясь правами командира, — «всех перебудил, а теперь еще и командует», — рассердился на Валеркины занудные указания и отправил всех спать:

— Пусть сам все делает, раз такой умный!

И Валерка остался один среди хаоса из досок. Полночи раздавался над лагерем качественный перестук его молотка.

...Когда на следующий день они проснулись, утро в комнате так и не наступило. Можно было спать сколько угодно — светлей от этого не становилось. Благодаря стараниям Валерки в их большой светлой комнате наступила вечная темнота.

— Зачем ты все окна-то забил? — устало смотрела на него Гелька.

— Так... на всякий случай, — гордо пожимал он плечами. — Мало ли что!

Валеркину заботливость пришлось ликвидировать всем сообща. Долго с помощью топориков и пассатижей отрывали ребята прочно сработанный Валеркой механизм защиты. Видно, одна сила Валериной любви стоила многих, ею ненадежных.

— Говорю же — на совесть сработано. Уж прибил так прибил! — прохаживался он мимо, довольно потирая руки. — Оторвать только вместе с домом можно!

А потом, уже ближе к вечеру, сидели они, последний раз пеньки до одури знакомые просиживая. Мяли сердца в разговоре прощальном, последнем.

«Расскажи мне обо мне» — разговор тот назывался.

Ни жива ни мертва слушала Арья: что про нее-то скажут? Да и что про нее и сказать-то можно? Вон на Вильку и того накинудись, даром что командир! Да и про других говорить, оказывается, не просто: язык так к небу и прилипает. Попробуй скажи в глаза человеку, что ты о нем думаешь.

Но — обмерло сердце от слов сказанных, к ней обращенных. Много чего услышала Арья про себя, что и не ожидала. И посмотрела она на себя глазами друзей. Но больше всех ее опять удивил Валерка. Долго он мялся, и волнение его странным образом передалось Арьке.

— Я бы многое мог сказать про Арьку, но только вот... Об Арьке — либо красиво надо, либо — никак! А я красиво не умею. Но только и в лагере-то этом я оказался... Встреть, может, тогда кого-нибудь другого — и не остался бы. В общем, Арья, я хочу сказать, сказать при всех...

И что-то такое уж было в его голосе, что совсем ее в жар бросило: «Ну что еще ляпнет он сейчас?»

— В общем... Не было у меня сестры старшей, зато теперь вот... Хотя — какая она старшая, всего-то полгода... Одним словом, Арья, будь моей сестрой!

Сказал так и сам покраснел, и пауза вдруг тишиной зависла. И только, ойкнув, протянул Тойвочка, смешно растягивая звуки:

— Ну все: Валерка сделал Арьке предложение!

И все засмеялись, разбив паузу, и Арья рассмеялась тоже и сказала, сама слова в горле комкая:

— Маленький мой Валерка! Смешной маленький мальчик! Так и быть, я принимаю твое предложение: буду твоей сестрой!

И все рассмеялись снова, а Тойвочка, на правах судьи самопроизведенного, отбил молоточком:

— Ну все: Арья приняла Валеркино предложение. При свидетелях! Теперь не отвертится!

Потом они еще долго сидели. Арькино сердце плыло: от слов ли сказанных, от глаз напротив, огонька печурочного... От осознания того, что все это, все — кончается.

А Валерка, все время выскакивавший на крыльцо покурить, вдруг крикнул:

— Смотрите! Звезды падают!

И — высыпали всей толпой наружу.

А звезды действительно падали, на лету превращаясь в кометы, — чиркали росчерком, оставляя на темном следы.

— А давайте загадывать желания! — крикнул кто-то.

И, закинув головы, принялись ловить взглядами ускользающие хвосты.

А потом те, кому это было не очень важно, ушли, а они так и остались сбитой кучкой, и были здесь все

те же: Арька, Катька, Людка, Валерка, Вилька Панов и как всегда примкнувший к ним Левка Матушкин.

Они стояли, задрав головы, закинув руки на плечи друг другу, и пели. Вернее, это что-то пело в них. Они были лишь проводниками, выводя в мир звучащее, переполнявшее их:

Пока нам тесен дом и нет еще седин,
Прощайте, мы пойдем на поиск бригантин.
Стоят же где-нибудь и наши корабли.
У берега Мечты, на краешке земли...

А потом подошла Гелька: она хотела разогнать их, пользуясь привилегиями последнего дня комиссарства, но... Вместо этого вдруг тоже встала в круг, обхватив их за плечи:

Горы спят, спокойствием собственным скованы,
Спят друзья усталые в пуховых мешках,
И будить для выхода надо их скоро мне,
Только я уснуть сейчас не могу никак...

А потом стало холодать, и Валерка сбегал и принес одеяла. Они опоясались казенной клетчатостью и так продолжали стоять. И Гелька, поняв, что ниче-

го не сможет поделаться с этой кастой неуправляемых, махнула рукой и ушла.

А Катька сказала вдруг, гвоздя взглядом небо:
— Вот чего я не могу представить, так это... бесконечности. Как это: над нами миры, за ними, потом еще и еще... И так — до бесконечности. Аж голова кружится! — передернула она плечами.

Арька взглянула на подругу — ей вдруг даже захотелось прижать Катьку к себе покрепче, чтобы не затерялась, не пропала она, заблудившись в этой головокружительной бесконечности.

— Подумаешь! — храбро повела она плечами. — Это всего лишь расстояние: много-много километров. А вот чего я не могу понять, так это — бесконечности времени! Мы живем, до нас жили, после нас. И так — бес-ко-неч-но! А мы лишь крохотная песчинка, затерявшаяся в океане времени. Миг — и нас нет.

— Ты, Арька, задела принцип относительности времени, — заметил по-умному Вилька Панов и почему-то посмотрел на Катьку. — Относительно вечности наша жизнь — мгновенье. А вот относительно жизни комара — наша жизнь вечность.

— Хорошо, что мы не комары, — тихо рассмеялась Людка, но Арька сокрушенно качала головой:

— Нет, мне комариной вечности мало, у меня планов — громадьё!

— А здорово все-таки, что в этой вечности мы встретились! — внес оптимистическую ноту Валерка. — Ведь могли бы разминуться! — и он сбоку посмотрел на Арьку. Валерка стоял, чуть придерживая ее за палец, так, на всякий случай: если той вдруг вздумается отправиться куда-нибудь, побродить по бесконечности, — чтоб уж не потерялась окончательно.

— А давайте загадывать желания! — вспыхнул в ночи колокольчиком голос Людки. — Я загадаю себе... Вечность жизни!

И они принялись наполнять своей энергией космос, вылавливая взглядами разлетающиеся по небу прочерки.

— Арька, а знаешь, что я загадал? — тихо сказал, склонившись к Арькиному плечу, Валерка.

— Ты что, Валерка! Если скажешь — не сбудется! — нравоучительно заметила она.

— Так я же не для себя — для тебя загадал. Я решил свою вечность тебе подарить! Чтобы ты все свои планы выполнить успела! Но это еще только половина моего желания, а про остальное я тебе все равно не скажу!

— Ну и не говори! — усмехнулась, поддразнивая, Арька.

— И не скажу. Даже и не спрашивай.

— Нашел тоже что дарить! — пыхнул с другого конца клетчатого Левка Матушкин. — Что тебе Арька — Кощей бессмертный, что ли? Будет потом ходить, свою иголку искать.

— А тебе-то что, Матушкин? — дернул Валерка на себя одеяло. — Завидно, что ли?

— А то: уж дарить — так что-нибудь существенное! А то — возьми, боже, что нам не гоже!

— Да ладно вам! — Арька почувствовала, как начинает ходить между ними одеяло. — Будете препираться — ничего не сбудется!

— И верно, Матушкин, не порть людям праздник! — солидарно отозвался Вилька Панов, прихватывая вместе с одеялом и Катькины плечи. — Дай помечтать!

Колокольчиком, прозвеневшим в ночи, снова раздался голос Людки:

— Мир, мир! Смотрите лучше — какой звездопад!

А звездопад действительно был! Да еще какой! Небо выдаивало в них августовскую ночь со всей могучей щедростью, во всей полноте громады мироздания.

И замерли они снова, еще тесней прижавшись друг к другу, став одним целым — с ночью этой, небом, самым мирозданием, обхватившим их хрупкие плечи вместе с казенным клетчатым одеялом.

Мы земных земней. И вовсе к черту сказки о богах!

Просто мы на крыльях носим то, что носят на руках.

Слова слетали с губ и уходили вверх, в другие миры, возможно, на планету Маленького принца, возможно, на другие планеты, пробивая стратосферу и укладываясь где-то там кольцами, уже навсегда озвученные их еще полудетскими голосами:

Просто нужно очень верить этим синим маякам,

И тогда желанный берег из тумана выйдет к вам!

Продолжение следует.

Игорь ПОПОВ

Игорь Попов — публицист, литературовед, переводчик прозы, пьес и поэзии с английского и французского языков, автор многочисленных работ, посвященных литературе США, русско-зарубежным культурным связям России, а также отечественной культуре, истории Москвы и русского зарубежья.

Публикуемый нашим журналом очерк войдет в книгу И. Попова «Московские были-небыли», которая скоро выйдет в свет.

ПРОГУЛКИ С РЕМИЗОВЫМ, ИЛИ ТАЙНА ЧЕРТАНОВСКОГО ПРУДА

Не кукушка кукует, жена горюет...

Пословица

Дурманными майскими вечерами здесь, над шашлычными кострищами, из густых, непроглядных ив, что серебристо-смагродвым ожерельем обвили заболоченный, погибающий прудик, доносится безустанное соловьиное пение. Заливаются трелями — один соловей голосистее другого. И дополняя эту дивную симфонию, с удлиненного островка на пруду — там лишь кустарники и две невысокие ольхи — звучит одинокий, тоскливый плач кукушки. Умолкнет на минуту, словно вслушиваясь в соловьиную ливь, и опять свое, в лад певунам: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку...»

Что занесло ее сюда? Какими судьбами оказалась она на этом островке, в сказочном соловьином окружении?..

— Ежкин кот, сколько себя помню, завсегда тут кукует, чертовка окаянная... Плачет... А соловьи слетаются, чтобы ее утешить...

Старожил сидел на взгорке. Подперев голову рукой, он смотрел на пруд. Сигарета давно погасла в его пальцах. Я остановился рядом.

— Странная вода в пруду, — сказал я, — красная.

— Глина вокруг. Я сижу на глине, ты стоишь на глине. Дно глинистое — потому и красная...

— А кукушка — может, тоже глиняная? — с иронией спрашиваю я.

— Ежкин кот, я же говорю: хрен ее знает...

Поди вот разберись во всем этом!

Ежкин кот...

Городянка-Городня

На юге Москвы прохладным ландышевым листом вытянулся Битцевский лесопарк. И прохладой веет с первых шагов, как только вы вступае под кроны его царственных дубов, жемчужно-изумрудных березняков, шатровых зарослей орешника.

В дальней окраине леса по камушкам, по канавкам, по овражкам бежит-звенит речушка, торопится, шустрая, к Москве-реке. В старину эта речушка именовалась Городенка (с ударением на втором слоге). Позже — Городянка. В наше время — на картах и в различных документах — просто Городня. В народе на равных в ходу оба последних названия. Недавно я убедился в этом.

Тот, кто бывал в Битцевском парке, знает: на главной аллее, со стороны Чертаново, в погожие дни собираются группы пожилых людей. Есть тут и столики, и скамеечки. Одни играют в лото, домино, в подкидного. Другие поют хором — самозабвенно, без усталости, очень даже неплохо поют: общеизвестное и, похоже, самодельное.

Как-то я проходил мимо поющих. В пение, каюсь, не вслушивался, однако, замер, уловив окончание припева, дважды повторенное:

...Знаем только ты и я,

Знает речка Городянка,

Городянка-Городня.

Знает речка Городянка,
Городянка-Городня...

На этом песня оборвалась. Наступила небольшая пауза. Я удалился в глубь леса, в тишину, забирая левее, пока не вышел к овражку, где по камушкам бежала-звенела эта самая речушка — Городянка-Городня.

А что значат эти слова? Вроде и понятно, да не совсем.

Дома заглянул в словари. Ах вот оно что! Как же я мог забыть? Городня — это огороженное на прибрежном лугу место, загон для скота. Либо сама ограда, городянка, — из длинных жердей или в виде плетня. Подходит прямо к воде. Скот и не разбежится, и попьет, когда захочет. Очень удобно. И перемещается такая ограда легко. Сотни раз видел в детстве, в деревне. А название — забыл...

Многажды проследовал я вдоль своенравной речушки, Городянки-Городни.

Странная эта речушка: то вроде бы пропадает, то вот она опять.

После кругалей в Зябликово и Братеево добирается она, наконец, до Москвы-реки — у Бесединского моста, на МКАД, напротив Капотни. Ни единой городни на речке сейчас, разумеется, нет.

Удивило другое. Оказалось, не только загоны городились на Городянке. На не близком, петлявом ее пути от леса до Москвы-реки сооружалось множество запруд — несхожих по виду, разных по назначению, далеких друг от друга по времени. И выглядят они сегодня совершенно различно. Одни — крохотной болотной отстойкой, пусть и с кукушкой, другие — озером неоглядным. Даже не верится — все из Городянки...

А какой стариной дохнуло — четыреста лет!

Щука с золотой серьгой

Самый-самый — по лихому размаху — во всей Москве — пруд Борисовский. Тут — хоть корабли пускай. Море-окиян, не пруд.

И нет в Первопрестольной более знаменитых и приглядчивых прудов, чем соседние, Царицынские. Здесь все дышит поэзией и благолепием: «Фазаньи клетки, прудок, оканчивающийся плотиной, осененный высокими ивами, и между ними открывается еще более значительный пруд, которого один берег, крутой, занят разбросанными по нем маленькими деревеньками, а другой, с незаметным склоном, представляет вашему взору поля, луга, букеты лесов и отдельные деревья...»

Кто, вы думаете, живописует сии пруды? Правильно, сама государыня-императрица Екатерина

Вторая, Великая. Она же нарекла местность — Царицыно.

Не перечить баек о том, какие громадные щуки, карпы и осетры водились в зеркальных, хрустально-чистых водах Царицынских прудов. Михаил Иванович Пыляев свидетельствует: «Тут была поймана щука с золотой серьгой, на которой виднелась корона и имя царицы Екатерины Второй. Говорили, что когда-то здесь был пойман карп с именем царя Бориса на сереге. Наш покойный драматург А. Н. Островский каждое лето здесь сиживал с удочкой».

Водятся ли там теперь щуки и осетры — не ведаем. Каждый волен проверить это — с удочкой в руках, по примеру Александра Николаевича Островского, великого драматурга и рыболова.

Годуны

Распрекрасные эти пруды — все рядом, на Городянке — возникли давным-давно, во времена Бориса Годунова. Мало того, по его команде. Так что карп с его именем на сереге мог тут действительно обитать, это не фантазия.

Эпоха Грозного — десятилетия постоянного страха за свою жизнь — породила поколение лстыных лицемеров, наушников, отъявленных приспособленцев, выжидателей-годунов. Горькая переключка с нашим трагическим веком двадцатым.

Годить по Далю — значит медлить, выжидать.

Кличку Годун получил один из потомков татарского мурзы Чета. Чет приехал на службу к Ивану Калите и принял крещение. А Годун прослыл человеком весьма осторожным, медлительным на поступок. Дети и внуки его стали Годуновыми. Самый известный из них — Годунов Борис, выросший при Грозном.

Он был хорош собой («величествен красотой»), умен («смыслом быстр и глубок»), а еще — «сладкоречием обольстителен». Известен как нежный, заботливый отец: «Учись, мой сын...» Но главным образом — как человек необыкновенной, изощренной хитрости.

С февраля 1598 года он — русский царь. Разыграл классический спектакль («Что пьяница пред чаркою вина»), дал себя «уговорить» на царство.

Фактически Годунов начал править сразу после смерти Грозного, когда на престол вступил Федор, старший сын царя, женатый на сестре Годунова Ирине. Федор с облегчением отрешился от дел, а Годунов медленно, но верно прибирал власть к своим рукам. «Он умел выжидать», — отметят историки основную черту его характера. Настоящий годун. Младшего брата Федора — законного наследника

престола царевича Дмитрия — Годунов в первую же ночь после смерти Грозного отправит с матерью в Углич, на погибель...

После венчания на царство вечно улыбающийся Федор Иванович стал, по обычаю, осыпать приближенных милостями. Несметные богатства достались его шурина, Борису Годунову. Среди пожалованных ему земель была огромная территория в ближнем Подмосковье, на берегах Москвы-реки. Находилась здесь и живописнейшая местность с неблагозвучным названием Черная Грязь, позже переименованная Екатериной Второй в Царицыно. Формально Федор Иванович отказал эти земли жене, царице Ирине. Но заправлял-то всем Борис. И протекала там небольшая речушка Городенка, она же Городянка-Городня.

Годунов столп

Годунов любил строить. Один «Иван Великий» чего стоит — это и самая высокая, и главная в то время сторожевая башня Москвы. В ней сидели наблюдатели. На много верст вокруг все видели, все примечали. Кстати, в царствование Бориса колокольня так и называлась — Годунов столп. Прочности была изумительной. Приказывая взорвать Кремль, Наполеон первым делом ткнул коротким своим пальцем в сторону «Ивана Великого». Заряда французы не пожалели. Но — только трещина...

Годунов нередко взбирался на верхотуру колокольни, обозревал оттуда Москву. По легенде, именно здесь, на этой башне, совершенно здоровый царь Борис в припадке отчаяния принял смертельную дозу яда — и народ, и войска переходили на сторону самозванца... «Умертвил себя Борис с горя ядом змейным», — говорится в народной песне. А Гришке Отрепьеву, пока еще обитателю соседнего Чудова монастыря, снился «проклятый», навязчивый сон:

...лестница крутая

Меня вела на башню; с высоты

Мне виделась Москва, что муравейник...

Вещий сон — с падением «стремглав»...

Возводились при Годунове и города-крепости, города-красавцы: Томск, Саратов, Воронеж, Курск.

И вот — пруды...

Плотины годуновские — стократ переделанные — служат до сих пор. Целы их основания — недавно они обнаружены при очередной реконструкции. Эти плотины и образовали достославные пруды. А Борисовский — носит его имя. И огромный жилой район возле Борисовского пруда — Орехово-Борисово, и нынешние улицы Борисовский проезд, Борисовские пруды — все это память о Годунове.

Неизбычно и другое: смерть царевича Дмитрия в Угличе так и осталась «мальчиком кровавым» на совести Бориса Годунова. Невинная кровь не простится никогда: гроб с телом царя Бориса из Архангельского собора Кремля — выдворили. А на усыпальницу царевича Дмитрия и поныне приносят свежие алые розы — в том же Архангельском соборе, подле Годунова столпа...

И по винтику, по кирпичику...

Городянка одарила топонимию Москвы целым рядом названий: мост Городянский, улица Городянка — чудо, а не улица. Жилых домов на ней нет. Просто идет аллея — между самой речкой, уже за Борисовским прудом, и огромным парком. Единственное приметное строение на ней — храм Троицы в Борисове.

Известно и старинное селение Городянка — неподалеку от кукушкина пруда. Утопало селение в садах. Остатки этих садов островками и ныне благоухают по весне, а селения — даже след простыл, нет его.

Название исчезло раньше самого селения. И вот почему. В XVII веке здесь поставили деревянную, а столетие спустя каменную церковь Покрова на Городне. И селение стало именоваться Покровское-Городня, а позже и просто Покровское. От него унаследовала название платформа Покровская, следующая после Царицыно остановка (Курское направление).

От платформы идет 2-я Покровская улица (1-й в помине нет, не ищите!). Домов на улице не осталось. Ведет она прямехонько к храму Покрова на Городне — многострадальному, так уж повелось на Руси.

В 1930 году храм закрыли. Обосновался в нем металлический завод. Тотчас снесли и колокольню, и купола. Местный житель Синичкин уволок в свой дом бесхозный иконостас — сделал из него домашние перегородки и славную терраску.

За десятилетия промышленной эксплуатации церковь довели до такого состояния, что несколько раз ее вообще собирались снести. В 1990-м обесображенные руины передали верующим.

Сейчас церковь восстановлена. Идут службы. Издалека — от окраин Битцевского леса — видна ее золотая маковка. Иконостас создавали заново — из даров, силами нынешних художников. Синичкиных среди дарителей не было.

Дело — в трубе

За церковь — пруд, немаленький. Недавно он был очищен, благоустроен. Дорожки вокруг, скамеечки.

Городянка задорно продолжает из него свой путь — к прудам Царицынским. А впадать в него — не впадает. Не видно этого. Может показаться, что отсюда она и начинается. Нет, по камушкам, по овражкам бежит речка из Битцевского леса.

Был у Городянки приток — речка Чертановка. Сейчас Чертановку отвели непосредственно в Москву-реку. В Битцевском лесу Чертановка течет по глубокому оврагу. Дорожки вокруг оврага — на диво привлекательны.

По выходе из леса на Городянке — в разное время — возник целый каскад чистых, проточных небольших прудов. Предпоследним был кукушкин, последним — Покровский, возле храма.

В середине века прошлого в этом районе пролегла в южном направлении основная его магистраль — Варшавское шоссе. И параллельно улицы: Чертановская — с трамвайными путями, и Кировоградская — вдоль нее проходит неглубокая ветка метро. Они наглухо перекрыли Городянку. Речку упрятали в обводной коллектор, в трубу. На волю вольную она вырывается лишь возле храма, у Покровского пруда.

Кировоградские и Варшавские пруды из этого каскада подключены к коллектору. Ухоженностью они не отличаются, но уточки там плавают.

Другие пруды давно осушены. На ровных лужайках — выгул собак, спортивные площадки, гаражи.

Покровский пруд — восстановлен.

Кукушкин — позабытый-позаброшенный, болотисто-печальный — доживает свой век под неумолчное соловьиное пение и скорбный плач невидимой глазу пичуги...

«Ку-ку...»

В старинном документе читаем: «Сельцо Красное на пруде, едучи с Москвы по правую сторону Большие Серпуховские дороги...»

Старая Серпуховская дорога — это нынешняя длинная Дорожная улица. По правую сторону от нее — «едучи с Москвы» — и горюнятся кукушкин пруд.

Придорожного сельца Красное давно нет: новострой вдоль Дорожной улицы разделил пруды кукушкин и Покровский.

А вот четыре века назад...

Погожим июньским днем 1605 года из Серпухова к Москве пылила по Серпуховской дороге золоченая польская *карета*. Вот тогда и катило к нам это польское слово. (Один знаменитый персонаж — он терпеть не мог иностранных заимствований, всей этой «жалкой тошноты по стороне чужой» — в финале своих горестных сетований восклицает: «Карету мне, карету!...»)

В той золоченой карете ехал на трон самозванный русский царь Дмитрий Иванович, Лжедмитрий Первый, он же Григорий Отрепьев.

У каждого придорожного селения новый государь останавливался. Ему с глубоким поклоном подносили хлеб-соль. Он милостиво чуть нагибал непокрытую рыжеватую голову: «Я не царем у вас буду, а отцом родным. Любить вас буду...»

Народ во все глаза глядел на молодого царя — безусого и безбородого. Невысок, но ладен, одет иноземному. Лицо немного портил крупный нос и большая бородавка на щеке.

Москва была близко. Одна из последних остановок — сельцо Красное. Он приказал остановиться, чуть не доезжая села. Служки поняли — стали вытирать с кареты пыль. Он вышел на воздух, слегка размялся. День празднично сиял. Слева от дороги странно розовел небольшой пруд, окруженный густыми ивами. Посреди пруда вытянулся зеленый кустистый островок. Самозванец залюбовался видом, размяк.

И вдруг тишину июньского полудня нарушило неожиданное, очень близкое: «Ку-ку...»

Это короткое «Ку-ку» еще не отзвучало, как в рыжеволосой голове молнией прожгло: «Сколько мне царствовать?...»

Но кукушка умолкла.

Самозванец помрачнел.

— Врешь, мерзкая птица!..

И грязно выругался по-польски. Настроение испортилось.

Сельцо Красное проехали, погоня лошадей, — мимо онемевшей толпы встречающих. Больше нигде не останавливались. У Котлов повернули на Коломенское: там ему приготовили белого коня — для въезда на Красную площадь и в Кремль. Он приподнял занавеску, любопытно было: Котлы... Увидел большой овраг. Он знал: четырнадцать лет назад по этой дороге вот к этому оврагу подступило 150-тысячное войско крымского хана Казы-Гирея. Москва паниковала. И тогда же, чуть ранее, в Угличе...

Самозванец криво усмехнулся. В то время говорили: нападение татар — на руку Годунову, отвлекает от Углича, от загадочного убийства царевича...

Однако ночью, накануне битвы, татары, побросав обозы, пустились в бегство. Их испугали знамения...

Самозванец сжал кулаки. «Но я не татарин и не Годунов... Хотя он — тоже татарин... Плевал я на знамения... Я нигде никогда не отступлю... И яда не приму... Я молод... И буду императором Московии не менее пятидесяти лет... “Ку-ку...” Врешь, мерзкая птица!.. Русские говорят: врет, как сивый ме-

рин... А я с детства помню: то брехня, что зозуля кувала... Пятьдесят лет, не менее, буду царствовать... Брехунья, ястребиное отродье!.. “Ку-ку”...»

Кукушка не соврала. Лжедмитрий Первый не процарствовал и года. Его растерзанное тело — на навозной телеге — привезли на кладбище для бродяг на Таганке и бросили в общую яму. Однако слух прошел по Москве: мертвец по ночам ходит. Через неделю труп извлекли, вывезли к селу Котлы, на Старую Серпуховскую дорогу — ту самую, по которой Самозванец прикатил в Москву в золоченой польской карете. Здесь, возле оврага, труп сожгли. Рыжее пламя факелом охватило рыжую голову. Прах забили в пушку и пальнули — туда, откуда проходимец явился — в сторону розового кукушкина пруда.

Сиял майский полдень года 1606-го...

Ку-ку...

Тайна кукушкина пруда

Нынче Дорожная улица — бывшая Старая Серпуховская дорога — местами захирела. Она стала второстепенной — неподалеку вдоль нее денно и ночью гудит забитое машинами Варшавское шоссе.

Сельца Красное, самозванцем проигнорированного, давно нет и в помине. И пруд уже не пруд, а умирающее болотце — со странным розоватым оттенком воды.

В старину очень часто селения именовались по ближайшему водоему. Так что, вероятнее всего, *Красным* поначалу назывался именно пруд. Но документальных подтверждений этому отыскать не удалось.

Родословная кукушки — в изложении местного старожила — выглядела, мягко говоря, туманной. Но сам пруд по праву можно назвать Кукушкиным — «завсегда тут кукует, чертовка окаянная...»

А вот розоватый цвет воды старожил объяснил доходчиво и просто: «На глине сидим...»

Глины в этих местах действительно так много, что в конце XX века здесь успешно работали два кирпичных завода — Помялова и Верховского.

Семья Помяловых лето проводила в собственном доме при заводе — места прекрасные, Царицыно рядом, лодочные станции, отличная рыбалка: щуки, осетры...

Сын Помяловых Александр (будущий владелец завода!) учился в Александровском коммерческом училище в Москве, на Старой Басманной улице. Сидел он в одном классе, на одной парте с будущим писателем Алексеем Ремизовым.

Юноши дружили, и Ремизов частенько летом навещался к Помяловым. Путь был несложный — Ремизовы жили на Земляном Валу, возле Курского вокзала. Прямая дорога... И до Александровского училища рукой подать. Кстати, основателем и попечителем училища был дядя Ремизова, известнейший на Москве предприниматель Николай Александрович Найденов.

Вместе с Помяловыми места вокруг кирпичного завода Ремизов исходил основательно, видел розоватый пруд, кукушку слышал. И — много лет спустя — он написал свою историю странного пруда и появления на нем кукушки.

Вот она, эта история.

КУКУШКА

Всех пригожей была Машутка — двенадцать лет ей минуло.

Ходила Машутка на пруд купаться. Плескались и играли на воде подружки. Вот вышли, оделись, а Машутка последняя — и платья ее нету.

— Идите домой, где-нибудь да разыщу.

Села на бережку, раздумывает: «Или куда в кусты занесло?»

Выходит Змей из воды:

— Вот ваше платье — идите за меня замуж!

— Как я пойду? Нельзя.

— А ты только слово дай.

— Ну — пойду.

Машутка сказала «пойду» — Змей ей платье и отдал.

Оделась она проворно — и бегом. Догнала подружек, а ничего о Змее, и дома никому ни слова.

Прошло четыре года, выросла Машутка невестой. Просватали ее за одного человека, и назначен был день играть свадьбу.

Слышит Змей: выдают Машутку! — ночью вышел из пруда — и украл ее.

Приезжает жених, а Машутки нет — пропала!

Потужили, погоревали, да никто пособить не может: судьба такая!

* * *

Живет Машутка в пруду у Змея, не Машутка, Марья Змеевна!

Ладно живет со Змеем. За три года прижила себе сына и дочку. Хорошо ей в пруду, не на что жаловаться, всего вдоволь, всем довольна, только так бы хотелось: хоть разок дома побывать.

И просится Марья у Змея в гости к отцу-матери:

— Посмотреть на них, старикам внучат покажу!

Змей отпустил.

Забрала Марья ребятшек да из пруда по знакомой дорожке прямо к дому — так близко, рукой подать.

Увидала старуха, обрадовалась:

— Где, дочка? Где поживаешь?

Марья ей все и рассказала: о пруде, о Змее, как живет она ладно, ни в чем горя не видит, одно — скучно: по родному дому.

Пришел с поля старик, занялся внучатами.

Угостили дочку. Стала мать пытаться ее о Змее:

— И что ж, понимает, разговариваешь с ним?

Б. М. Кустодиев. Портрет писателя Ремизова

— А как же! Вот вернусь: «Змей! — скажу. — Змей, отвори мне двери!» Раздвоится вода, окажется коридор, лестница...

Полегли спать. А старуха не спит: жалко ей дочери. До свету взяла она старикову саблю — тоже воевал когда-то старик! — да с саблей на пруд. Да дочериним голосом, по-марьиному, и кличет над водой:

— Змей! Змей, отвори мне двери!

Слышит Змей — Марьяин голос! — обрадовался, пошел, отворил двери...

А старуха на него саблей — все головы и снесла прочь.

И замутился пруд змеиной кровью — не пруд — вода — кровь!

Бежит старуха — чуть заря играет — машет красной саблей.

Проснулась Марья:

— Что там такое?

— Молись, — шепчет старуха, — освободила тебя от напасти!

— ?!

— Никогда туда не вернешься!

Догадалась Марья — «со Змеем худо!» — ничего не сказала, взяла детей, вышла из дому, а идти-то ей некуда...

«Никогда туда не вернешься!»

Обняла она сына:

— Ой, сынок, навек я несчастна! Ты ударься о землю, сделайся черным раком, до века ползай!

И ударила мальчика о землю, и пополз он — рак! — к пруду.

Обняла она дочку:

— Ой, моя дочка, навек я несчастна! Ты ударься о землю, сделайся пташкой, летай до веку!

И ударила девочку о землю, и полетела она — синичка! — к пруду.

— А я — навек я несчастна! Вспорхну, полечу я кукушкой, буду век куковать!

И ударилась Марья о землю — и слышно: там, за прудом, по заре кукушка закуковала.

Вот почему кукушка так горько кукует.

ПОСТСКРИПТУМ

— Да это же легенда, сказка, — скажет читатель.

И будет совершенно прав.

Только еще древними мудрецами замечено: в легенде больше истины и смысла, чем в историческом факте.

А тут и факт налицо: с островка на пруду поныне слышен одинокий, тоскливый плач кукушки.

«Не кукушка кукует, жена горюет», — говорят в народе.

И цвет пруда: «вода — кровь...»

Получается — все по Ремизову, точь-в-точь.

А вы: «Сказка...»

Ежкин кот!

Ильдар АБУЗЯРОВ

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3 за 2011 г.

МУТАБОР

НЕДЕЛЬНЫЙ РОМАН

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

Четверг. 7 октября

Выборы

(служебная записка с флешки)

Демократия в Кашеваре — абсолютная профанация, а оппозиция — карманный театр.

Только три процента кашеварцев верят в свободные и справедливые выборы. Все остальные знают, что результаты при любом раскладе будут сфальсифицированы и что у власти останется эмир и мэр. Люди идут на выборы, опасаясь репрессий. Работающие боятся потерять работу, а безработные надеются, что за их голос им будет заплачено несколько сомов.

Одна мысль о том, что эмир и мэр засядет на всю жизнь, вызывает чувство всеобщей тоски и эмоциональной подавленности.

Местному населению крайне не нравится резкое повышение тарифов на электроэнергию и услуги ЖКХ, которое в Кашеваре связывают с переходом крупных пакетов акций государствообразующих предприятий в руки приближенных к власти или аффилированных с эмиром и мэром лиц. Засушливое лето вызвало резкое повышение цен на зерно. Как следствие цены на всю минимальную потребительскую корзину поднялись вдвое.

Жить более или менее сносно можно только в столице, и обездоленные со всех уголков и углов ищут, чем бы поживиться. Кладут глаз на любой бесхозный участок земли и на любого незащищенного инородца и иностранца. Ни о каком восточном гостеприимстве не может идти и речи. Все культурные традиции стремительно утрачиваются. Улицы

наводняют люмпены и проститутки. Падшие женщины в распадающемся обществе.

Толпы голодных и безработных стягиваются на подручных транспортных средствах в пригороды столицы, потому что по Кашевару прошел слух, что в столице за голос каждого избирателя будут давать сумму в несколько раз большую, чем в провинции люди способны заработать за месяц.

Ходят слухи, что за голос платят до трех тысяч сомов. Полторы тысячи рублей или пятьдесят долларов — огромная сумма для обнищавшего населения. Если народ в очередной раз будет обманут в своих ожиданиях, то массовые беспорядки могут перекинуться и на улицы Кашевара.

Население обозлено. По нашим сведениям, в ближайшее время Кашевар ждут серьезные этнические потрясения из-за нехватки гидроресурсов и пахотных земель.

Ситуация накануне выборов она накаляет обстановку.

Общенациональная, объединяющая все этносы идея не разработана. В этом плане в качестве ведущей парадигмы используется борьба против мирового терроризма, поиск внешнего врага в лице Запада и внутреннего — в лице олигархов, всякого рода «оборотней», «региональных баронов». В социальном плане нынешняя ситуация в Кашеваре характеризуется падением материального уровня жизни, сокращением рождаемости и продолжительности

жизни населения. Все это четко и наиболее остро отражается в жизни многочисленных этносов, населяющих Кашевар. Выход из такого положения Кремль и правительство видят в усилении диктатуры и выстраивании все более жесткой вертикали. Эти процессы комментируются как сверхблаго, как единственно возможный вариант для современного уровня развития общества, что находит отражение в безальтернативных СМИ.

Файлы этого тайного дипломатического донесения взяты с сайта Wikileaks.

Глава 1

Мартышка

1.

По ночам корпуса «Белого лебедя» и «Черного дельфина» разрывают, раздирают на части страшные стоны и вскрики. Это зывают о помощи мои собратья. В тюрьме есть подвалы, в которых по ночам пытаются заключенных. Мучают электрошокером, выдирают ногти, втыкают иголки в уши, ковыряются во вскрытых зубных нервах, насилуют, накиннув мешок на голову. По большей части я к таким крикам уже привык. Но иногда вопли бывают столь нечеловечны, что я уже до утра не могу сомкнуть глаз. Крики и стоны по ночам не дают мне уснуть и успокоиться до самого рассвета.

Крупные холодные капли пота наперегонки с горячими мурашками катятся по моей спине. Они словно пытаются поскорее проскочить мое слабое брненное тело и скрыться в более надежном мире. Я боюсь оказаться в шкуре пытаемых и испытуемых и в то же время представляю себя на их месте. Что заставляет этих глупцов упорствовать? Что за сила веры и убеждений?

В чем она — их правда? Почему они цепляются за свои убеждения, почему упорствуют, а не проscalьзывают, как мурашки. Бородатая облаками луна напоминает мне их желтые измученные лица. Гепатит С, которым нарочно заразили особо упорных в тюрьме, чтобы долго не жили и не боролись. Облака — словно увеличенные вирусы СПИДа и сифилиса. Желтая, желтая луна, накинутый на голову каменный мешок.

Я смотрю в потолок и думаю, что заставляет борцов относиться к своей борьбе так серьезно в век, когда все кажется незначительным и смешным. Когда кругом только имитация и лицедейство, когда все — от политиков до священников — преврати-

лись в клоунов. Но есть еще в камере коммунисты, отдавшие все до последней копейки, есть верующие, которые готовы скорее мучиться и умереть, чем отказаться от своей присяги Господу. Последние могикане, на которых стоит род человеческий. Последние.

Они кричат от боли, но хранят молчание. А я сам безо всяких попыток от одного страха боли, от боязни быть униженным и голодным готов километрами жевать сопли и пороть всякую чушь.

Зачем я вообще выступаю перед бандитами, словно циркач, зачем тискаю им роман, зачем в угоду их грубым инстинктам взялся за детективный сюжет и рассказываю пошлую историю?

Я будто лишен воли и превращен в животное одними гипотетическими угрозами грядущих страданий. Неужели все это ради лучшего куска хлеба и ради чувства защищенности? Неужели во мне так сильны животные инстинкты?

Желтая луна смотрит на меня с немим укором. Ее лицо — как лица моих измученных, зараженных гепатитом сокамерников. Она, как потрепанная птица, приютилась на ветке, с каждым днем все больше вжимая плечи. Она тает на глазах после двух-трехчасового допроса.

2.

Утром, думая о последних, я на ногах один из первых. Наш избирательный участок открывается сразу после подъема. В обязательном порядке мы всем скопом голосуем до завтрака. Охранники выводят по несколько человек из камеры, строят в ряд и ведут через квадратный двор в красный уголок к урнам. Там мы должны будем поставить красную галочку в правом нижнем квадратике.

— Пока не проголосуете, баланду не получите! — угрожает начальник тюрьмы. Он павианом, заложив руки за спину, расхаживает вдоль живой очереди за бюллетенями. У павиана в руке поводок-плетка. Она же хвост.

— И пусть хоть одна сука попробует проголосовать не за нашего отца родного эмира и мэра! Мы эту суку быстро вычленим, расчленим и накажем.

Я не дурак, и мне два раза повторять не надо. Гайдамак берет мой палец и макает в чернильницу. Затем прикладывает к листу, в котором я должен расписаться за бюллетень. Он даже не спрашивает — умею ли я писать. Он просто метит моим пальцем нужную графу. Получив бюллетень, я сразу почувствовал, что он слишком плотный, значит, мне по ошибке дали два слипшихся меж собой листа.

Я не возмущаюсь и не показываю вида. Многие заключенные из глухих деревень не умеют ни чи-

тать, ни писать. И начальству недосуг разбираться. Охранник всем и мне тоже указывает, куда ставить галочку.

После стольких месяцев было приятно держать граненую ручку с полным чернилами стержнем в руках — здесь ручка запрещена как колющее оружие. Очень тянуло начертать несколько слов прямо на гербовой бумаге. Но меня вовремя одернул зычный голос смотрящего.

— Только попробуйте испортить бюллетень, — продолжал Павиан. — Будете этим бюллетенем жопы у параша опущенным подтирать! Помните, суки, ваш эмир мог вас повесить на столбе, но он отправил вас на перевоспитание!

Вверху бюллетеня, словно на торце Белого дома, красуется орел. Для его острых когтей и клюва эти галки и предназначались. Без вариантов. Но вдруг квадратик, в который необходимо было поставить знак, показался мне окном кабинета кашеварского правителя. Галочку я изобразил немного наискосок — словно стекло от удара птицы треснуло буквой «зет». Так японцы делают харакири. Пока все отвернулись, я быстро отгибаю слипшийся край и ставлю галку на следующем бюллетене в графе «Против всех».

Зачем я это делаю, зачем лишаю начальника отчетности и заключенных обеда или ужина? Бессмысленный и наивный бунт? Возможно. Но так мне легче будет смотреть в глаза тем, кто вот так же бессмысленно бунтует ради своих убеждений. Кто уже не в состоянии принимать пищу, чье тело почти убито, но воля не сломлена, кто отказался от своего «я» ради «мы».

И только я это сделал, как минутная слабость, страх за свое «я», за свою единственную и неповторимую шкуру парализует мое тело. А вдруг листы в урне не разлепятся и меня сразу вычислят? От этой мысли футболка прилипает к телу моментально. Руки трясутся, холод шаром опускается вниз живота, словно тот не проглоченный ужин или обед. Антиужин и антиобед, которых мне уже никогда не видать.

Тут же я вспоминаю о специальных камерах, в которых несколько обезьян по воле эмира и мэра пытаются сломить волю человека, лишить того, что дано нам от рождения — свободы выбора. Разве не свобода воли отделяет человека от обезьяны и ангелов в белых халатах, что в тайных лабораториях колют сыворотку правды и пишут за нас историю наших слов?

Прежде чем бросить бюллетень в урну, нужно было показать его охраннику. Я, словно собака, преданно глядя в глаза, продемонстрировал свой голос Павиану. Он в ответ презрительно-снисходительно

улыбается. Думаю, смотреть на людей со сломленной волей со стороны невыносимо. Листок падает в черный ящик Пандоры, как слепой жребий.

3.

В честь праздника выборов нам даже дали не гороховую баланду, а чечевичную похлебку. И сразу после завтрака вывели во двор. Солнце и чечевица от самого эмира. В день выборов во всем Кашеваре был праздник с национальными гуляниями — и, пока еще не припекло, дали возможность погулять и экам.

На втором круге ко мне подошли Саур и Хайсам и намекнули, что посиделки на блатной хате — она же «Предвыборный штаб» — уже начались и чтобы я был готов через пять минут продолжить рассказ.

— Когда там уже про нас, братву, начнется? — Я видел, что Хайсаму не терпится узнать продолжение.

— Скоро!

— Поторопись!

Когда охранник привел меня в камеру, я увидел, что веселье в полном разгаре.

В блатной хате была не параша, а бегемот, пасть которого была загажена не по-детски, а атмосфера была пропитана запахом анаши. На столе среди жратвы висело несколько шприцов-агрегатов и дымилось несколько недокурренных сигарет.

— Что, как антилопа, глазами шарить по столу? Садись и поешь что-нибудь. — Ширхан бросил мне шлемку и джагу.

— Не хочу есть, — сказал я, от чечевичной похлебки пучило живот.

— А ужалиться не желаешь? — спросил Шершень.

— Не-а. — За время, проведенное в тюрьме, я усвоил многое из сленга и понял, что он предлагает мне ввести героин в вену.

— Тогда возьми уголек — вижу, уши у тебя уже опухли.

Он хотел сказать, что мне хочется курить, а нечего, и предложил анашу.

Я опять отказался, подумав о двух сбоку — об охранниках-гайдамаках, которые позволяют свободно пронести лошадям ширево для Шири. То же самое творится и на таможне, через которую героин свободно проникает в страну. Все в этой стране шито-стянуто нитями коррупции.

За три дня, проведенные возле братвы, я не только тискал роман, но еще и слушал. На воровском языке «тискай» — лицо, занимающееся подслушиванием разговоров. И я узнал, что Ширхан являлся лидером крупнейшей в Кашеваре ОПГ. Через него проходили громадные потоки героина из Афганистана в Россию и дальше на Запад.

Помимо транзита ширева, он владел шахтами, в которых добывался каменный уголь. Эти шахты по принципу ступенчатых штолен рыли бедняки в высокогорье, чтобы в зимний период согреть свои лачуги. По сути, это были катакомбы похлеще «Белого лебеда» и «Черного дельфина», и в них трудились его соплеменники за ту же шмочку и бадью. Ширхан наложил на весь семейный промысел свою рейдерскую руку. То, что тысячелетиями копилось и формировалось в толщах земных, вдруг стало принадлежать одному человеку. С тех пор его называли «угольный олигарх», но знающие говорили «угольковый».

4.

В тюрьме Шершень оказался по делу, инициированному Интерполом. Как я понял, большие белые люди с американским акцентом, вывозившие из Кашевара героин самолетами, видели в Ширхане неприятного конкурента. Через обширную агентурную сеть «Ми-6» они раздобыли на него компромат и попросили эмира и мэра арестовать наркобарона.

Чтобы не ссориться с влиятельными покровителями, Ширхана арестовали, точнее, создали видимость ареста. И вот теперь он жил не хуже, чем на свободе, ожидая суда, по которому, как ему обещали, дело должно было развалиться, а он сразу после вынесения приговора — оказаться на свободе. Срок, к которому его якобы приговорят, он уже к тому времени отбудет.

Вроде бы неплохая комбинация. Но властного и тщеславного Ширхана публичное унижение совсем не устраивало. Его самолюбие было уязвлено. И он начал искать других покровителей и партнеров — возможно, среди своих «друзей» в России.

Собственно, Кашевар полнотой суверенитета не обладал, хотя получил формальную независимость после того, как три славянских брата выкинули его, словно щенка, из общей лодки. Теперь выживать он вынужден за счет транзитных каналов. Эмир и мэр, живя и в Белом доме, и во дворце цитадели, должен был лавировать между Америкой и Россией.

На Западе Кашевар именовали «ruined states» — несостоявшимся государством, именно потому, что наркоструктуры фактически превратились в параллельную власть. Их представители проникли на все официальные уровни, а агентурная сеть, словно пауция, оплела все государственные организации.

Но рано или поздно вся кровь будет высосана, а кровеносные сосуды забьет тромб наркояда. Ослабевшее государство завалится набок, власть потеряет способность управлять, и вспыхнет межклановая этническая война.

5.

А пока государственный инсульт только надвигался, братва гуляла. В камере у Ширхана помимо бегемота было еще и зеркало, на воровском сленге — «мартышка». Я подошел и взглянул в него.

В «мартышке» я увидел микромодель всей страны. Власть имущие празднуют и беснуются, а страна мучается в предсмертной агонии. Я глядел на воодушевленных Ширхана, Хайсама, Саура и понимал, что они — всего лишь отрывок главных паханов, которых мы, может быть, так и не узнаем. Под себя они и набирают соответствующий класс людей — беспринципных подонков и воров, а порядочные люди в этой системе не выживают или, как те же судьи, выживают на сделке с совестью.

Нынешнее государство — остров, на котором правят бандиты, они же олигархи. Остальные, не блатные, для них всего лишь быдло, которое поставлено в такие условия, что вынуждено работать за кусок хлеба. Больше не положено. Чтобы не было сил и времени поднять головы, подумать об истинном положении вещей и своей душе.

Но самое страшное, что у людей, даже за баланду из-под палки, отобрали работу. Все предприятия, вся промышленность разрушены. Профессия рабочего унижена. Но без работы человек распоясывается, расслабляется и деградирует. Полстраны сидит на алкоголе и героине.

Кто не работает — тот ест, смеются над нами блатные. Может, оно и неправильно, но на легкие оскорбления я старался внимания не обращать. Я действительно, по воровскому жаргону, был и бандерлогом — не блатным, случайный в этом мире человеком, и глупцом фазаном, и психически ненормальной форелью, и постоянно что-то ищущей антилопой, и невинно осужденным верблюдом. Только жабой не был. Жаба, то есть сутенерша, появилась без меня. И вскоре за ней появились десятка два молодых девушек.

— У нас все телки молодые — студентки, — обратилась жаба к быку Сауру. — Выбирай — не хочу.

Я выбирать не стал, а лишь смотрел, с какой жадностью братва налетела на девиц. Последним это пришлось по душе. В распадающемся обществе распадается и семья. Распадается потому, что меняется отношение к деньгам, к успеху, к человеку. Женщина становится либо разменной монетой, либо товаром. Важным становится не то, какая у тебя семья, а то, какова длина ног твоей спутницы. И женщины, зеркалящие этот мир, начинают бравировать своим положением б...ди.

А еще в распадающемся обществе на б...ди могут жениться, потому что она идет на панель по нужде, а не по прихоти.

6.

Вернувшись в камеру после гулянки, я лег на нары и стал думать над словами Балыка-Малика. Что он имел в виду, когда говорил, что животное, камни и человек — лишь составные равные части нашего космоса?

В тюрьме меня окружал целый паноптикум — зверинец. Почему же человек иногда так деградирует, что превращается в животное? Мне пришла в голову мысль, что однажды с людьми происходит очень странная метаморфоза. Когда они вырастают, избавляются от детских комплексов, перестают верить в сказки и страшилки, теряют мечту, когда они более или менее сыты и у них все хорошо с женщинами, они вдруг теряют себя.

Казалось бы, живи, радуйся, развивайся, но человек превращается в ленивое и тупое животное, когда обретает власть над собой, окружающими людьми и ситуацией. И только когда не властен над собой — он остается человеком. Без божественного провидения, без веры в сказку и чудо мы — животные с каменными сердцами.

А я? Когда у меня все хорошо, когда я даже в тюрьме нашел кормушку, и сыт, и под «крышей», я начинаю растворяться в том, что меня окружает, и терять свою сущность. Теперь я даже в своем лексиконе перешел на тюремный сленг. Я все ставлю на литературу и мимирию, я живу этим. Меня больше нет, как больше нет ни литературы, ни моих героев. А есть лишь червь фантазии, живущий во мне и жрущий меня изнутри. И вот он уже съедает мою сердцевину, образуя внутри меня пустоту, которую всегда надо чем-то заполнять.

Этот червь фантазии заставляет меня вновь и вновь братья за перо. Достав из тайника обгрызенный карандаш и серую оберточную бумагу, я, скорчившись, как червяк, в три погибели, корябаю: «Я алмаз Гальян. Я символ власти и богатства. Я всегда есть и буду сверкать на вершине пирамиды, у подножия которой, как черви, копошатся и корчатся обугленные и униженные людишки.

Вы можете прятать меня от воров и убийц в свой анус, но я знаю, что на самом деле я в ваших сердцах. Вы можете крошить меня на мелкие частицы и подсыпать правителям в кофе, но лишь для того, чтобы обладать мной безраздельно. Вы знаете, что я порву стенки желудка и попаду в кровь, а потом в сердце. Вроде бы в сердце падишаха, но на самом деле — в ваше сердце.

Вы готовы убивать и предавать ради меня. Я — то, к чему вы стремитесь в своих помыслах и действиях. Я Гальян I, я — символ беспредельной власти и несметного богатства. Пока я правлю, пока я в ваших сердцах — человечество превращается в

бессмысленное и безмозглое скопище. Такое беспомощное, безвольное человечество подлежит оскотлению, ослеплению, умерщвлению, расчленению...

Когда вы думаете обо мне, я проникаю в сердце, голову, могу даже в почку. Я расту и убиваю все живое. Я, как искривленное зеркало, отражаю мир во всем его уродстве. Я перекрываю все каналы, закупориваю их, как тромб. Вы не можете больше ни есть, ни пить, ни спать спокойно.

Но когда вы обо мне не думаете и не желаете меня как источник власти и богатства, я начинаю думать о вас. Я посылаю в ваши сердца свет, отражая в своих гранях полноту и красоту мира».

Глава 2**Лубват-трава****1.**

Распровавшись с Аббатом, Омар Чилим сидел, прижавшись спиной к решетке зооботсада им. Буль-Буля Вали и наблюдая за копошением желтых и красных муравьев в звездном муравейнике неба.

«В распадающемся обществе даже волосы нороят жить своей независимой грязной жизнью», — думал Омар, запустив рогатину замерзших и огрубевших пальцев в тихую заводь некогда пенистых кудрей. Он уже давно клевал носом, все больше чувствуя холод воды в поджилках.

«Если я засну здесь, то наверняка опять опущусь на дно и буду всю ночь разговаривать с рыбами. А если свалюсь за шпалерами кустов, то стану легкой добычей полицейских прилипал, от которых черепахе не скрыться нигде».

Теперь же его шевелюра от грязи больше походила на панцирь черепахи, а ноги до того обессилели, что не способны ни быстро бегать, ни быстро ходить.

— Эй, красавчик! — раздался кокетливый голос из-за решетки. — Не спи, а то проснешься и ужаснешься окружающему миру.

Омар обернулся и увидел девушку в сетчатых чулках и короткой кожаной юбке, с пышными рыжими волосами и пышной белой грудью в декольте.

— Иди своей дорогой, — попросил он усталым сонным голосом, — мне и не глядя на твои синюшные и раздетые прелести холодно.

— Прыгай сюда, если у тебя есть хоть немного денег. И обещаю тебе, ты не замерзнешь в моих жарких объятиях.

— Прыгают только стрекозы и козы! — огрызнулся Омар. Он давно заметил, что чем ниже уровень

культуры женщины, тем ярче и грубее «штукатурка». Каждый мужик негативно относится к яркой косметике на лице баб, но женский инстинкт ничего не хочет про это знать. Даже возлюбленная Омара Гюляр уверяла, что красится исключительно для себя. И в этом ее было не переубедить. — Так что давай сама прыгай!

— Нет, я не могу! — покачала головой полуголая девица. — Мне нельзя в это святое место.

— Да ладно, брось! — махнул рукой Омар. — Кому ты нужна?

— Меня, Лубват Тигровую, в этом районе все знают! Если меня увидят сторонники Гураба-ходжи, они разорвут меня на мелкие части. Я женщина падшая, а Балык-Малик — он друг Всевышнего.

«Лубват, — поймал ее на слове, а себя на мысли Омар, — в переводе с арабского будет “львица”, что в переносном смысле в тех же арабских странах означает “жрица любви”. Но знают ли об этом в Кашеваре?»

— Я раньше была частым гостем этого района. Бедняки — страстные мечтатели, — продолжала девушка. — Еще лет пять назад здесь не было никакого парка и усыпальницы, а были лишь кварталы хибар. Эмир сам приказал снести все трущобы и разбить на их месте пруд с мавзолеем. Он это сделал, чтобы у народа была вера в чудо, чтобы держать людей, как ишаков, в узде морали. Но я-то знаю, не бывает никакого чуда и никакой морали. Миром правят похоть и желание. И потому надо жить весело и не задумываясь.

— Но так ли ты весело живешь, как хотелось бы? Со мной, конечно, как и с другими клиентами, ты веселишься. Но что ты прячешь под жесткой улыбкой-маской? И здесь — под каркасом лифчика? — Омар потянулся рукой сквозь решетку к левой груди Лубват.

— Ну, так идешь со мной? — заломила руку Омара Лубват о железный прут.

«Аллах помогает оказавшимся в ловушке не чувствовать себя одинокими», — подумал Омар и мигом перемахнул через ограду парка.

2.

Через десять минут они уже сидели в теплой уютной чайхане с фонтанами зеленого горячего чая, щедро бьющими из курносых, покрытых зеленым купоросом чайников. Как ему прежде не пришла мысль отправиться туда, где чай по-восточному крепкий и дешевый, а громкая танцевальная музыка не дает уснуть. Благо на бодрящий напиток у него остались какие-то серебристые мальки пузатой мелочи.

Смакуя глоток за глотком целительной влаги с рыжим лимоном, Омар пьянел от зеленых глаз про-

ститутки под копной рыжих волос. К тому же, сверкая своим третьим глазом на фиолетовом оперенье подъябника, среди столиков важно расхаживала танцовщица-павлин. Она старалась попасть в такт восточной музыке, льющейся из радиоманитолы «жигулей», припаркованных за шатром.

Чай бултыхался в пустом желудке и кишечнике, заставляя живот ходить ходуном и подражать чарующим движениям танцовщицы. Завороженная змея внутри тела, подчиняясь призывным звукам зурны и ритмам тамбурина, медленно поднималась по позвоночнику. Омар сам удивлялся, откуда у него вдруг появились силы, — неужели этот птичий танец с изящным трепыханием кистей заставил змеевидную часть его тела принять боевую стойку?

— Слушай, неужто ты ни разу не была в этом парке и в усыпальнице Балыка-Малика? — качнулся в сторону Лубват Омар. — Ни разу не помолилась на могиле святого и не попросила изменить свой тагдыр¹?

— Нет, не хочу! Моя жизнь сложилась как сложилась! — Танцовщица оперилась, а Лубват Тигровая ерепенилась и показывала когти львицы...

3.

— А я бы на твоём месте не побрезговал покаяться, — отхлебнул глоток остывшего чая Омар.

— Ты что, мораль читать пришел? — закипятилась Лубват. — Давай либо плати и удовлетворяй свои потребности, либо вали!

Смекнув, что лишние крики и внимание ему ни к чему, Омар быстро сжал руку женщины своей клешней, словно собираясь снять раскаленный чайник с плиты.

— Я совсем о другом, дура, — горячо зашептал он. — По слухам, этот святой был бродягой с обочины, то есть, как и ты, жил у дороги. Так почему же ему не простить твои грехи? Не заступиться? Может, стоит разок сходить и поплакаться? Пореветь о своей тяжелой доле? Слезы — они очищают. Глядишь, Балык-Малик и попросит за тебя у Всевышнего.

— Исключено! Мой грех слишком тяжелый! — задрала свои пышные ресницы к небу Лубват, в то время как танцовщица вскинула юбки. — Балык-Малик святой, он за всю свою жизнь ни одной живой твари не обидел. Ни жучка, ни паучка, ни мокрицы, а я даже в мокрухе принимала участие.

— Ты что, сама пускала кровь? — приблизился вплотную к уху женщины Чилим. Там, в ушной раковине, было темно и страшно. Но Омар поймал себя на мысли, что готов утонуть в объятиях Лубват

¹ Тагдыр — судьба.

или быть задушенным ими только потому, что смерти иногда предшествует любовь.

— Нет! — возмутилась Лубват. — Господь с тобой!

— Вот видишь, это уже меняет суть дела. — Доведенный до состояния жертвы, Омар остро переживал свою участь, и ему не терпелось услышать историю о еще большей невинной жертве.

— Не могу. Если я расскажу, мне не сдобровать. Я могила.

— Расскажи! — взмолился Омар, ибо ему хотелось быть допущенным не только к телу, но и к душе проститутки, проникнуть в самые темные уголки ее сознания, где притаились мысли о смерти.

Но Лубват Тигровая не спешила откровенничать с Омаром. Отстранившись, она налила себе еще зеленого чая. Но мыслями она была уже не здесь, это Омар увидел по затаянному пеленой времени и травы взгляду шлюхи. По тому, как она смотрела в чашку, Омар понял, что они спрятали жертву на дне зацветшего водорослями водоема.

4.

— Расскажи, расскажи о самом сокровенном. Облегчи душу, — потянул за лиану разговора Омар. — Посуди сама, если я смогу простить, то он и подавно...

— А вдруг ты ищайка?

— Посмотри на меня, ну разве я похож на ищайку? Я ученый, я сам жертва.

— Неужели? — сказала эхом Лубват, словно перед ее глазами вновь возникла картина не сегодняшнего вечера, а того далекого дня. И тут ее прорвало, и слова, которые она долго сдерживала плотиной воли, понеслись частыми волнами.

— Вот и он ученым назвался, — задумчиво глядя в сторону, затараторила она с таким придыханием, что, казалось, ее слова переваливаются через затор камней на реке. — Я тогда еще молодой, свежей и чистенькой была. Только вышла на дорогу, гуляла как раз недалеко от того места, где мы с тобой встретились. А он, как и ты, это сразу было видно, приехал издалека. Гляжу, идет такой весь грязенький, заросший. В куртке с рюкзаком походным за плечами. Ну, я его и подначила: мол, к жене спешишь, путешественник? А он посмотрел так на меня и говорит:

— Нет у меня жены, никто меня не ждет.

— А хотелось бы, — спрашиваю, — в семейное гнездышко?

— Я сам встречаю, кого хочу, — улыбнулся он, а сам рассматривает меня.

А потом вдруг так и говорит: «Если хочешь — ты будь моей женой. Ибо пророк сказал, что проститутка, напоившая из своего мокроступа умирающую

от жажды собаку, попадет в рай. Вот и ты напои, накорми меня!»

Я к таким разговорам всерьез не относилась. Опять, думаю, клеится. Бесплатно мной воспользоваться хочет. А сама, пока бла-бла, тоже его разглядываю. У меня глаз-алмаз. Одет невзрачно, в серое, дорожное. Из брезента, чтобы не порвалось. Значит, сменной рубашки нет. Сумка — рюкзак, а не чемодан на колесиках, как у богачей, чтоб не утруждаться. Подошвы — стоптанные, значит, машины тоже нет.

— Женой, — ухмыльнувшись, спрашиваю. — Какая тебе жена, бродяжка? А чем ты калым заплатишь? А где мы жить будем? У тебя, сразу видно, и денег-то нет. Ни махр заплатить, ни свадьбу нормальную сыграть. Да у тебя и дома-то, наверное, нет, бродяга. И за душой ничего не осталось.

А он в ответ:

— Плохо ты меня разглядела, хозяйюшка. Дом у меня есть — хотя и небольшой, но свой. А денег у меня полно — двадцать процентов натекло на самый надежный вклад, спрятанный в депозитарии вот за такими толстенными стенами. Ни одному вору не пробраться.

А я ему:

— Давай рассказывай. Все вы такие сначала. Я уже словам не верю. А только деньгам. Вот когда покажешь свою золотую кредитную карточку, тогда и поговорим. Много вас здесь таких ходит и золотые горы обещает.

5.

И тут он заявляет, что не только мне обещает золотые горы, но и всем жителям Кашевара: мол, скоро все как в Кувейте заживем. А в доказательство достал из-за пазухи камушек неотесанный такой, мутный, но блестящий. Я в этих камнях ничего не понимаю. Да и сам владелец камушка мутный был. Видимо, устал с дороги, но улыбка сияет, а глаза так и сверкают от счастья и гордости. И тогда я поняла, что камень чего-то стоит. Но вот чего? А сама подумала, может, он с дороги грязный, а сам ювелир!

— Ну что, пойдешь за меня замуж? — спрашивает ювелир. — Мне уже давно жениться пора.

— Может, и пойдю, — засмеялась я в ответ.

— Тогда приходи хозяйство принимать, хозяйюшка.

— Давай адрес, — говорю, — я через час со сватами загляну, мне еще с мамой посоветоваться надо.

— Да тут недалеко, — говорит. Гляжу, он уже адрес записывает на клочке бумаги. А пальцы у самого дрожат. Принял меня, молодую и красивую, за судьбу свою, видимо!

— Договорились. Я пока сладостей накуплю и чай приготовлю.

На том и расстались. А через полчаса я с дружкой своим Шахбазом нагрязнула. Он к стенке путника того прижал, нож к горлу приставил и говорит, мол, давай, ювелир, показывай, где твои камушки. А он никаким не ювелиром оказался. Обманул, как я и думала. Я такого рода обман вообще терпеть не могу.

Так и сказал, что не ювелир. Да еще угрожать начал, связями своими кичиться, мол, если хоть один волос с его головы упадет, то нам всем не сдобровать. Орал, что он ученый, член-корреспондент какой-то, что советник правительства, что сам без пяти минут шишка. Да еще грозился самим эмиром. В общем, чего со страху не наплетешь — по себе знаю. Только бы выжить.

Ну, думаю, точно сказочник, и сказками меня уму-разуму учить собрался. Хотел как лучше, но только навредил себе. Шахбаз от криков сам напугался. Пришлось этому члену голову разбить. Потом мы весь дом перевернули и ничего не нашли. Если не считать шкатулки такой, с каменными фигурками. Но они ненастоящими оказались. Или по-настоящему не драгоценными. Ничего не стоящими, полудрагоценными, в общем, так мне Шахбаз потом сказал. Мы эту шкатулку ювелиру Кундушу сдали. А он ее от греха подальше из страны вывез.

— Знаю такого, — кивнул Омар.

— А тот мутный большой камень так и не нашли. Проглотил он его со страху, что ли? Ну, что теперь скажешь, какова моя вина? — выговорившись, с надеждой в замутненном от слез взоре заглянула Чилиму в глаза Лубват.

— А ты знала, что Шахбаз его может убить? — спросил Омар.

— Нет, ничего такого не знала, честное слово. Чуть было на всю улицу не завизжала от испуга. Да и пожалела очень! Из-за этого убийства шумиха поднялась, нам всем на дно залечь пришлось. Полицейские и ищейки словно с цепи сорвались. Никогда такого не было. А тут еще, как назло, как раз пропал кто-то из высокопоставленных. В общем, мне, чтобы скрыться, пришлось уехать на заработки. На Староневском я стоять начала.

— Я тоже на Невском работал, — ухмыльнулся Омар. — А грех твой не так уж и страшен.

— Ты меня успокаиваешь? Что может быть страшнее убийства и прелюбодеяния? — всхлинула Лубват, и Омар увидел, как по ее щеке, словно хищный муравей, поползла слеза.

— Ну-ну, будет тебе, — он протянул руку, чтобы прихлопнуть слезу.

6.

Несмотря на историю, рассказанную Лубват, Омар пребывал в благодушном настроении. Ему было хорошо в чайхане. Такое чувство, будто кто-то сверху на время отпустил ему все грехи, ибо они были не такими тяжкими, как ему прежде казалось.

Омар и не догадывался, что рядом с вокзалом на окраине города существуют такие вот дешевые заведения, с приятной музыкой, где можно провести всю ночь за чашкой чая. Хотя откуда ему было знать, что здесь, у ж/д вокзала, чайханы работают круглосуточно, тем более прилетел он на сером, словно белолобый гусь, боинге.

— А кто такой этот Шахбаз? — спросил Омар у Лубват только потому, что надо было о чем-то говорить.

— Чем знаменит Шахбаз? Ой, да ты вправду неместный — не знаешь ничего. Шахбаза все знают. Шахбаз — он король форточников. Сам горазд, да и любого через любую форточку отправит куда угодно. Однажды он сидел у меня и вдруг — бац, облава, менты забарабанили. И так настойчиво, будто ищут кого-то. Я заметалась. А Шахбаз говорит: спокойно, девочка. Возьми себя в руки и иди открывай не спеша, а я пока чай допью.

Менты как вошли, сразу бросились искать. Зашли на кухню, а его нет. Как сквозь землю провалился. Даже окно не открыто. Только форточка. Но кто поверит, что с его-то комплекцией можно туда пролезть. А между тем он именно так и ушел. Он самый известный форточник Кашевара. А начинал, как ты понял, грабежом приезжих. Но после того убийства он поклялся больше не заниматься разбоем.

— И как люди не боятся так высоко летать, — горько улыбнулся Омар. В последние дни он, передвигаясь по Кашевару, все больше вжимался в землю.

— Высоты Шахбаз с детства не боится. Он же из горного района. Там он с дядьками своими соколов и беркутов выращивал. По склонам ловил змей ядовитых и запускал со скал змеев воздушных. У них род известный очень. Его дед был великим помытчиком. Поставлял соколов для эмира и наследников.

— А Шахбаз решил выше взять?

— Когда его в армию забрали, то на аэродром служить определили. Он соколами голубей, чаек и ворон разгонял. Чтобы тех в двигатель не засосало. Потом воровством чемоданов и контрабандой занялся. Потом грабеж залетных интуристов, и пошло-поехало. Сейчас опять на аэродроме ошивается. Сам Ширхан его взял в свою наркоартель и назначил смотрящим за воротами города. Так что если кому что надо пронести, можешь смело обращаться к Шахбазу, — скажешь: от Лубват Тигровой.

Шахбаз — он смотрящий за воротами города у самого теневого зрителя города Ширхана. У нас для связи с внешним миром других ворот, кроме аэропорта, и нет.

— А ты откуда это все знаешь? — спросил Омар, подумав, что Шахбаз ему просто необходим.

— Да он сам все рассказывал. Мы с ним как брат с сестрой — все друг другу рассказываем. А с тобой я почему так разоткровенничалась? Чего в тебе этого? А? Может быть, потому, что ты похож на него, на ювелира того? Тоже такой весь интеллигентный.

— Не знаю, — пожал плечами Омар. Руки его были спрятаны в карманах. — Ну, как тебе сказать...

7.

Дальше под плавную мелодию разговор перешел на лирическую тему. Глядя то в глубокие омуты зеленых глаза Лубват, то на плавные плечи и бедра полуобнаженной танцовщицы, Омар чувствовал, как уплывает. словно ему подсыпали зелья в зеленый жасминовый чай. К тому же перед ними раскачивались, гипнотизируя перламутровыми переливами, павлиньи перья на голове у танцовщицы.

По инерции он еще держался, стараясь совсем не рассыпаться в комплиментах и не упасть под стол, целуя павлиньи ноги. Но чем дальше, тем больше хмелея, Омар начал клевать носом над блюдцем с инжиром и кешью, подражая домашней птице, и, словно в бреду, сквозь туман и пар, поднимающийся от стакана с горячим чаем, наблюдал за павлином и слушал, как тот что-то говорит ему.

— Помоги, помоги мне, — просил павлин, — помоги!

— Чем?

— Если бы ты знал, как я мечтаю улететь отсюда, куда глаза глядят!

— Я тебе помогу, — заверял Омар. — Я спасу тебя, вытащу из этого рабства.

Так они беседовали в полусне, пока Омара не разбудил и чуть было разом не отрезвил истошно-радостный визг Лубват.

— А вот и Шахбаз! — вскочила с места Лубват Тигровая. — Легко на помине! Что называется, вспомни дерьмо — и всплывет оно.

Не понимая, о чем идет речь, Омар спросонья посмотрел на бассейн фонтанчика, затем заглянул в чашки.

— Шахбаз, Шахбаз, иди к нам! — замахала Лубват руками. И через секунду знаменитый форточник-помытчик сидел уже за пластиковым столом с пластиковым непроницаемым выражением лица. Все стерильно, все одноразово. А в такой сифилитичной компании только так и можно.

К счастью, Шахбаз тоже был навеселе и тоже клевал массивным мясным, как у индюка, носом о заячью губу. Красные веки почти закрывали его глаза. Он сидел, сторбившись и кутаясь в свой дырявый пиджак, словно не хотел ничего вокруг замечать. Придя с улицы, Шахбаз был замерзшим, а в тепле впал в коматозное состояние. Даже странно — как такой широкоплечий здоровый мужик может так искусно сгибаться и складывать плечи?

Подумав так, Омар снова склонился носом над пиалой, словно подражая Шахбазу. В какой-то момент Омару показалось, что он уже разговаривает не с павлином, а с индюком.

— Помоги мне, — просил Омар на птичьем языке Шахбаза, вспомнив, как это делала павлиньиха.

— Как? — угрюмо шевелил индюк Шахбаз отвисшей губой.

— Вывези меня завтра из страны, как контрабанду, как редкое животное, по поддельному паспорту. Я ведь уже превращаюсь в животное. Продай на родине моей невесте Гюляр. Уверен, она заплатит хорошую цену.

— Вывезу, — отвечал индюк, — но только не завтра. Завтра начинается праздник выборов. Завтра сюда пожалуют наблюдатели и послы со всего мира. Аэропорт будет под усиленным контролем. А ни ты, ни я не умеем летать сами.

— Я умею, — не соглашался Омар, — я умею летать в клюве у белолобого гуся, как маленький Нильс.

— А у тебя есть документы и деньги? — интересовался Шахбаз.

— Документов нет, а денег по вашим меркам есть много, — бахвалился Омар.

— Тогда только железной дорогой, — предложил Шахбаз, — и за очень большие деньги. Но ты не бойся, найдем тебе нормального проводника.

8.

— А на каком языке ты мне дал слово? На птичьем? — не унимался Омар.

— Да, на нашем горно-птичьем наречии.

— Почему Кашевар превратился в транзитную страну наркотрафика? — проверял Омар Шахбаза как мужчину мужчину через рукопожатие.

— Потому что людям нечем больше жить. Белый порошок — единственное средство к выживанию. Для этого здесь все и разрушали. Вся промышленность и все сельское хозяйство. Для этого людей низводили до уровня тварей.

— А откуда этот порошок?

— Из страны смерти всех империй. Из страны горных псов.

— Ладно, чего-то мы здесь засиделись. Пора мне работать, — прервала идиллию их беседы Лубват. — Давай вставай — и поехали.

— Куда?

— К бабушке — здесь недалеко. Только деньги вперед!

Омар не совсем понимал, зачем его ведут к бабушке. Но с другой стороны, он был рад отдаться волнам течения, уносящего его из тихой запруды кафе. Он рад был попасть в компанию, решающую за него его проблемы ночлега. Сам он пока не был способен ни думать, ни принимать решение.

Омара вывели под руки на улицу, где он чуть протрезвел, закусив зелье долькой желтой луны и занюхав его газами свежайранового воздуха. Здесь на вокзале все по-другому, огляделся Омар, ибо кашеварский вокзал — невообразимое действо! Великое вавилонское столпотворение людей, ожидающих посадки на поезд № 6 Кашевар — Москва. Даже не вавилонское, а Ноево. Сотни и сотни навьюченных травоядных, выслушав жвачку одного и того же объявления, скопом рванули на платформу. Они тащили свой нехитрый скарб, а среди них не в меньшем количестве сновали хищники и мародеры.

Только подгулявшая компания вышла на привокзальную площадь, как была атакована десятками посредников по продаже билетов на заветный поезд. «Вот он, мой шанс ускользнуть из этого города целым и невредимым. Пора убираться подобру-поздорову», — рванулся было Чилим вперед. Но Лубват и Шахбаз крепко держали его под руки, поясняя, что все эти доброжелатели, предлагающие посадить за энную сумму в купе к проводнику, — аферисты и охотники за чужими деньгами. И обманут — как два пальца обоссать. Опытный Шахбаз отмахивался от досаждающих налево-направо всей пятерней, ибо два пальца только привлекали их внимание.

9.

— Ну, все, мне надо пи-пи, — пытался хоть на минуту сменить направление колеи своей судьбы Омар, когда они скрылись в подземном переходе. А еще — когда они после вышли с другой стороны тоннеля и пошли по железнодорожной насыпи. Где-то там, прячась в закутке тени за фонарным столбом, под шуршание гравия и мочи Омар и увидел страшное зрелище — мимо него, набирая ход, проследовал скорый поезд № 6 с зарешеченными окнами, из которых торчали руки и головы женщин и детей.

— Их перевозят, как скот на бойню, — ужаснулся Омар, чувствуя, как пустеют и холодеют его мочевой пузырь и душа. Интересно, почему при таком

положении народ не летит самолетом, который стоит примерно столько же?

Этот вопрос он задал Шахбазу, вернувшись к новоиспеченным под чай друзьям, и тот ему отвечал, что почти все пассажиры везут с собой значительный багаж и на самолете они заплатят сотни долларов за перевес. И потом, пограничный контроль в Шереметьево и Домодедово гораздо более серьезный, чем на наземных переходах. Если через Илецкий железнодорожный переход вполне реально провезти почти все что угодно, лишь уплатив фиксированную мзду пограничникам на таможне, то в Москве все хуже — там могут развернуть или даже определить в обезьянник за паспорта, полные штампов о депортации из России.

Омару пришлось согласиться с разумными доводами Шахбаз. Согласился он и с тем, что скоро пол-Кашевара переберется в Россию, ибо грядут смена климата и засуха, за которыми неизбежно великое переселение народов.

А вообще, было что-то странное в том, что он находился в компании криминальных элементов — воров и убийц, рецидивистов и мелких мошенников-аферистов. Здесь, в пограничном месте, у ворот в неизвестность, он блуждал с ними по неосвещенным тупикам вокзала.

— Ты мне точно поможешь? — обращался то и дело Омар к Шахбазу, стараясь разговаривать, чтобы не заснуть прямо на ногах.

— Я же тебе дал слово! — уверял Шахбаз. — А знаешь, что такое слово горца? Могу тебе рассказать историю про слово. Однажды к нам в кишлак заглянул охотившийся правитель со своей свитой. Только что о скалы поранился его любимый сокол. «Распрямите мне сокола», — обратился правитель к горцам. Слово «распрямите» означало: дайте сокола, умеющего плавно парить под облаками и камнем падать на добычу. Аксакалы кишлака поклялись падишаху и, недолго думая, сделали все буквально, положили птицу на камень и накрыли тяжелой глыбой. Через несколько часов «распрямленный» труп предъявили отдохнувшему падишаху, посетовав, что клюв не распрямился. С тех пор все падишахи и султаны обходят наши места стороной. Ибо если горец что пообещал, то он разобьется в лепешку, но сделает, — клялся и божился Шахбаз.

10.

Дальнейшее Омар помнил еще более смутно. Помнил, как он раскачивался на надувных грудях Лубват, все так же плывя по течению, помнил, как стал задыхаться и тонуть, а потом Лубват обхватила его спасательным кругом своих пухлых бедер.

А дальше, когда они выбрались на берег железнодорожной насыпи, он видел, как Лубват роется в карманах его брюк и рубахи. Как она стоит на берегу с красным лицом, словно маяк, как кричит и машет руками, словно подавая знаки проплывающим кораблям или поездам.

Но вместо кораблей появился Шахбаз, грозясь учинить над Омаром расправу, если тот не заплатит за танец любви. А пьяный Омар просил его о благоразумии, мол, как он будет в таком случае избавляться от трупа.

— Как всегда, — отвечал Шахбаз, — брошу в озеро — и дело с концом.

— А говно не тонет, — отвечал, едва шевеля губами, Омар.

— Зато говно слишком много воняет! — Возражения Омара так сильно взбесили Шахбазу, что дальше наступило полное беспамятство.

Очнулся Омар там, где встретил Лубват, на берегу озера, уже обобранный до последней нитки. По крайней мере, шелковой рубашки на нем уже не было, и он пытался натянуть на себя стебли подвернувшейся под руку сон-травы и аира болотного, он же татарское зелье.

Омар обнимал пушистые бутончики и выдернутые из земли темно-бурые корневища и сам ужасался тому, как низко пал, проведя ночь с Лубват. Ибо род уличных проституток — самый низкий в касте и опасный для здоровья. Самые грязные шлюхи. К тому же Лубват была наркоманка. Наверняка больна какой-нибудь заразой. А он не помнил, использовал ли презерватив.

— Какое же я животное, — сладко улыбался полупьяный Омар, — не успел расстаться со своей Гюляр, как залез на самую падшую женщину. Лучше бы я этого не делал. Она кольнула несколько раз и сразу поплыла. Несла какой-то бред. Рябая, огрубевшая, как у старой рыбы, кожа. Только щекотно было.

Или это Омара щекотала своими усами влажная от росы трава?

Глава 3

Амальгама души

1.

Спал я как убитый. Может быть, потому, что весь день накануне пытался разгадать шахматную задачу с одиннадцатью конями и тринадцатью ферзями, проведя за доской часов одиннадцать-тринадцать.

Однако по старой привычке проснулся рано утром. Часов в семь я открыл глаза и осмотрелся.

Все понятно — попугай Элиот случайно включил компьютер и он же, полоща горло водичкой, вешал время от времени что-то невнятное с экрана монитора. Нет, он не отражался, он был внутри.

По первому каналу — я словно погрузился в новый сон — четыре кандидата, нацепив на себя маски попугая, медведя, обезьяны и бульдога, устроили театр абсурда. В России готовились к выборам, и галдеж в ящике стоял такой же, как в общежитии.

Теледебаты в такую рань! Они что — издеваются? Какой дурак будет переводить будильник, чтобы послушать весь этот бред. Максимум, ради чего он вскочит, — чтобы выгулять собаку. Ему и своей цепной псины достаточно.

Но ублюдкам-кандидатам все нипочем. Их задача — пробраться в дома избирателей, пока никто не видит, и украсть самое ценное и важное — свободу выбора.

— Понаехали тут, понастроили! — кричал депутат в маске попугая. — Всех в Монголию за черту оседлости.

Депутат в маске медвежонка, как у панды, — белый верх, черный низ, докладывал, что в стране жить все лучше и веселее, удои растут и пшеница колосится.

Оказывается, не только я, но и все в этой стране живут двойной жизнью. Думают одно, а говорят совсем другое. Ну прямо как у нас в Кашеваре, когда хвалят политику эмира и мэра.

Лучше уж продолжать спать и видеть сны о родине. Тем более снилось мне весьма оригинальное и захватывающее зрелище. Будто кто-то в маске коня — не я ли? — пытается убежать от полицейского с кокардой-вороной на фуражке и резиновой дубинкой в руке.

Но где бы я ни пытался спрятаться, четверо в масках неизбежно указывали на меня пальцем как на главного и самого опасного врага России! Заметив меня в очередной раз, полицейский стал громко свистеть в свисток. А может, это был сигнал о прекращении первого раунда дебатов? Или кто-то настойчиво звонил в дверь?

2.

Кого это нечистая несет? Прокравшись в прихожую на цыпочках и взглянув в глазок, я увидел двух мужчин в детских карнавальных масках попугая и обезьяны. Наверное, купили в отделе игрушек в универмаге, что напротив Конюшенной, чтобы под покровом утренних сумерек угрожать мирному населению очередными выборами. «Голосуй сердцем, а то проиграешь».

— Давай, Стюарт, открывай, — громко сказал один из них по-кашеварски, — мужской разговор есть.

«Ага, сейчас, разбежался!»

Слышать они меня не могли, открывать я им не собирался.

Но тут, к моему ужасу, намекавший на мужской разговор достал связку ключей и начал ковыряться в замочной скважине. От его нехитрого маневра меня охватил такой ужас оледенения, словно его отмычка проникла мне глубоко под ребра.

Опомнившись, я бросился назад в комнату. Не рискнув вызывать полицию, я схватил штаны, сотовый телефон, шахматную доску, на которой все еще были расставлены шахматы, мешочки с фигурками, и спрятался в потайной зеркальный шкаф.

Я все делал быстро, на инстинкте. Шахматы собирать времени не было. А постель я не разбирал. У себя в кишлаке я привык спать на матрасе или циновке прямо на глиняном полу. Здешний ковер был толстый, как матрас. Белье я стелил только для Кэт и уже выстирал его. Посуду я тоже старался сразу помыть, а мусор выкинуть — вдруг неожиданно нагрянет хозяин. К счастью, я и сейчас спал на полу и по-прежнему из осторожности не оставлял никаких следов. Тут же я сообразил отключить на телефоне звук и вибрацию. А заодно и защелкнул заблокированную стоящую на ролах дверь-зеркало.

Сидя в шкафу, я еще надеялся, что это друзья-родственники хозяина пришли проведать-покормить Элиота. А заодно и покормить себя и накатить по пюмочке-другой.

Но если это его друзья, то они наверняка знают про зеркальный тайник и я долго незамеченным не останусь. Сквозь затемненное стекло я видел не только свое искаженное, словно в негативе, отражение, но и все пространство комнаты.

К моему облегчению, явившиеся гости были все не друзья Грегора Стюарта. Не успели они проникнуть в квартиру, как тут же принялись за обыск: открывали все подряд ящики, доставали из них одежду, брали с полок книги и заглядывали под диван. Они явно что-то искали. Может быть, деньги, которые Грегор оставил для Элиота? Они поступали точно так же, как и я в первые часы пребывания здесь.

3.

Вот она, моя амальгама. В действиях этих пришельцев я видел себя трехдневной давности. Я так же вторгся в чужое жилище. Так же копался в чужих вещах.

Но самое интересное — мне было неприятно от их присутствия так, будто они копались в моих личных вещах. Ужас! Неужели за несколько дней, надевая одежду Грегора, принимая его пищу, проживая

в его квартире, я настолько перевоплотился в хозяина? Неужели мы так склонны мимикрировать под окружающую среду, неужто мы и правда лишь то, что мы едим и пьем?!

Уж сколько раз говорилось о личной территории. Вот едешь ты в метро и занял какое-то место. И на каждой остановке новые пассажиры воспринимаются с агрессией и дискомфортом, как претендующие на твою территорию. И вот теперь, глядя на двух пришельцев в масках попугая и обезьяны, я воспринимал их как агрессоров, покусившихся на мое кровное. А еще я вспомнил учение Буль-Буля Вали. Этот весьма почитаемый у нас в кишлаке святой говорил: если Бог создал человека по образу своему, то дьявол создал обезьяну, подражая Богу. И еще — внутри тела каждого из нас живет обезьяна. А внутри черепа, словно в золотой клетке, сидит попугай. И это все проделки дьявола. Ибо нельзя сажать зверей в клетки и, как попугай с обезьяной, повторять чужие слова и чужие действия.

Может быть, охватил меня теперь мистический ужас, это попугай, который уже живет здесь и клетку которого я перенес на кухню, чтобы не смущаться от его пристального взгляда! И вот он, выбравшись, предъявляет свои права на эту жилплощадь. А еще ищет меня, чтобы отомстить.

4.

— Нашел, что искал? — спросил по-кашеварски один из незаконно проникших в квартиру.

— Не нашел, — второй тоже ответил на родном для меня наречии.

— Нет. Их нигде нет! — сказал первый.

До этого оба не проронили ни слова.

— Тогда уходим. Наверняка он спрятал их у себя в фонде, или положил в ячейку в банке, или взял с собой в путешествие.

И тут до меня дошло, что причина их вторжения — шахматы, а не деньги и прочие ценности. Уж лучше бы я оставил их на том месте, где они лежали со вчерашней ночи. Нашли бы и успокоились! А запонки с камнями они не взяли, хотя один из них покрутил их в руках.

Не успели взломщики уйти, аккуратно закрыв дверь, как я бросился к окну. Приподняв чуть-чуть шторку жалюзи, я увидел, как один из двух вышел из подъезда и направился, подняв воротник, вдоль по Конюшенной.

Но где же второй?

Второй, в шляпе, вышел минуту спустя, но не пошел по улице, а, встав в арке дома, закурил сигарету.

Он курил и смотрел на мои окна так пристально, что у меня побежали мурашки по спине, и я поспе-

шил отступить вглубь пространства, надеясь остаться незамеченным. Но что дальше? Как же мне выйти на встречу с Кэт? А на работу? Я ведь еще сегодня хотел пойти поговорить с бригадиром. Объяснить причину своих прогулов!

Если меня вдруг уволят, а вернувшейся хозяйин Грегор Стюарт не оценит моей услуги и напишет заявление в милицию, что я буду делать тогда? Меня депортируют, и я вернусь в Кашевар, чем ужасно расстрою мать. Единственная надежда на безбедную старость и гордость — это я. Мой брат такой бездельник, что не хочет работать и копить деньги на дом и свадьбу. Он отчаялся найти себе жену и бродяжничает по Кашевару с дрессированной обезьянкой. Клоунничая, рассказывая истории и показывая номера на базарной площади, он зарабатывает какие-то гроши, чтобы тут же спустить их на раку. А я вот выбился в люди, уехал и стал тягловой лошадейю.

5.

Как мой брат не поймет, что всем в нашем мире приходится несладко. После того как я ночами разгружал вагоны, мои руки и ноги дрожали, как у загнанной издыхающей лошади. А однажды я так перенапрягся, что чуть не порвал селезенку и не сдох на месте. Но волков бояться — в лес не ходить. После тех мытарств, что я здесь пережил, меня лысым чертом не напугаешь. Какие могут быть мысли о смерти, когда дело касается любви?

Кэт, Кэт, боже мой, через полчаса она должна уже прийти на свидание. Мы договорились встретиться под окнами дома у Шведского переулка. Что же делать? Как быть?

И тут мне в голову пришел сколь безумный, столь же и гениальный план. Я уже сообразил, что чересчур похож на хозяина квартиры. Особенно верхней частью лица. Надев кроссовки и брюки спортивного покроя, я намотал поверх поднятого воротника кожаной косухи алый шарф. Получилось достаточно стильно, чтобы бояться заглянуть судьбе в лицо. Набрав воздуха в грудь, я взял шахматы и вышел через парадную на залитую золотым листом улицу.

Надо было видеть удивленное лицо смотрящего. Он даже выронил сигарету из губ, когда увидел, как я вальяжной походкой распыниваю листву. И тут, пристально посмотрев в сторону кашеварца, я как ни в чем не бывало начал удаляться прочь и по-дальше.

Я шел и спинным мозгом чувствовал, что меня ведут. За год работы рикшей я отлично научился чувствовать и слышать, что творится у меня за спиной. Время от времени я смотрел на часы. Пять минут второго. Десять. Пятнадцать. В витринах ма-

газинов я видел свое отражение. Я смотрел и не мог нарадоваться, что у меня за спиной нет массивного груза и мне предстоит бежать налегке, как ипподромному скакуну, а не тягловой лошади.

Ну все, пора. Я достаточно далеко увел шпика, чтобы успеть вернуться и встретиться с Кэт. Пятнадцать минут мне хватит, чтобы добежать до дома. С телегой я прошел бы это расстояние минут за двадцать пять. А налегке, думаю, за пятнадцать минут справиться можно.

Зайдя в подворотню проходного дома, я пускаюсь легкой трусцой, затем перехожу на аллюр. Я слышу за спиной ветер сквозных дворов и топот приближающихся ног. Думаю, мой преследователь понял, что я собираюсь линять, и решил настигнуть меня в подворотне прежде, чем я рвану напрямик.

Ну, с богом, — пускаюсь я в полный галоп. Даже если он возьмет такси, думаю, ему не хватит и двадцати минут, чтобы доехать до моего дома по перегруженному центру. Замучается разворачиваться и преодолевать пробки. Поспеть за мной, я думаю, он тоже не сумеет.

Я несся и чувствовал, как концы красного шарфа развевались на ветру. Я вновь был лошадейю, я бежал, высунув красный язык. Я уже был не рад тому, что попытался жить чужой жизнью. И вот теперь я опять стал лошадейю. И это чувство, что я снова являюсь собой, что я равен самому себе, наделяло меня крыльями. Я будто превратился в мифического крылатого коня Тулпара, и пробирающийся до лопаток питерский ветер помогал мне лететь.

6.

К счастью, Кэт уже ждала меня в условленном месте. Схватив ее под локоть, я силком потащил ее к машине.

— Куда ты так торопишься? — возмущалась она. — Я могу сломать каблук.

— Сейчас увидишь, — только и мог ответить я, помогая ей усесться на переднее сиденье.

— Мы же договорились играть в шахматы. Надеюсь, на этот раз ты меня не обманешь?

— Не обману. Шахматы со мной, — показал я доску.

Заведя «ягуар» с пол-оборота, по Большой Коношенной мы вылетели на Марсово поле. Затем под кирпич рванул на Миллионную. Но даже при таком грозном моторе я все еще чувствовал опасность. Ощущение, что теперь я не тягловая лошадей, а мифический конь, сила которого превосходит миллион лошадей, на этот раз не принесло мне удовлетворения. Я сам был не рад, что вляпался в эту жуткую

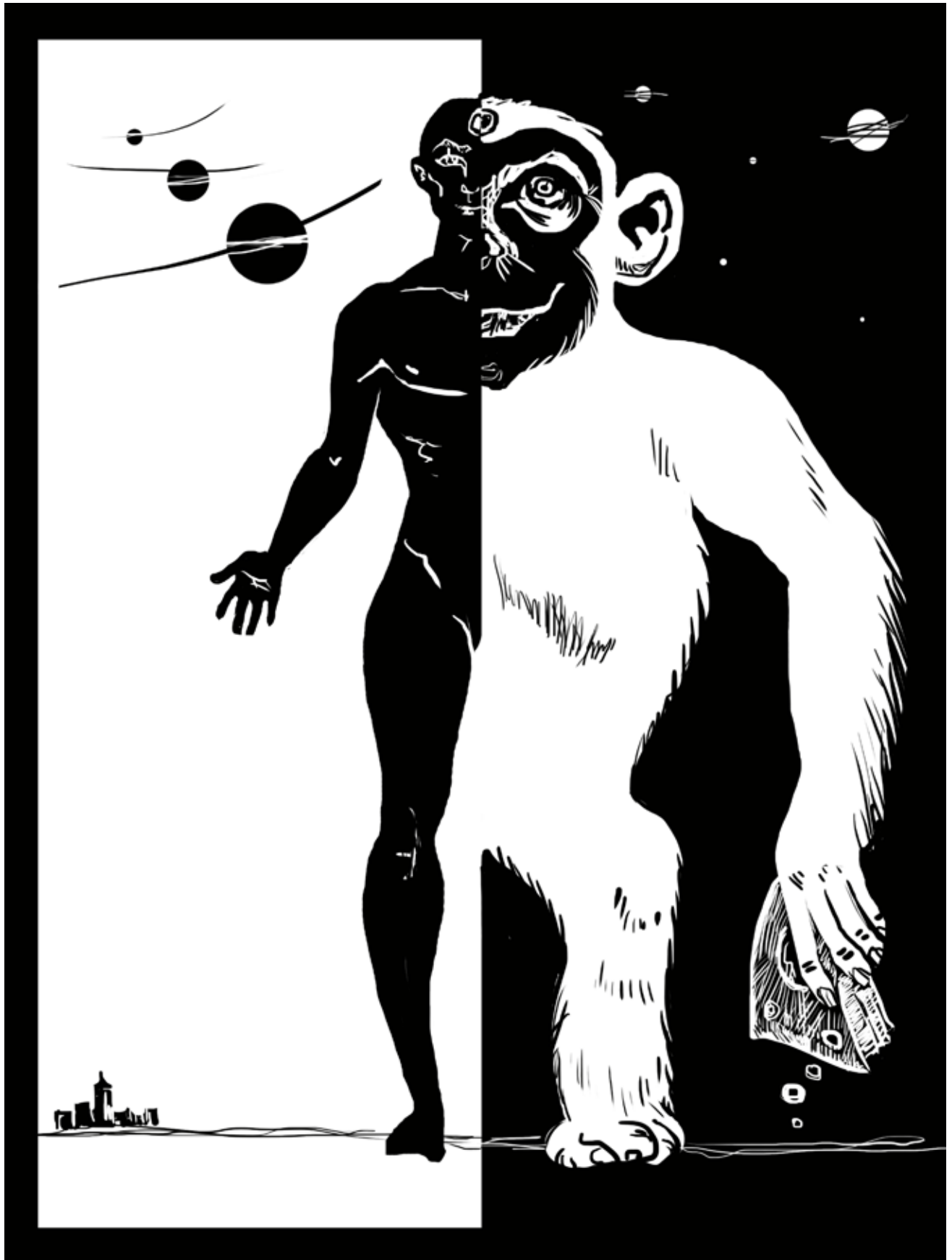

Рисунок Елизаветы Горячевой

историю, что влез в чужую шкуру и вот сейчас сижу на чужом месте.

Надо будет рассказать Кэт всю правду. Если я ей по душе, она примет меня таким, каков я есть. А если нет, то сам виноват.

Но рассказывать о таких вещах, сидя за рулем, было не с руки. К тому же я постоянно смотрел в зеркало заднего вида, не появился ли за нами хвост.

Да и язык не поворачивался признаться в обмене. Вот привезу ее в свою берлогу, решил я, — и она все увидит своими глазами и сама все поймет. Единственное место, куда я мог сейчас отвезти Кэт, была моя конура в Купчино. Там, в рабочем общежитии, я жил со своим напарником и лучшим приятелем Мухой. Под половицей у меня были спрятаны некоторые сбережения. Гиблое место, в которое ни одному охотнику за шахматами в голову не придет сунуться.

— А куда мы едем? — спрашивала меня Кэт тем настойчивее и беспокойнее, чем дальше мы удалялись от центра. — А что мы там будем делать?

— Для начала я познакомлю тебя со своим другом, — с трудом подбирая слова, вдавливая педаль до упора. Визг тормозов почему-то напомнил мне лошадиное ржание. Так реагирует лошадь, увидев не красный свет светофора, а красное зарево пожара.

— Это тот, которому ты давал поиграть в эти шахматы? — еще больше насторожилась Кэт.

— Нет, — покраснел я и отвернулся, понимая, что запутываюсь в собственной лжи, — другой, ты его еще не знаешь.

Глава 4

Бега мадагаскарских тараканов

1.

Вдали, во всполохах зарницы, городская цитадель раскинулась на холмах столь естественно, словно коралловый браслет, оброненный с кисти небесной покровительницы Кашевара. Оборонной цели крепость уже не служила, являясь, скорее, памятником архитектуры. Стены с отверстиями бойниц, проделанными для стрел и солнечных нитей, чередовались с башнями. Последние выделялись крупными камнями-бусинами. В одном месте пластина стены была разрушена, словно в порыве страстного штурма цитадели дерзкий атакер порвал юбку и бусы. В образовавшейся брешке виднелся заваливающийся минаретик соборной мечети, отчего у Омара закралось подозрение: а не четки ли с тридцатью тремя башенками это украшение?

Но чем бы цитадель ни являлась, именно к ней вместе с толпой направлялся Омар Чилим. Путь ему указывали и освещали радостные, сияющие лица «марширующих хором». Еще до прилета в Кашевар Омар знал, что в честь общенациональных выборов в республике будет объявлен выходной, а на предвыборные прилавки для поднятия настроения выставляют кушанья и ракию по бросовой цене. Власти не скупились, собираясь привлечь к урнам рядовых граждан. А чтобы праздник состоялся не только для желудка, были устроены общенациональные гулянья с бесплатными представлениями на главных площадях города.

Праздник — по принципу «На улице идет дождь, а у нас идет концерт», — как давняя национальная традиция Кашевара, должен был состояться в любую погоду.

Но самое главное зрелище, и это кашеварцы прекрасно знали, будет на республиканском стадионе, и туда с утра пораньше направились толпы зевак, чтобы успеть занять места получше.

2.

«Выборы сегодня, в четверг, — подумал Омар, смешиваясь с возбужденной толпой, — чтобы на следующий день, в пятницу, объявить в мечетях о победе эмира и мэра. А слова имамов, призывающих к смирности, — закон». Недавно, по образцу других мусульманских стран, выходным днем назначили пятницу, а арабицу заменили латиницей. Наверняка в выходной, после праздничного намаза, все прихожане, вразумленные и успокоенные имамами, поспешат к своим уже приготовившим вкусные обеды женам.

«Вот они, наивные работяги-ремесленники, идут и радуются, как малые дети, свалившемуся на голову празднику», — вместе со всеми радовался Омар. Однако, присмотревшись внимательно, он заметил, что вокруг него что-то неуловимо изменилось. Нет, он все еще шел по центральному проспекту, но толпа стала намного крикливей и развязней. Уже слишком много агрессивных парней в спортивных костюмах и прыгучих кроссовках «Пума» окружало Омара. Если многие вначале были, как и он, обнажены по пояс, то сейчас они надевали на себя одинаковые майки. Благо такую футболку сунули в руки и Омару.

Остро пахнущая биомасса, стоило только добавить немного специй-провокаций, взрывалась аплодисментами и речовками. До Омара слишком поздно дошло, что колонна организована, а ее лидеры выкрикивают экстремистские лозунги. «Неужели эти фанатики — сторонники Гуроба-ходжи? — испугался Омар. — И им поступил сигнал захватить власть

в городе?» Мало того, стоило посмотреть прямо, как становилось понятно, что толпа как раз двигалась в сторону цитадели, где, по представлениям Омара, и располагалась резиденция правителя Кашевара.

Заподозрив, что излишняя агрессия может вызвать повышенный интерес полиции, Омар хотел уже вырваться из людских тисков. Но тут же поспешил опять затеряться в людской гуще, потому что процессия уже была взята в плотные клешни оцепления. Если начнется буча, лучше убежать или прорываться всем скопом.

3.

Лишь после того, как колонна спустилась по откосу, обогнув тридцатитрехбашенную цитадель-крепость, и вышла к гигантскому, свитому из стальных балок и огромных прутьев гнезду стадиона, Омар успокоился. Он понял, что эти возбужденные молодые люди — футбольные фанатики. И что они всего лишь выкрикивали имена своих кумиров, а не двигались в сторону Манежной площади.

Зажатый в клюв толпы, Омар буквально влетел на стадион. Внешне он ничем не отличался от фанатов, у которых люди в униформе с надписью «Беркут» билетов не потребовали. Единственное, у турникета последнего кордона его обыскали ищейки с тонкими усиками-щетками.

«Может, оно и к лучшему, — решил Омар, — конечно, можно было бы закосить под клиента Большого базара, но там шпиков значительно больше. И если так и слоняться, ничего не покупая, то легко привлечь к себе внимание. А здесь шпики и развернувшиеся к трибунам полицейские вынуждены следить за каждым. Ведь каждый из фанатов способен выкинуть финт и бутылку, поджечь пластиковое кресло или намочить пластиковый стакан».

Проникнув на стадион и забравшись от греха и химического пожара подальше, на самый верхний ярус, Омар с опаской осмотрелся.

Центральная республиканская арена Кашевара с высоты птичьего полета и вправду напоминала гнездо кондора, а где-то там, внизу, виднелись проплешины вытоптанного газонного покрытия, окаймленные земляными беговыми дорожками. На поле то там, то здесь — жалкое зрелище! — торчали клоки сухой травы, а коричневые беговые дорожки походили на ветки. Складывалось впечатление, что это птицы натаскали сухостоя и мха для утепления своего пристанища.

По краям поля радиусами-ярусами возвышались разделенные перилами трибуны со стоячими местами. Крикливые фанаты опирались на них руками и коленями, словно вцепившиеся в жердочку

пернатые. Рокот и клочкотание возрастали по мере наполнения стадиона. Лучшего места для укрытия Омар вряд ли мог себе найти. Сидячие места были лишь в выдолбленных в песчанике углублениях ВИП-ложе.

Постепенно все места заполнились пестрой разношерстной публикой, а диктор по мегафону объявил о начале городского праздника и открытии турнира на Кубок эмира и мэра, приуроченного к очередным выборам. Поздравив собравшихся со столь радостным и знаменательным событием, диктор между прочим заметил, что в матче примет участие сам виновник торжества — эмир и мэр («Он же диктатор», — слышалось между словами диктора), а за игрой будут наблюдать высокие гости и домочадцы из правящего колена.

4.

С трудом разобрав последнее объявление, Омар вытянул шею, балансируя на одной ноге и хлопая руками для равновесия, — так ему хотелось увидеть шестнадцатилетнюю принцессу, о которой столько уже говорилось.

ВИП-ложе находилась на противоположной от Омара западной трибуне для избранных. Над ложей простирался огромный балдахин из норки, и все в ВИП-ложе, как и вокруг нее, были одеты в дорогие материи и меха нежнейших животных.

На всем лежала печать преклонения перед силой зверей. Хотя многие дамы изысканно и искренне подчеркивали свою слабость перед агрессивным солнцем шляпками, что и было положено по протоколу. В этом году в моду снова вошли головные уборы с оперением. Даже на шляпке сидевшей по правую руку от эмира Примы Дивы колыхались розовые перья австрийского скворца, запуская по стадиону волну снова и снова.

Между раскачивающимися перьями Омар заметил дверь с табличкой «Запасной выход». Приглядевшись внимательно, он понял, что ВИП-ложе соединялась переходом-лазом с тайничкой башней цитадели, и наверняка этот проход вел прямо к резиденции эмира и мэра. Ведь неизвестно, где эмир больше проводил времени: на стадионе, наблюдая за скачками и побоищем футбольных гладиаторов, или в своей резиденции.

Впрочем, вскоре Омар уже не обращал никакого внимания на ВИП-ложу, так как на поле под оглушительный рев вышли кудесники мяча — бразильцы. Они прибыли в Кашевар специально для этого праздника по личному приглашению эмира и мэра для товарищеского матча против местной гордости — кашеварского «Барыса».

5.

Будучи страстным болельщиком со стажем, Омар следил за чемпионатами ряда европейских стран. У себя на родине он болел за коней, в английском чемпионате — за лисиц из графства Лестершир, во французском — за канареек из Нанта и львов из Лиона, в немецком — за весь бременский оркестр. Олени, совы, ягнята, волки и тигры — в любой премьер-лиге можно отыскать целый зоопарк. К сожалению, чемпионат Кашевара не передавали даже по спутниковому каналу, но, судя по игре барсов, местное первенство было весьма приличным. Или это бразильские пента-чемпионы отработывали полученные деньги, как им и положено.

«Уж лучше бы поскорее запустили на поле коней. Скачки куда больше подходят для кочек», — ругался Омар.

Но тут, забив свой дежурный пенальти и до блевоты наевшись беготней за пента-чемпионами, эмир и мэр попросил замены. И сразу — видимо, записные звезды долго подстраивались под специфические условия в виде запроваженных в лакированные ботинки *трикошек* правителя Кашевара, — кудесники мяча включили магию, и Кака стал перепрыгивать через рытвины, словно цапля. Эмерсон, Жуниньо, Зе Роберто, объевшись галлюциногенных кактусов, вошли в транс, превратились в муравьедов и ловили даже самую маленькую тень, норвящую проскользнуть в мир их защиты. Рональдо начал крутить финты в стиле Анаконды: качнет влево, качнет вправо, завораживая, гипнотизируя не только защитников, но и болельщиков. «Слушайте сюда, бандерлоги!»

А еще Рональдиньо, изучавший полет мяча по траектории полета летучих мышей, стал раз за разом прошивать оборону хозяев, налету меняя направление своего движения.

Команда-зверь, даже не зверь, а одиннадцатиединная химера с гигантскими ногами цапли, с сильным телом льва, готовая клонуть или ужалить змеиным языком в любой момент. Чтобы на фланге остановить Кафу, хозяевам нужно было наступить ему на крыло и на хвост одновременно. Говорят, такой сильный голеностоп у пента-чемпионов потому, что мальчишками они питались мясом пойманных ящериц, перенимая их силу и хитрость. А шкуры снимали как скальпы, чтобы шить себе первые мячи-тотемы и бутсы. Вот уже Роберто Карлос натягивает ритуальные бутсы на пятнадцать размеров меньше, чтобы выйти на замену и заколдовать удар.

6.

В перерыве между таймами Омар решил наверстать упущенное и познакомиться с местным чемпионатом поближе. Он спустился с трибун и пошел по рядам искать брошенную или оставленную программку, попутно надеясь найти недопитую бутылку с газированным айраном или пакетик с сочными пончиками — местным «попкорном».

Какого же было его удивление, когда продавцом футбольных программочек оказался тот самый торговец открытками и марками с центрального бульвара Кашевара.

— А, это вы? — улыбнулся фарцовщик. — Я вас прекрасно помню...

— Я вас тоже прекрасно помню, Фахад, и рад снова повстречать, — по-свойски взял у продавца программку Омар.

В турнирной таблице он обнаружил ястребов и тигров. А в части программки, отведенной скачкам, — «Жемчужину», «Алмаз», «Рубин» и «Топаз». Не зря стадион охраняли «Беркуты» из охраны эмира & мэра.

«Опять эти символы, — поморщился Омар. — Опять органическая природа против неорганической. И долго они меня будут преследовать?»

— Не морщитесь так пренебрежительно, — посоветовал продавец, внимательно следивший за Чилимом. — Этот матч — только разогрев перед основными соревнованиями-скачками, у которых большое политическое значение.

— Что? — удивился Омар.

— Кони, выставленные на бега, принадлежат равновеликим силам, влияющим на эмира, — пояснил Фахад, — так как принадлежат людям, составляющим тайный кабинет. И по тому, чей конь выиграет скачки, эмир будет принимать решение, так как полагается только на жребий, разыгранный жеребцами.

7.

— Мы можем поговорить наедине? — подозрительно осмотрелся Омар.

— Конечно, давайте где-нибудь присядем и поговорим, а заодно и перекусим, — воскликнул фарцовщик-филателист, — я и сам подумывал, что пора сворачиваться. Мне ужасно надоело торчать на солнцепеке и очень хочется посидеть за столом в приятной компании. У народа в Кашеваре не так много денег, чтобы они покупали программки товарищеского матча. Ибо программки на игре берут, когда хотят зафиксировать прошлое и почувствовать вкус настоящего. А марки покупают, когда нет

веры в экономику страны и люди мысленно прощаются с ней ради будущего. А сейчас как раз такое время, что торговля марками идет значительно быстрее.

— А если нет денег даже на марки? В Кашеваре столько соблазнов, что у меня почти ничего не осталось за душой, и я, боюсь, не сумею принять ваше приглашение отобедать, — вздохнул Омар.

— О чем это вы таком говорите, когда я вас просто приглашаю, — с улыбкой сделал широкий жест филателист и тут же сузил его немножко, указывая направление. — Знаете, за воротами стадиона на склоне крепостного холма есть недорогой бар.

Через пять минут они, напрягая мышцы ног и глаз, спускались по винтовой железной лестнице с высокими ступенями вниз, в мрачные катакомбы. К счастью, бар «Раки» действительно находился недалеко от стадиона. Он выглядел как самый большой валун среди валунов археологических артефактов и исторических полуразрушенных построек старого города. Омар и Фахад уселись на замызганные темными разводами сучков и покрытые красноватым лаком высокие табуреты.

«Не являются ли эти “Раки” одной из тюремных башен старого черного города, окружавшего раньше цитадель эмира и белый город?» — оглядывался Омар по сторонам.

Сидя за морено-дубовым столом под мрачными сводами, он наблюдал, как бармен периодически открывал краники, наполняя пенистым ячменным напитком кружки, по размерам больше походившие на маленькие ведра. Иногда бармен опрокидывал люк погреба и спускался туда прямо с кружками. Возвращаясь, он приносил заказанное пиво более темной окраски, словно тени подземелья селились в посудине. «Там, — подумал Чилим, — ключи от тайн этого города, от тайных источников, дающих черни силы пережить свои черные дни».

8.

Открыв лежавшую на столе папку в буро-красной коже эрзерумских быков, Омар увидел, что на первой странице меню посетителям предлагалось фирменное блюдо заведения — порция вареных раков и пенистое пиво.

Как только глаза привыкли к темноте, Омар заметил, что мало кто из посетителей дешевым ракам предпочитал огромных мадагаскарских тараканов — кукарачи, хотя последние появлялись в меню «бегущей строкой». По крайней мере, несколько тараканов точно пробежали перед его носом.

Омар потянулся к следующей книжке меню, надеясь там найти настоящий алкогольный прайс. Ка-

кого же было его удивление, когда, открыв книжицу меню на середине, он прочел:

Алмазная иголка бессмертия

(глава из второй книги)

К счастью, их забрали в вытрезвитель. Привезли, раздели, ошмонали, взамен изъятых ценностей и термобелья выдали куцее одеяло.

Сержант Ептышев обшарил карманы пуховиков и дубленок и нашел кучу остро наточенных ножей.

— Это что еще за новость? — вынул он несколько завернутых в бархатную тряпку ножей.

— Это скальпели.

— Скальп снимать? Так и запишем: холодное оружие в размере пяти штук... Зачем в пивной перо? Не иначе кого-нибудь кровушки лишить.

— Это для доктора, алмазные скальпели.

— Алмазные, говоришь? — посмотрел сквозь увеличительное стекло Ептышев. — А алмазы откуда? А еще учитель труда, епрст! Чему детей-то учить будешь?

Всю жизнь сержант Ептышев мечтал в ночное дежурство найти настоящее сокровище у подгулявших граждан в сильном подпитии, например печатку или сережки. «Хоть бы раз попался настоящий бриллиант, а не этот мутный Алмаз Алексеевич», — так думал Ептышев, пока не наткнулся на заточки.

Теперь есть повод доложить о хищениях на завод. Получить премию и повышение в звании. Давно уже волшебник Изумрудного города Диамант обещал тому, кто перекроет канал хищения продукции с завода, заплатить большие премиальные.

«И вот она, банда! Поймана с поличным!» — ликовал Ептышев. И кем? Им самим, епрст!

Заперев арестованных в камере, больше походившей на колодец или ледяную прорубь, Ептышев принялся строчить бумагу.

В неотопливаемом помещении, в одних трусах и майках они сели, прижавшись друг к другу спинами, чтобы согреться.

— Жалко, — выразил Яхонт Яковлевич общее разочарование, — не успели его порезать. Теперь он нас с потрохами сожрет.

— Не сожрет! — зло отвечал Рубин. Он знал, что все мужики подобрались крепкие, старой закалки. Ни один не расколется, даже если по пальцам будут дубасить молотком.

— Поднять бы его на вилы с алмазными наконечниками, раз не получилось утопить с помощью ледобуров.

Под эти сладкие мысли о вольной рыбалке и закемарили. А утром пришла жена Рубина Ивановича Кристаллина. Принесла деньги, заплатила штраф, чтобы Алмаз Алексеевич и Ко не опоздали на работу. Но это мало что меняло. Отсрочка была временной. Делу уже дали ход. Алмаз Алексеевич, как всегда, придя на завод, принял горячий душ, переоделся в спецовку, затем отправился к станку. После бессонной ночи фрезеровать было непросто. Дырки в глазах двоились, словно лунки. Мысленно он вновь и вновь возвращался к той ночи, когда они орудовали ледобурами. «А надо было ледорубами», — корил себя Алексеевич. Думал, что не так все сделали.

Первым на встречу ходил Александр Ит. Вернулся довольный.

— Представляете, мужики, мне на выбор предложили: хочешь в Питере живи, хочешь на юга подайся. На курорт, в Кашевар.

— Почему в Кашевар?

— Да дело крупное хозяин там какое-то затевает. А что, нельзя? «Северстали» завод в Индии можно строить, а ему в Кашеваре предприятие нельзя?

— Значит, скоро в России тоже будут ходить, как в Кашеваре, в драных халатах, и каждый второй будет неграмотным и нищим, — пробубнил Яхонт Яковлевич.

Где-то ближе к вечеру к Алмазу Алексеевичу подошел начальник смены и сообщил, что его ждет хозяин. Точнее, вызывает. Алмаз Алексеевич поднялся по железной лестнице — наверх, в контору. Прошел по коридору и очутился в офисном здании. Здесь чисто и светло. Подвесные в клеточку потолки, новые перламутровые двери и аквамариновый линолеум.

Кабинет с двумя красавицами секретаршами находился на последнем этаже. Пройдя по коридору, Алмаз вошел в предбанник кабинета шефа, где находились аж три молоденькие девицы. Как на подбор: рыженькая, беленькая и темненькая. Почти раздетые, разве что прикрытые щавелевым листком.

— Тьфу ты, стыдоба! — Почему-то в сознании всплыли ходившие по заводу слухи о том, будто хозяин вывозил таких курочек в «Кур и щавель».

Сам Алмаз Алексеевич уже давно стал замечать, что его больше возбуждают одетые, чем раздетые женщины. Наверно, это старость. С одетыми у него был шанс отделаться легким флиртом, найти пути к отступлению. А здесь, в кабинете, он был приперт тремя девицами к стенке. Там он сидел на стуле, ожидая своей очереди и смущаясь, пока его не пригласили в кабинет.

Холеный, красивый, со здоровым цветом лица хозяин чувствовал себя в огромном помещении кабинета вольготно. Отполированные подлокотники

крутящегося стула отражали хризопразы светодиодных ламп, спрятавшиеся в пазухах подвесного потолка, словно у Христа за пазухой.

— Здравствуйте, Алмаз Алексеевич, вы, наверное, уже догадываетесь, зачем я вас пригласил? — поздравившись, перешел с места в карьер хозяин приисков.

— Предполагаю, — сухо ответил Алмаз Алексеевич.

— Что же, это разумно. Вы уже знаете, что мы бы хотели перевести наше предприятие в Петербург — в свободную экономическую зону. Но с собой мы бы желали взять только проверенных, честных и трудолюбивых людей. Но тут — вот незадача! — нам из милиции одна бумага пришла о возбуждении уголовного дела. Понимаете, о чем я?

Алмаз Алексеевич молчал.

— Я думаю, вы человек честный. Тридцать пять лет уже работаете и доросли до мастера. Такие кадры нам нужны. И в то же время мы не можем оставить без внимания инцидент со скальпелями. Я вот что думаю, Алмаз Алексеевич, если вы пойдете нам навстречу и чистосердечно признаетесь, кто вас надушил, какая у вас сеть, то мы тоже сможем пойти вам навстречу и закрыть дело.

— А можно мне кипятку сначала выпить, — попросил Алмаз Алексеевич.

— Агаточка, принеси, пожалуйста, чаю и кофе, — попросил Диамант по коммутатору. И тут же принялся вновь уговаривать Алмаза сдать всех своих подельников. И тогда он останется в обойме завода.

Через минуту, *ляцкая* каблукками, вбежала с расписным подносом красавица брюнетка Агата.

— А можно, я письменно все изложу? — попросил Алмаз, выслушав хозяина.

— Да пожалуйста, — протянул листы формата А4 Диамант Петрович. Принимая их, Алмаз Алексеевич сделал как бы неловкое движение, и листы разлетелись по комнате во все четыре стороны. Рефлекторно Диамант принялся их ловить и собирать. В одну секунду Алмаз Алексеевич высыпал в чашку кофе горстку микроскопических отходов производства — алмазных крошек. В книжках по истории, которыми увлекался Алмаз Алексеевич, он читал, что таким образом убивали императоров Византии и Рима, жрецов Египта и Вавилона, шахов Индии и падишахов Ирана, королей Франции и герцогов Англии. Осколки через кровь попадают в сердце и рвут даже самую эластичную мышцу. А еще могут прорвать желудок или кишку и вызвать перитонит.

— Спасибо вам за все, — поблагодарил Алмаз Алексеевич хозяина, когда листы бумаги были собраны. — Вы так чутки. Давайте, что ли, чокнемся

для храбрости. Выпьем за процветание завода, прежде чем я напишу то, что хотел.

Диамант, чувствуя некоторую неловкость от всего происходящего, чокнулся со стариком. И большим глотком выпил всю чашку. Потому что кофе надо пить, пока тот горяч. Лучше ощущаются вкусовые качества.

Алмаз Алексеевич, чуть отпив чая, сел на стул и написал заявление об уходе. Внизу заявления он подпisał: «Сожрал? Как бы кишка оказалась не тонка».

Глава 5

Слеза богов

1.

Остановив «ягуар», я попросил Кэт подождать немного в машине. Мой напарник и приятель очень стеснителен и мог стусеваться при неожиданном появлении красивой девушки.

— Хорошо, — поморщилась Кэт. Ей явно не понравилась идея сидеть одной в дорогой машине в маргинальном районе.

— Я мигом, — крикнул я, уже поднимаясь по лестнице.

Так и есть. Приятель лежал на своей кровати в спортивных трико, закинув ногу на ногу и отгадывая какой-то сканворд. На пятке, как незаполненные клетки сканворда, красовалась цепь мелких дырок.

— Привет, ты где пропадал все это время? — сел он на кровать, завидев меня. — Почему на работу не выходишь? Мне срочно пришлось тебя подменить. После того, как я с ручной тележкой свою смену отбегал, еще за тебя в твою телегу впрягаться! А иначе бугор грозился тебя уволить. Злой он очень.

— Так и подошвы недолго стереть, — ответил я по-кашеварски. — Спасибо, брат.

— Я серьезно. Мы все беспокоились. Где ты был? Где взял такие понтовые кроссовки?

— Жил у девушки.

— У девушки?! У какой еще девушки?!

— Сейчас увидишь! Она через пять минут заглянет к нам в гости.

— Она где? Внизу? — его глаза округлились от испуга.

— Да, сидит внизу в машине. — Я придиричиво осматривал комнату. Пыльный пол, не первой свежести покрывала. Немытая посуда. Барахло на стуле. А еще в углу примостился пакет.

— Тогда я ухожу! — вскочил с места и начал судорожно метаться по комнате Муха. Он кружился, не зная, за что схватиться.

— Куда ты? Оставайся! Чаю вместе попьем!

— Не-не, — отнекивался он, — мне уже на работу пора лететь.

Покружив по комнате, поканючив-поворчав, Муха уселся на стул и начал переодеваться. Я сел на кровать и, чтобы не смотреть на Муху, устался в угол.

Не помню, откуда у меня появился этот полиэтиленовый пакет. Просто увязался за мной с одной из дружеских посиделок-вечеринок после тяжелой смены. Такой черный пакет с огромными зелеными глазами и подписью вместо усов «Кэтс». Каких только слов не выдает сладострастный язык, мне ли не знать! Может, этот пакет был выпущен в рекламную поддержку мюзикла «Кошки». А может, так называется фирма или даже корпорация. В общем, кто разберет, кто поймет этих кошек?

— Кэтс, — вспомнив о Кате, я схватил барахло со стула и засунул под кровать. Потом стремглав сбегал по лестнице, чтобы пригласить Кэт на чай с молоком. Она нехотя вышла из цивильной машины на неприглядную окраинную улицу. Вальяжно вошла в общежитие, где спешно собравшийся приятель чуть не сшиб ее с ног. Кэт недовольно вскрикнула, а Муха и носом не повел. Сделал вид, что знает меня не знает. При этом он глаз не отводил от Кати. Можно сказать, съел ее глазами, предварительно раздев.

2.

— Ну и где твой друг? — спросила Катя, когда мы вошли в квартиру.

— Вот он, — указал я на пакет. А что мне еще оставалось делать? Как выкручиваться?

Пакет я оставлял возле дверей нашей с приятелем холостяцкой конуры. Я полюбил этот пакет, сам не зная за что. Иногда, просыпаясь на боку, первым делом я видел его, свернувшегося, как и я, калачиком и смотрящего на меня зелеными глазами.

«Интересно, что скрывается за его гладкой, блестящей на солнце сиамской шкурой и выразительным взглядом?» — думал я и тут же вспоминал весь вчерашний день. У меня есть особенность. Я, как тягловая лошадь, никогда не возвращаюсь домой с пустыми руками. Всегда стараюсь притащить какую-нибудь добычу — будь то сыр, хлеб или кефир. Словно у меня семеро щенят по лавкам.

Я прудомой все, что попадает под руки: бесплатные рекламки и открытки в магазинах, оставленные газеты. Возвращаясь, я выгребаю содержимое почтового ящика и прудомой целиком домой, загрузив в свой пакет, чтобы разобрать утром.

И всюду, куда бы я ни шел в последнее время, я обязательно брал с собой этот черный пакет «Кэтс»

на привязи-ручках. Хотя кошки и гуляют сами по себе...

Скоро он, наверное, изотрется и прохудится в углах. Или у него оторвется ручка и он убежит во свояси на помойку. А жаль, как-то я к нему тоже привязался. Что-то я чересчур доверчив и сентиментален.

— Забавно! — улынулась Катя.

— А знаешь, где я его подобрал? Смотри, однажды вечером я ехал в вытянувшемся, как такса на поводке, троллейбусе и увидел старуху в дождевике, хотя целый день не было дождя и ничто его не предвещало. В таком странном полиэтиленовом дождевике с капюшоном и с ушками-уголками на голове. Она держала на коленях большую коробку, в которую умиленно заглядывала, а иногда и залезала морщинистой рукой, делая нежные поглаживающие движения. И ее губы, как две морщины, шептали нежности. Содержимого коробки мне не было видно. Возможно, она носила дождевик, как плащ, для тепла. И разговаривала с тем, кто находился в коробке, потому что ей не с кем было больше поговорить. Но у меня закралось подозрение... я подумал: раз нет дождя, то, возможно, и в коробке никого нет.

— И что тут такого? — спросила она, недоуменно распахивая большие кошачьи глаза, за которыми, я знал заранее, скрывается пустота. — Мало ли странных людей!

— Просто подумал, — пожал я плечами, — подумал, что тебе интересно услышать... Но дальше будет еще интереснее, потому что дальше один пассажир, сидевший передо мной, встал и направился к выходу. Я проводил его глазами. Смотрел, как он выскочил на остановке и побежал под проливным дождем. Так он бежал, пока не растаял в ночи. Только после этого я перевел взгляд на сиденье и обнаружил этот черный пакет. Он лежал, сжавшись комочком.

Что делать в такой ситуации? Отдать пакет водителю троллейбуса? Мы уже подъезжали к конечной остановке, и я решил посмотреть, что в пакете. А вдруг там бомба? И может, как только я коснусь пакета, кошка выпустит когти и раздастся мощный взрыв? Все тогда были напуганы серией терактов.

Я решил вынести пакет на улицу и уже там посмотреть, что в нем лежит. И если там не бомба и не мусор, а какая-нибудь ценная вещь, то пакет я бы вернул водителю. Троллейбус минимум минут десять стоит на конечной. А если бомба... почему-то от этой мысли мне стало страшно за бабушку с коробкой.

3.

В общем, я аккуратно взял пакет и уже собрался с ним выйти, как в салон ввалился контроль.

— Ваши билетки! — подошли они сразу ко мне. Потому что у бабушки, ясен перец, пенсионный проездной. А больше никого и не было в троллейбусе.

Но откуда у ишака алмаз? Забыл тебе сказать, что на работе я тогда получал не шибко, еще не научился ишачить и старался экономить на всем. В общем, я ехал зайцем, то есть билета у меня не было. Тогда контролеры стали требовать, чтобы я заплатил штраф. Иначе они угрожали забрать меня на пятнадцать суток в обезьянник.

Но денег на штраф у меня тоже не было, в чем я и признался им.

— Давай выворачивай карманы, — потребовал один.

— А что у тебя в пакете? — спросил другой, когда я вывернул все карманы и даже попрыгал на одной ноге, как цапля.

Что мне тут было делать? Признаться, что пакет не мой? Но тогда они меня точно сдадут ментам.

— Да так, всякая ерунда, — сказал я. — Если хотите, можете взять себе.

И тогда один что было сил пнул ногой прямо в этот пакет. А поскольку я держал пакет за ручки, досталось и мне, удар пришелся и по самому чувствительному месту. От неожиданности и боли я замаял, как раненый зверь.

— Чурка ты недорезанный, обезьяна небритая, глумиться над нами вздумал, — кричал тот, который меня не пинал. — Мы тебя, козел, кастрируем сейчас, понял?

Его слова показались особенно обидными и ранили сильнее, но я старался не показывать этого и сделать как можно более равнодушный вид. В итоге меня, израненного, на том же троллейбусе довезли в троллейбусный парк на другой конец города и там продержали в какой-то контролерской будке, походившей на собачью конуру. Никогда не забуду зрелища. Пустые троллейбусы стояли, опустив свои рога. В темноте горел лишь один тусклый фонарь над сторожкой, и мне показалось, что троллейбусы — стадо травоядных бизонов.

А я сидел, держа пакет на коленях, не в силах шелохнуться. У меня будто что-то порвалось внизу живота.

В общем, держали меня там контролеры до тех пор, пока не перестал ходить всяческий транспорт. Но за мной приехал грузовик-козелок с решетками на окнах фургона. Это была месть контролеров.

Милиционер в маске-респираторе схватил меня за ворот и втокнул в этот козелок. Затем меня от-

везли в какой-то санитарный отстойник, где приказали раздеться догола!

4.

— И что дальше? — спросила Катя, видимо, она заинтересовалась. Или, наоборот, поторапливала мой рассказ.

А дальше мне на голову приказали надеть полиэтиленовый пакет и отвели в специальную камеру. Я будто очутился в концлагере. Десятки голых униженных мужчин — гастарбайтеры и бомжи — окружали меня, пытаясь спрятать свои причинные места.

Я был абсолютно подавлен и выполнял все приказы. Когда я разделся, то понял, в чем причина ужасной боли. Амбал-контролер заехал мне ногой в пах так ловко, что собачка на молнии джинсов впилась в член. Я шел по коридору и держал себя за израненные причиндалы. Я плелся, буквально неся в ладони два яйца. Я держал их, словно они сокровища Фаберже, в то время как санитар меня обрабатывал какой-то смесью дуста и горячей воды под сильным напором из шланга. Особенно было больно, когда сильный поток горячего воздуха направляли на пах, выжигая все живое. Хотя, возможно, эта обжигающая дезинфекция газом мне была нужна.

А потом меня, обработанного, как животное, вытолкнули на улицу, и мне пришлось идти через весь город с пакетом. Я шел и смотрел на коробки с одинокими горящими окнами. Кто в них не спит? Почему?

Только на улице я решил посмотреть содержимое пакета. Оно оказалось как нельзя банально издевательским. Там лежали махровый халат, большое полотенце-чалма, остроносые кожаные тапочки для сауны, завернутый в газету ароматный веник и грушевая со сливовой настойки. Набор для маленького Мука, одним словом.

— Скажи, ты так шутишь? — спросила Катя после того, как целую минуту тарасилась на пакет.

— Да, — признался я, — мой друг просто ушел, прикрывая свои измученные причиндалы рукой.

— Очень смешно...

5.

Смешного здесь действительно было мало. Помня, как Муха раздраженно собирался, я беспокоился, как бы чего не вышло.

Муха всегда сверял по мне часы своего успеха. Мы из одного кишлака, и он с детства приходил ко мне узнать, что я делаю и что собираюсь делать. Ему было важно поймать не меньше рыб, чем я, за-

бить столько же голов в матче на пустыре, получить оценку не хуже, чем моя.

В общем, он на меня равнялся. А однажды, на день города, мы с ним надели лучшие спортивные костюмы, белые китайские кроссовки «Пума» и пошли прогуляться. И поскольку нам особо делать было нечего, мы решили зайти в музей, на выставку дорогих камней. В Эрмитаж привезли из алмазного фонда какую-то коллекцию. И вот мы с Мухой, пляясь больше на разодетых девочек, чем на картины, прошли по анфиладе залов и вышли к алмазной выставке, в центре которой красовался бриллиант «Слеза богов».

Вот эта была вещь. Огромный сверкающий камень будто и впрямь сошел с небес. А на нас рядом с ним без слез и не взглянуть.

Подойдя поближе к табличке, мы прочитали: «Я великий “Шах”, самый блистательный алмаз на земле. Я был соединен тесными узлами золотой цепи с самым влиятельным правителем Востока. Я вешу 88,8 карата. Я национальная реликвия Персии и был добыт в кровавом сражении у великих моголов шахом Надиром. Я жил и хранился вместе с алмазом “Коинур”, который украшает Малую корону британских королей, и алмазом “Орлов”, венчающим скипетр русских монархов.

Я был послан в Россию для важной миссии вместе с кронпринцем Мирзой-Якубом. Моей задачей было примирить двух правителей. Недоразумение между ними возникло в результате жестокой и кровавой расправы над русским послом Грибоедовым. Исламские фанатики растерзали посла так, что его можно было узнать только по искалеченному во время дуэли пальцу. Но скажу вам по секрету — исламские фанатики здесь ни при чем. Я свидетель, главные виновники — английские шпионы. Это они натравили эмира и фанатиков. Что не так уж и сложно было сделать после того, как две наложницы-армянки сбежали от моего повелителя под защиту к русскому послу Грибоедову. Тут тоже не обошлось без шпионских страстей. Британия не желала терять своего влияния в регионе. Повелитель так был разозлен, что искры его гнева до сих пор отражаются в моих гранях. В результате между Россией и Персией чуть было не вспыхнула война.

Миссия у меня была не из легких. Но я блестяще с ней справился и добился российского благорасположения. Вглядитесь в меня, и вы увидите в моем блеске мягкую улыбку и добреющие глаза русского императора. Все хорошо, что хорошо кончается. Однако по ночам мне снится исковерканный на дуэли палец Грибоедова, и я думаю, что я мог бы на нем покрасоваться. Ибо никто лучше поэта не скажет и не напишет о моей красоте.

6.

«Ты прекрасен, словно роза, убедился весь Шираз», — так поэтично описал мою красоту великий Хафиз, падишах всех поэтов из города поэтов, роз и соловьев — Ширази».

— Круто! — впечатлился Муха. Он, как любой восточный человек, почитал всякую роскошь и сверкающие побрякушки. — Вот бы с таким камешком подкатить к одной из этих цац.

— И не мечтай. Это все не для нас. Нам такой камешек никогда не видать.

— Почему же? — перешел на шепот Муха. — Можно заработать.

— Как? — еще тише спросил я.

— Я знаю ребят, которые привозят по мелочи героин из Кашевара, — признался Муха. — Если взять у них немножко и продать где-нибудь в клубе... А потом еще немного взять и снова продать.

— Ты рехнулся?

— Взять немного в одном месте и положить в другое. В общем, работа не пыльная — не то что наша. Сколько можно тяжести таскать? А здесь — сунул пакетик в карман и вынул в другом месте. А если расфасовать по пакетикам и самому приторговывать в клубе, то вообще можно быстро подняться.

— И не думай, мул! — дал я ему подзатыльник. — Выкинь из головы эту мысль! Тебя быстро вычислят и посадят. Подумай о матери.

После этих слов я стал с опаской смотреть на товарища. Я помнил, с какой жадностью и с каким голодом он всегда пялился на девочек. Я знал, что когда он увидел меня в дорогой одежде и с красоткой, его жаба задушила. Он наверняка решил, что я, отговорив его, сам героинем приторговываю. Иначе откуда у меня такие деньги?

Денег лишних у нас никогда не было. После Эрмитажа мы пошли до метро по Невскому, и там я увидел шахматиста Ваню. Ну, того самого, что помог мне с разгадкой шахматной задачки. Несмотря на глубокую ночь, он с приятелем доигрывал отложенную партию.

Фонари на Невском почему-то отключили, и фигурки было плохо видно. По крайней мере, я различал их с трудом. И тут Ваня взялся за слона и сделал им ход как конем.

— Что ты жульничаешь? — сказал ему напарник. — Это же слон, а не конь.

— Ой, я все время думал, что это конь. Ну, тогда тебе шах, — прочертил Ваня диагональ слонем, — и мат!

7.

— Представляешь, он играл почти вслепую — ведь у него один глаз стеклянный, и даже в этой ситуации, не видя доски, он выиграл партию.

Я рассказал Кате эту историю еще и потому, что очень хотел признаться в своем истинном социальном положении. Но она все приняла за шутку.

— Ты меня все больше удивляешь! — кокетливо улыбнулась Катя. — Если ты хотел меня шокировать, то у тебя это получилось. А теперь займемся шахматами?

— А может, тити-мити?! — предложил я, но тут же вспомнил, что эстонское правительство запретило играть в шахматы и одновременно заниматься сексом, ибо это принижает достоинство женщин и ущемляет их права.

— На этот раз ты меня не проведешь. Сначала шахматы, а потом секс!

Пришлось мне отказаться от своих поползновений и достать шахматы. Ох уж эта эмансипация! Если так дальше пойдет, то до добра это не доведет.

Я высыпал фигурки на кровать.

— Ой, как интересно! А что означает эта карта? И эти стихи? Почему ты не хочешь объяснить мне все подробности игры? Или это не правила игры? А почему тогда эти стихи здесь? А почему этих одиннадцать, а этих тринадцать? — затараторила Катя. Она завалила меня сотней вопросов еще до того, как я расставил фигуры.

— Тише, тише, — успокаивал я ее, — шахматы не терпят суеты. Давай, попытайся сосредоточиться и запомнить, как стоят фигуры.

— Ты что-то скрываешь от меня? — Тон Кэт становился все настойчивее.

Пришлось ей рассказать про нашу с Иваном догадку о кладе.

— Сокровища! — захлопала в ладоши Катя. — Это же здорово! Ты просто гений!

Она так радовалась. Признаться, мне было интересно и приятно общаться с ее непосредственностью.

— Придумала, — не успокаивалась Катя, — мне уже неинтересно играть в шахматы. Клад — это же гораздо круче! Давай ты быстренько отгадаешь загадку, а потом я тебя допущу к своим сокровищам.

— Не так-то это просто, — усмехнулся я. — Я вообще-то вчера полдня ее отгадывал и не отгадал.

— Но сегодня ты справишься. Я знаю, ты гений. Ты избранный, иначе тебе эти шахматы в руки бы не попались. Ведь ничего просто так не бывает. Ну, попробуй еще раз, умоляю тебя!

Ее вера в меня и восторженные комплименты в мой адрес невероятно льстили. Я снова расставил

коней и ферзей на доске и начал решать головоломку. Впрочем, я не очень сожалел об отложенном, вновь погружаясь в комбинацию на доске, потому что шахматы тот еще отвлекающий маневр.

— Ну, давай же, милый, думай и сублимируйся, — нервно ходила Катя по комнате. Несколько раз она выходила в общий коридор. Кажется, ее очень сильно волновала и заводила тайна шахмат. Она так переживала, что все это время не просила ни есть, ни пить. И туалет, кажется, нашла сама.

8.

— Смотри, — заметила Катя однажды, вернувшись в комнату и встав у постера, висевшего на стене, — карта на шахматной доске очень похожа на эту географическую карту.

— Действительно, — перевел я взгляд с доски на карту, прикрепленную над кроватью Мухетдина, прежде чем снова нырнуть с головой в задачку, — точь-в-точь карта Кашевара.

Мой приятель Муха очень сильно переживал за судьбу Кашевара. За экономику и политику. Что называется, патриот. Он даже каждую субботу ходил в интернет-кафе и читал электронные новости. И карту с флагом он повесил на стене, чтобы, по его словам, никогда не забывать о родине.

Несколько раз, утомленный задачей, я тянулся за поддержкой и лаской к Кате, но она ловко увертывалась.

— Нет-нет-нет. Сначала реши, а потом победителя ждет достойная награда. Обещаю осыпать тебя поцелуями с ног до головы. Я знаю, для вас, мужчин, это лучший стимул.

И вот спустя шесть часов мне удалось решить задачу. Я расставил фигурки так, что тринадцать ферзей не поражали друг дружку и одиннадцать коней. И нашел ту точку, которую поражали четыре ферзя и один конь, и то если его поставить в нужную позицию.

— Ты гений, — бросилась мне на шею Кэт, — я уверена, ты гений! Не зря я в тебя все это время верила!

Она буквально расцеловала меня в губы, лоб, шею.

— Ну-ну, — обнял я ее, пытаюсь на ходу перехватить град поцелуев.

А когда я стянул с нее одежду и излил свою страсть, а потом начал нежно гладить ее тело, то обнаружил на нем новые шрамы.

— Ты ездил на дачу? — спросил я.

— Нет, с чего ты взял?

— Да так, — вздохнул я.

Эти шрамы тут же спроецировались на мое сердце, и теперь оно ныло от боли.

Мне было так плохо, что я долго не мог уснуть. Ночью я даже встал, чтобы выйти покурить на бал-

кон. Я не курил, но так говорил мой приятель Мухетдин.

— Ты куда? — тут же встрепенулась заснувшая было Кэт.

— Пойду на общий балкон, подышу свежим воздухом!

— Обещай, что не оставишь меня ни сегодня и никогда, — приподнялась она на локте. — Мне это очень необходимо.

— Почему? — удивился я. — Откуда такая нежность?

— Просто мне с тобой очень хорошо, — промурлыкала Кэт. — Так хорошо мне еще ни с кем не было.

Выйдя на балкон, я долго смотрел на звезды. На созвездие Скорпиона, Большую и Малую Медведиц. Не знаю, почему, но от последних слов Кати у меня немного отлегло от сердца. Я задрал голову и увидел, как конь Пегас выкинул передние ноги, расправил крылья и вытянул шею. Большой Конь — Альфарас Аль-азам — мчался на полном ходу к своей мечте. В ночном небе мерцали Маркаб, Шат, Альге-ниб — пупок, плечо, повозка или седло коня. И где-то там же, среди них, была и моя звезда.

Глава 6

Раки

1.

— Здесь пиво, — шепнул Фахад после того, как бармен поставил на столешницу две гигантские кружки, — разбавляется красным вином и белым димедролом. Заметьте, это убогое, в виде грубого конуса кружки заведение находится у подножия ажурного белокаменного дворца эмира, что напоминает своим воздушным изяществом саму пену пивную.

— Почему его не снесут? — спросил Омар, сглотив изрядную порцию слюней вперемешку с пеной с рельефных краев кружки и растрескавшихся от жажды губ. — Трудно представить, что под стенами цитадели и резиденции верховного правителя и главнокомандующего может находиться такая забегаловка-блеваловка. Почему эмир не уберет ее из центра, ведь она портит вид всего ансамбля? Тем более она находится напротив мечети, построенной в честь защитников города.

— Мы и сами удивляемся, — развел руками Фахад, — но ходят слухи, что эмир не сносит это здание лишь потому, что оно напоминает ему о годах

студенческой юности и братских посиделках в этой дешевой, доступной студентам забегаловке. Впрочем, вам лучше спросить об этом бармена Ракина. Сколько себя помню, он здесь работает. Возможно, он застал еще те благословенные для Кашевара времена. Я же пока пойду и солью из своих «набухших почек» лишнюю жидкость.

2.

— Это правда? — с любопытством повернулся Омар к Ракину, как только филателист занял очередь отлить к «Тайницкому ключу».

— Когда-то их было двое не разлей вода товарищей, — начал Ракин, не повышая тона и не понижая его. — Они здорово друг друга дополняли. К тому же наш мэр и Буль-Буль Вали были так похожи друг на друга внешне, что их многие считали близнецами. А за внутреннее сходство — братьями. Народная молва гласит, что именно в этой забегаловке они поклялись изменить страну, чего бы это ни стоило. И это сушая правда, потому что я собственнично был свидетелем этой клятвы. У них была общая цель: помочь простым людям избавиться от красной чумы. В итоге они, кажется, добились своего, только простому народу от этого стало не легче, а, сдастся мне, намного хуже.

— Неужели так все и было? — глубоко вдохнул Омар, вбирая ноздрями запах перегара.

— Вот этим самым местом клянусь! — пошевелил ушами бармен Ракин. — Я тогда только устроился сюда и сам видел, как они клялись, добавляя в пиво собственную кровь. Только вот методами они расходились. Эмир Амир верил, что лишь политические преобразования помогут изменить страну, что ключи в руках у сильных мира сего, у политиков. И что главное — любыми средствами добраться до власти, ибо цель оправдывает средства. А Буль-Буль Вали считал, что начинать надо с себя. Мол, спасешься сам, и вокруг тебя спасутся тысячи. И что без нравственности и внутреннего роста каждого ничего в стране не изменится.

Балык-Малик уже тогда увлекся идеями мутаборитов и проявлял явную симпатию к этому движению. Он перевелся на геологический факультет университета и посещал лекции биологического, а Амир всеми правдами и неправдами пробился в партийную школу.

Впрочем, к концу учебы их дружба уже не была такой крепкой... — все тем же безучастным голосом продолжал Ракин. — А потом их дружбе пришел конец.

3.

— Почему? — удивился Омар.

— Эмир Амир связался со слишком хорошей компанией, с детьми высокопоставленных чиновников. Золотая молодежь, как сейчас говорят. И практически перестал сюда ходить. Он начал стесняться своей дружбы с Балык-Маликом. Да и последний становился все более и более религиозным. Он к тому времени уже стал мюридом ордена мутаборитов.

Впрочем, добравшись до власти, эмир не забыл своего товарища и даже предложил ему возглавить Академию наук. Или стать верховным муфтием Кашевара. Но Вали отказался. Он предпочитал приближенности к власти общение с простым народом и родной природой. Балык-Малик не гнушался тяжелой работы и нищеты. Поговаривают, что до конца своей жизни он предпочитал аскезу и изнуряющие геологические экспедиции. Уходил один в горы и проводил там целые месяцы, общаясь с птицами и рыбами.

Народная молва гласит, что в горах в какой-то момент он стал святым и ему открылся язык зверей. По другой версии, таким образом он просил наставления и помощи у ангелов. Но опять же — не для себя. Главной его целью по-прежнему было помочь простым людям. Для этого он и ходил в экспедиции. Все искал несметные сокровища.

— И что потом?

— А потом он погиб. Никто толком не знает, как и при каких обстоятельствах. Но однажды его труп нашли всплывшим в городском пруду. Уже изъеденный рыбами.

— Почему его убили? Нашли убийц?

— Кто его знает, почему? Может, потому, что он был из бедной семьи и слабого рода, из невлиятельного клана, но при этом сам сильно влиял на эмира. Возможно, кто-то из приближенных к эмиру завидовал этой влиятельности. И боялся, что если отшельник найдет сокровища, то он по дружбе может претендовать на должность министра внутренних и внешних дел. Слухи разные ходят. Только он к власти совсем не стремился. Не из того теста замешан был, — говорил Ракин, протирая стаканы.

4.

— Что за шум, а драки нет? — прервал их неспешную беседу вернувшийся филателист Фахад. — А ну-ка, официант, принеси нам еще чего-нибудь и чаю.

— Одну минуту, — удалился официант.

Чтобы развлечься, Омару хотелось больше историй. И он спросил филателиста:

— А помните, вы мне рассказывали об Александрийском Марко Поло — Ревесе Максуте-паше?

— Прекрасно помню, — сел на табурет филателист, — как не помнить? Это моя любимая история.

— Скажите, а он еще не посылал писем своей ненаглядной Жарият? Что с ним стало потом?

— Нет, Жарият не посылал, но скажу тебе по секрету, — тут он поманил пальцем Омара и перешел на шепот, — он писал еще кое-кому.

— Кому это?

— Тише, нас могут услышать, — он показал пальцем на снующих меж столиками официантов, — здесь любят бывать шпионы Гураба-ходжи. За свои тридцать серебряников им в дорогую ресторацию не судьба. Но за эти же деньги они готовы устроить любую провокацию.

— Ну, кому же он писал?

— Он писал самому эмиру Кашевара, — захмелевший филателист совсем разоткровенничался. — Однажды от него пришла телеграмма на специальный абонентский ящик.

— А вы откуда знаете?

— Потому что моя жена работает на центральном эмирском почтамте. Я ее туда специально устроил, чтобы через нее проходили все марки и открытки. Если бы вы знали, скольких сил и денег мне это стоило. Скольких людей мне нужно было подкупить и уговорить. Но зато теперь в мои руки попадают редкие образцы марок и открыток — и погашенных, и непогашенных. А я потом их перепродаю на улице. Такой у нас семейный бизнес.

— Неплохо устроились.

— Ну так вот. Она как раз дежурила в ту самую ночь, когда пришла предпоследняя телеграмма от Максута-паши. И вот представьте, приходит экстренная телеграмма на абонентский ящик тайной канцелярии. И вместо подписи в специально отведенном квадратике стоят две буквы: МП. Но мы уже знали, что эти телеграммы могут быть только от Максута-паши. И в телеграмме всего одна загадочная фраза: «Трубка мира раскурена».

— И что бы это могло значить? — Омар аж встал со своего места.

— Кто знает, кто знает!.. — заговорщицки улыбнулся Фахад. — Но это еще не все.

— А что еще? — так же заговорщицки спросил Омар.

5.

— Была еще одна телеграмма. Она пришла следом за первой!

— Какая? — Омар уже не находил себе места от любопытства.

— Э-э, молодой человек! Много будете знать, скоро состаритесь. Хотя вы, конечно, можете купить у меня эту самую вторую, вклеенную в открытку, те-

леграмму. По случайности она попала в мой архив. Нет, нет, не думайте, что я ее украл или заныкал. Просто в ту ночь я еще работал егерем эмирской почтовой службы. И мой маршрут как раз проходил между цитаделью и центральным почтамтом. И вот, не успел я стремглав донести первую телеграмму и не успела моя молодая супруга вклеить вторую телеграмму в открытку и запечатать сургучом в конверт, как позвонили из тайной канцелярии цитадели с тем, чтобы узнать: а не ошиблись ли мы и точно ли эта телеграмма от Максута-паши?

Но какие могут быть здесь ошибки? Жена подтвердила несомненность респондента.

— Зачитайте нам ее немедленно, — потребовали из резиденции по специальной линии. Возможно, этот требовательный голос принадлежал самому эмиру.

Пришлось, нарушая устав, взламывать печать и зачитывать телеграмму. Но вся беда была в том, что в этой телеграмме были только стихи, а их надо читать с выражением...

«Решений много, а точка одна...» — начал декламировать филателист, но, спохватившись, остановился.

— Как, скажите, моей супруге было справиться с этой задачей? Она аж затряслась от одной мысли, что эти стихи, возможно, слушает сам эмир и мэр.

«Что-то мне эти строки знакомы», — подумал Омар. Пьяные мысли путались, и Омар никак не мог вспомнить, где он читал эти стихи. Может быть, в сборнике Саади или Рудаки?

— Моя жена так волновалась, что, когда вскрывала конверт, порвала открытку, о чем было немедленно доложено в администрацию. На что оттуда поступило распоряжение не волноваться и довершить начатое, то есть уничтожить телеграмму целиком. Но сначала текст переписать на листок слово в слово и доставить срочно в администрацию. А если поступит еще хоть одна телеграмма, то тут же доложить о ней по специальной линии.

Ну так что? Хотите купить эту жемчужину моей коллекции? Открытка как раз сейчас находится у меня дома! Разумеется, я ее сохранил!

— У меня нет денег! — напомнил Омар пьяному Фахаду. — А иначе я бы обязательно купил.

— Но вы можете занять у кого-нибудь? — предложил филателист.

— Разве что у вас, — ухмыльнулся Омар. — Лучше вы расскажите, что было дальше.

6.

— А ничего дальше не было. Ни одной телеграммы от Максута-паши больше не приходило. Ни теле-

граммы, ни бандероли, которую так ждали в администрации. — Фахад замолчал, а спустя пять минут раздумий задал вопрос, ради которого и рассказывал свои байки: — Ну, так хотите купить у меня открытку?

Он снова предложил слона в мешке. Но Омар уже ничего не хотел. С каждой секундой голова его тяжелела от калорийного пива, а в глазах мутнело от темного пенистого хмеля.

— Что-то я в последнее время не могу разгадать ни одной загаданной мне загадки, — пытался подпереть руками свою тяжелую голову Омар. — Видимо, мне это не дано.

Фахад не соглашался, но и не возражал.

— А может, по правде говоря, — и тут Омар вслух высказал запретную мысль, неожиданно молнией сверкнувшую в затуманенной голове, — никакой Жарият-то и не было. А это условное название южной страны, но потом Ревес Максут-паша перестал доверять и явке Жарият и стал присылать не на этот условный адрес, а лично в администрацию эмира.

Странные письма без подписи и печати... Только МП... — это же «место печати»! А Ревес — значит «север», куда паша отправился. А «трубка мира раскурена» означает, что задание выполнено!

— Вы очень проницательный молодой человек! Как я до этого сам не додумался? — хлопнул себя по щеке филателист.

Дальше они сидели молча, погружившись в свои собственные мысли, словно барракуда в пучину. До тех пор, пока Омар, спохватившись, не щелкнул пальцами.

— Еще, — крикнул он бармену, — хочу еще историй и пива! Дайте сполна насладиться этой чудотранной гостью с Запада, которого уже три дня разыскивает, но не может найти полиция, потому что он якобы похитил лебедя из пруда-усыпальницы Буль-Буля Вали!

И лишь потом упер свой мутный взор в сучок на столе. И даже ничего не предпринял, когда его плотным кольцом окружила толпа.

Продолжение следует.

Галина ДАНИЛЬЕВА

Галина Данильева публикуется с 1989 года. Автор поэтических сборников «Молитва посреди зимы» (2003) и «Соло колокольца» (2007). Член Союза писателей Москвы. Дипломант поэтического конкурса к 110-летию со дня рождения Марины Цветаевой «Живое о живом». Стихи включены в ряд отечественных и зарубежных антологий.

Научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой с 1994 года, победитель конкурса «Лучший музейный работник — экскурсовод города Москвы» 2002 и 2006 годов.

Консультант ряда театральных постановок, кино- и телефильмов, посвященных жизни и творчеству М. Цветаевой.

Поэзия — это несказанное, сказанное единственно точными словами, для тебя, до тебя, тобой.

Поэзия для меня — спасение и свобода. Возможность петь молча. Надежда быть услышанной теми, кому слова моей песни покажутся своими.

Галина Данильева

Письмо Белле 29 ноября 2010 года

Писать — это втайне молиться о ком-то.

Белла Ахмадулина

Я помолюсь о Вас словами немудреными.
Не сочинив хорал, а сотворив поклон.
Я помолюсь о Вас молитвами дареными —
прабабушкин псалтырь, читаемый на сон.

Я Вас люблю — всего две жизни, вместе взятые:
шестидесятых звон и весь музейный стаж.
Студенчества года, на сессии разъятые...
Что прошлый? — новый век, он тоже, тоже Ваш.

Дороже всех затей — Ваш почерк ученический
и тот осенний том — пятнадцать лет назад.
И Ваша похвала, и мой отход панический
за плечи тех, кто был бойчее во сто крат...

Вас позабыть нельзя... И голос Ваш единственный
из ноября в декабрь — серебряную боль
над городской зимой, уставшей быть таинственной,
поскольку черный снег белить берется соль.

Я помолюсь о Вас... Припомню песни старые
и старые слова, истерзанные в кровь,
прощальные слова — до хрипоты — непарные:
рождение и смерть, разлука и любовь.

**Владимиру Высоцкому —
поэту, актеру**

Поэту «Браво!» не кричат —
о нем вздыхают, и молчат
и, провожая январь,
читают строки до зари.

Актеру — «Браво!» и «Виват!»
кричит и зритель, и собрат,
и даже спящая душа —
вослед по лезвию ножа.

Приходит день — окликнет он.
Узнаешь жизнь, как старый сон, —
не разгадать, не позабыть...
И метит в сердце: «Быть? Не быть?»

Январь — июль, как север — юг,
как крест его — под небом — рук.
Вне времени и вне наук
непостижимый рвется звук —

внедоказательно родной.
И понимаешь, что — живой.

* * *

Марине Цветаевой

Не спрошу Тебя о сыне,
не скажу Тебе о Боге...
Просто встречусь на дороге —
той, что мечена крестом.

Не напомним о Париже,
промолчу тоску о Праге...
Что доверено бумаге,
будет правдою... потом.

Не скажу Тебе: «Не надо!»,
не сорву с окна завесу.
В дальнем поле, ближнем к лесу,
вспыхну брошенным костром.

«Август — астры»... Август — флоксы...
А империя распалась.
Было — не было — казалось...
Сердце, горе!
Август — гром.

Медон

Марине Цветаевой

У окна, за закрытыми ставнями,
молча ждешь моего умиления,
и мурашек, и пенья гортанного,
и неровного сердцебиения.

Мудрый кот с забинтованной лапою
смотрит взглядом, как жизнь, немигающим.
Перекресток, дорога горбатая —
под акации цвет облетающий.

До Парижа с вокзала — проторена,
и размечена, и обозначена.
А в Москву — может, кем-то намолена,
может, проклята? Роком назначена...

В лес медонский, что с алыми маками,
шаг за шагом, все в гору, все кручею
ты уйдешь обниматься с закатами —
обжигать, обжигаясь. — Поручено!

У окна, за закрытыми ставнями,
молча ждешь, как живая, свидания,
как живущая снова и заново,
ждешь любви, а не слез покаяния.

Венчание в храме Большого Вознесения, что у Никитских Ворот, 18 февраля 1831 года

*...Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь мелодия...*
А. С. Пушкин

Единственный день февраля.
Остров у Вознесения.
Неведение календаря —
Гибель или спасение?

О, как же невеста бледна!
И локон на шее продрог.
Подвенечного полотна
Шлейф метелью лежит у ног.

Сквозь колокол — боль языка:
Нет слов, как она хороша!
Кольцо принимает рука,
Приемлет ли долю душа?

Мерцающий воздух плывет,
Лихом примет разбуженный —
Кольцо ли с руки упадет,
Крест ли — на платье суженой?

Медовые греют глаза.
Что вечность? Лишь в бездну окно...
Наталью хранят образа —
Мадонне бессмертье дано.

Кончается праздника тень —
Назавтра начало Поста.
Но нынче — мелодии день,
И жизнь гениально проста.

Единственный день февраля.
Благовест Вознесения.
Беспомощность календаря —
Вечность — без размышления.

Дмитрий БОБЫШЕВ

*Продолжение.
Начало в № 7–12 за 2009 г.,
№ 1–12 за 2010 г., № 1, 2, 3 за 2011 г.*

УВИЖУ САМ

ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ, КНИГА 3

Солнчий

Парадоксальный пример из грамматики: такого прилагательного нет, а эпитет — вот он, есть: как в названии этой главы, так и в стихотворении Юрия Иваска, посвященном автору этого человекотекста в первую же осень знакомства. Он поступил в точности как Ахматова — взял эпитафией мои строчки про освещенную солнцем дверь в котельню и далее написал свои.

Свидетельствую: Солнчий неузнаваемой
сторонкой, огибая, проходил.

Давид: и не в парче, а скрытый майкой.
Не из числа ловчил и заправил.

В них он не поспешил на многоточия: в двенадцати строчках целых шесть штук, и каждое (по мысли Евгения Шифферса) вводило в иное измерение! А царя Давида я получил за «псалмопевчество», то есть за стихи, обращенные к «ласковому и грозному» Богу, которые так понравились Юрию Павловичу. У меня сохранилась фотография той поры: яркая полоса света, упавшая на лицо и лоб, заставляет меня зажмуриться, а белесый и бледный Иваск весь, кроме кепки, оказывается в ореоле лучей. Так что непонятно, кому более подходит изобретенный им эпитет.

Все последующие годы мы сохраняли дружеский контакт заочно, а изредка и встречались. Он искренне желал, чтобы я сделался «фигурой наподобие Бродского или Раннита», как выразился в одном из писем, и действительно помогал чем мог: статьями, рекомендациями, напоминаниями обо мне влия-

тельным людям... А те две фигуры выдвигались на Нобеля, но получил тогда Чеслав Милош. Польша бурлила солидарностью, Папа был поляк, да и поэт своим творчеством оказался в пределах, исчисляемых высоким стандартом, вот он и стал лауреатом. Я в такую фигуру, конечно, превратиться бы не сумел — ни Вергилия, ни толпы не было за плечами. Скорее мог бы, нарочито смирившись, написать: «Мой дар убог, и голос мой негромок» вослед за Баратынским, который, несомненно, знал себе истинную цену. Но скажешь такое, и тут же тебе охотно поверят: да, убог, негромок... К тому же репутация у Евгения Абрамовича была сыздетства повреждена, и даже совместная обложка и парная публикация «Бала» с александр-сергеевичевым «Графом Нулиным» делу не помогла, а если выразаться в современной терминологии, «Нобелевка» (или — роль Пушкина) ему не светила, увы.

«А потому, что тихо незаметен», — объяснял Юрий Павлович в том же «Солнчем». И тут же утешал, подавая надежду:

Пройдет: и тот же Невский, и Бродвей,
и те же наши видимости сплетен.
Терпение, нелегкое, имей.

Нет, заметность изначальная очень даже была — с интервью и портретами в «Русской мысли» и «Континенте» благодаря усилиям Натальи Горбаневской. На Би-би-си честно не забывал меня Славинский. Да и Юрий Павлович старался по своим первоэмигрантским каналам, даже с помощью

иезуитов на «Радио Ватикана», имя мое провозглашать... Но «фигура» не получалась. С «видимостью сплетен» справиться было куда трудней, а по существу — невозможно. Годами, даже десятилетиями тянулась за мной все та же — «увел у Бродского Марину» — ситуация-инсинуация, описанная, как на духу, в первом томе этих воспоминаний, и именно для того, чтоб не осталось ни сплетен, ни даже их видимости. Не тут-то было. Инициированная, конечно, самим Иосифом, густая тень постоянно наводилась на меня из стана его приверженцев. Да и он сам подправлял в ней фокус, насколько я замечал по разным интервью, примеряя к себе (а не к себе, так к кому же?) то одно, то другое из его пренебрежительных высказываний. Религиозные стихи — не что иное, как «блажь неофитов». Задушевные, а может быть, и со слезой — не стихи, а «сопли». А выпустив энную книгу на английском, он, в точности как Евтушенко, фальшиво сочувствовал тем, кто не выпустил ни одной. Это было особенно примечательно при моих тыканьях-мыканьях от одного издателя к другому.

Не прав ли, не справедлив ли был Василий Павлович Аксенов насчет своего Алика Конского, сверхвлиятельного персонажа из романа «Скажи изюм»? И зачем все это им делалось — не затем ли, чтобы ярче выделить собственное сияние на фоне приглашенных других? Допустим, он — Моцарт, гений, а мы с Василием Павловичем тянем лишь на Сальери, так почему же вопреки легенде (кстати сказать, ложной) Моцарт нас травит? Даже как-то оригинально...

Любил он интервьюерам подкинуть аналогию с пушкинским поэтическим сообществом: мол, сам он — Баратынский; князь Вяземский — то Найман, то Лифшиц-Лосев, а Бобышев, пожалуй, Дельвиг. В уме: писал так себе, пил, жена ему изменяла, рано умер, и то со страху... Да, пусть будет Дельвиг. Почему же ему самому так приглянулся Баратынский — неужели только за отчество? Нет, чтобы Пушкиным объявить не себя, а — столь приблизительно, столь непохоже — Рейна. И чтобы интервьюеры (а с ними и читатели) замахали руками: «Что вы, что вы, маэстро? Вы и есть Пушкин. И — даже выше Пушкина!» Таков был пиаристый ход — предположительно, конем...

Юрий Павлович эту ситуацию видел, но переломить ее, конечно, не мог. В «фигуры» я не очень-то и стремился, однако не прозябать на пособия, а выжить достойно в Америке и получить какой-то респект входило в мои цели. Не раз я вспоминал наш давнишний спор с Иосифом: величие или достоинство, слава или признание знатоков? Каждый сделал свой выбор и получил свое.

Иваск был таким знатоком, и в воздухе иноязычной страны, где лишь разреженно витали молекулы русской культуры, наши общения были взаимно питательны. У меня сохранилась толстенная папка «гармошкой», набитая его письмами, главным образом с разбором новых стихов, которыми мы обменивались. Его затейливый почерк приходилось головоломно разгадывать, старенькая разболтанная машинка тоже выкидывала коленца, и порой он ставил свои пометы, вопросы, восклицания и крестики прямо на присланной рукописи, делал с нее ксерокопию и посылал обратно с запиской. Так мы обсуждали стихи о Ксении Петербургской — мои с посвящением Иваску и его на ту же тему с посвящением мне, мои «Звезды и полосы» и его «Римские строфы», которые он в результате довел до семиглавой поэмы по числу римских холмов. Он выделял плюсами отдельные строчки, я больше обращал внимание на то, как построено целое.

Юрий Павлович нашел себе издателя неподалеку от Амхерста в соседнем городке Холиоок. Им оказался хорошо известный мне Роман Левин. Иваск тогда чрезвычайно увлекся Мексикой, искал там (и находил!) соответствия с Россией, и это увлечение вылилось в длинную поэму «Завоевание Мексики», написанную организованным в строфы полураешником. Он усилил ее, добавив несколько более удачных, на мой вкус, стихотворений, и составил под тем же названием книгу, которую захотел издать у Левина. Я не стал его отговаривать, потому что, во-первых, нельзя было отнимать у Романа его шанс, а во-вторых, держать своего издателя под боком было исключительно удобно и для автора.

С этой книгой Юрий Павлович приехал провести нас с Ольгой в Милуоки. Я встретил его в аэропорту. После недавней кончины Тамары Георгиевны одинокий старикан выглядел неважно, но с каким-то жалобным вызовом. В черном пальто и синей вязаной балаклаве вместо кепки он походил на большую птицу.

«Милым Дмитрию и Ольге Бобышевым, уже немного мексиканцам», — надписал он книгу, имея в виду нашу прошлогоднюю поездку на Юкатан. Супербложка, марка издательства в виде карты Массачусетса, горделивое название *New England Publishing Co.*, бар-код Библиотеки Конгресса — в этом издании Ромы Левина все было бы хорошо, кабы не бумага: каждый лист ярко зеленел, и так — вся книга. Странно, что автор не замечал такого хлорофиллового неприличия или смирился с ним, как и с нелепым головным убором на своих сединах.

Впрочем, мексиканское наваждение у него сменилось приверженностью к барочному Петербургу, которым он восхищался, мешая восторг со священ-

ным ужасом в свою совсем недавнюю поездку в Ленинград.

Он побывал на Таврической улице в двух шагах от Вячеслав-Ивановской башни, и, как рассказывал, на него в квартире моей матери «глядели четыре пары карих глаз: Зинаиды Ивановны, сестры Тани, брата Кости и ваших, с фотографии на книжной полке». Костя сводил его к Смольному собору и монастырю, и это архитектурное торжество Растрелли стало для него одним из ключевых образов барочного Петербурга. Ходил он глядеть на Неву со стрелки Васильевского острова и видел «враждебно-прекрасный Петербург и воды многие...». И, конечно, побывал на Смоленском кладбище у часовни блаженной Ксении, которая для него была «мера большая».

Примерно неделю, включая выходные, провел он с нами в Милых Оках, и видно было, как за эти дни отдохнул он душой. Ольга расстаралась на застолье, а когда мы к вечеру оба возвращались с работы, Юрий Павлович оживлялся и, посмеиваясь, говорил:

— Как в детстве! Целый день ждешь родителей... А когда они приходят, тут только все и начинается.

В воскресенье отправились не в нашу Русскую зарубежную, а в Греческую церковь, чтобы заодно посмотреть зодческий курьез Фрэнка Ллойда Райта. С виду — летающая тарелка, это бетонное строение обнаруживало всю механистичность идеи архитектора: Бог как неопознанный летающий объект! Даже круглые окна по периметру напоминали устаревшие пропеллерные турбины. Внутри было крепко накаждено, и меня как-то сморило. Под студеным ветерком на паперти мы с Юрием (так он просил себя называть, и на ты) продолжали разговор то ли о поэзии, то ли о религии: свят ли Осип Мандельштам, которого оба боготворили?

Дома, пропуская Юрия в двери, я вдруг явственно представил на нем серо-зеленый мундир, серебристые погончики на прямых плечах, а на высоком стриженном затылке — военное кепи с алюминиевой пуговицей спереди. И испугался. Но он сам сказал:

— У меня перед Россией вина. Я служил.

— С оружием?

Он ничего не ответил, пожав плечами. Дальше я не расспрашивал, но без того догадывался, что по его возрасту — в войну, в Эстонии, в период отступления — он не мог не быть мобилизован немцами. Надеюсь, служил писарем, от силы — переводчиком. Их часть отвели в Померанию, где они сдались союзным войскам.

Я много позднее вступил за Юрия Павловича в клинч с Н. Богомоловым через журнал НЛО № 63,

в котором тот шибко напирал на эти обстоятельства биографии — еще шибче, чем КГБ, путивший Иваска в Ленинград и, что важнее, отпустивший его назад, даже шибче, чем Смерш, освободивший на Запад Н. Е. Андреева, единственного свидетеля, на которого ссылался Богомолов, да и то не свидетеля, поскольку сообщал он о мобилизации Иваска лишь в пересказе со слов третьего лица...

Шведский славист Уно Шульц запрашивал по моей просьбе Госархив Эстонии о службе Иваска в вооруженных силах Германии, и ответ был: «Сведений не имеем». Ну, и хватит об этом.

В самом начале жизни урбанской я обнаружил среди университетских привилегий возможность пригласить с лекцией какую-нибудь знаменитость со стороны. И решил устроить выступление Иваска перед моими студентами. Этому должна была предшествовать большая бумажная работа — подбить коллег на поддержку, выпросить ссуду на гонорар и прочие расходы у разных фондов...

Да и самого выступающего пришлось уговаривать: когда-то неутомимый путешественник, стал он тяжеловат на подъем. Но уж больно мне хотелось показать ему, как здесь хорошо! Заканчивались рождественские каникулы, и мы сговорились с ним на февраль.

— Только не на 13-е число, — попросил он суеверно.

И я перенес выступление на неделю позже. А как раз 13 февраля он в одночасье скончался в Амхерсте, идя на литературный диспут... Я взял билет, чтобы лететь на похороны, но в тот день все самолеты были отменены из-за бурана.

Когда я еще служил в «Астронавтике», я частенько повторял афоризм: «Минуты тянутся, а годы летят». Не знаю, какой мудрец его выдумал, может быть, и я сам. Но в университете на занятиях я старался иметь материалов с избытком, минуты у меня так и скакали, словно телеграфные столбы, а годы как раз тянулись вагонами от полустанка к полустанку, от семестра к семестру и от каникул к каникулам. И дотащились они до станции, которая называлась «100 лет Иваску». По этому поводу я напечатал юбилейную заметку в «Новом Журнале», № 248.

Столетие

Немногим поколениям в истории дарован такой опыт, как нам. Мы перешагнули внушительные рубежи — порог века, порог тысячелетия — и вступили в совершенно иную эпоху. Сама динамика времени затягивает, понуждает углубляться в новизну. Но

должны ли мы ради этого быть безоглядными и беспомытными?

Этот непрямой вопрос, в общем-то характерный для всех поколений, является сейчас решающим для сознания русских читателей и литераторов, перешагнувших к тому же рубеж несвободы. Какие из поглощаемых забвением имен необходимо перенести с собой в будущее? Ответ очевиден. Разумеется, имена тех, кто был свободен, чей ум и литературный дар развивались вольно в век идеологических деспотий и принуждений.

Таким умом и талантом был одарен Юрий Павлович Иваск (1907–1986), выдающийся поэт и просветитель, историк литературы и критик, яркая интеллектуальная фигура русского зарубежья. Иваск был рожден еще до революции и даже до Первой мировой войны, в Москве, в семье наполовину русской, наполовину немецко-эстонской, однако воспитывался в русской культуре. В 1920 году по понятным причинам семье пришлось перебраться в Эстонию, и вся дальнейшая жизнь Юрия Павловича прошла вне России. Происходили известные катаклизмы XX века, передвижения армий и гражданских людских масс, но молодого Иваска эти события неизменно заставляли за поисками знаний — в Тартуском, Гамбургском и, наконец, в Гарвардском университете, где он защитил докторскую диссертацию о Вяземском как литературном критике. В дальнейшем он преподавал русскую литературу во многих университетах США, а с 1969-го до почетной отставки был профессором Массачусетского университета в Амхерсте, где когда-то жила Эмили Дикинсон, чудо американской поэзии. Ныне прах Юрия Павловича покоится на том же кладбище, что и Эмили...

Однако еще в тридцатые годы он сам выступил как начинающий поэт. Его первые книги стихов были тепло встречены такими маститыми критиками зарубежья, как П. Бицилли и Г. Адамович. Интересно, что Адамович точно угадал и выделил удивительное произведение Иваска, счастливо сочиненное, даже как бы готовым услышанное им в просодии русского языка:

Пели — пели — пели,
 Пили — пили — пили,
 Поле — поле — поле,
 Пули — пули — пули,
 Пали — пали — пали.

В те же годы произошла его встреча, переросшая в доброе знакомство и обмен письмами, с Мариной Цветаевой, чью гениальную одаренность Иваск оценил в полной мере. О степени ее доверия к Иваску говорит тот факт, что, прежде чем возвратиться в СССР, Цветаева пожелала передать ему на хранение

С мамой — у собственного дома. Урбана, 1987 г.

свой архив. Проницательный Иваск эту почетную просьбу отклонил, поскольку дело шло к войне, и Эстония, как он и предвидел, вскоре оказалась под советской оккупацией. Он предложил взамен хранить архив в более надежном месте — в Базельском университете в Швейцарии. Существенная доля архива, книга стихов «Лебединый стан», воспевающих Добровольческую армию (из-за чего И. Эренбург отговаривал Цветаеву ее печатать при жизни), все-таки вышла в Мюнхене в 1958 году с предисловием Иваска и в авторской орфографии. Вкупе с публикацией цветаевских писем это положило начало «цветаеведению».

Но и на своих путях Юрий Иваск продолжал совершенствоваться как поэт, интеллектуал и историк. Он издал монографию о Константине Леонтьеве, эстетически близком ему философе, подготовил к печати ряд книг отечественных и эмигрантских писателей. Его перу, его воображению и уму принадлежат сотни статей и исследований о литературе, философии и поэзии, которые он печатал во многих периодических изданиях зарубежья. Он собрал и выпустил в 1953 году антологию «На Западе», в которой объединились поэты Первой и Второй волн

эмиграции, до этого разобщенные. Также в 50-х он был редактором нью-йоркского литературного журнала «Опыты».

Годы и годы, если не десятилетия, Иваск плодотворно сотрудничал с Романом Гулем, редактором «Нового журнала», постоянно печатая у него стихи, рецензии и эссе. Сотрудничество с «НЖ» продолжалось и после Гуля. Наиболее существенной публикацией была серия последовательных статей «Похвала российской поэзии», печатаемая из номера в номер. Иваск мечтал издать эту серию отдельно как книгу-эссе. Лишь много лет спустя, в 2002 году, его «Похвала» вышла в Таллине стараниями друзей Иваска. Эта книга подытоживает его размышления о поэзии и дает широчайший спектр литературных профилей — от анонимных авторов средневековых виршей и, сквозь всю историю, до младших современников самого Иваска.

Также посмертно был опубликован полностью под книжной обложкой его главный поэтический труд — вдохновенная поэма «Играющий человек (Homo ludens)», впервые появившаяся в журнальной версии в трех номерах «Возрождения». Поэма, написанная особыми семистишиями, представляет собой свободную композицию, содержащую яркие виды Европы и Америки, детские воспоминания, словесные портреты друзей, а также размышления об игровом начале в искусстве как о вечном, райском элементе, выраженном в земной конкретности, в самой радости жизни. В этом у Иваска была переключка с любимым им парадоксалистом В. В. Розановым, которому и в Раю мечтался малосольный огурчик с прилипшими к нему усиками укропа.

Недаром свою последнюю книгу стихов поэт назвал дерзко, заимствовав полемическое выражение у Пушкина, — «Я — мещанин». Однако в ней содержится уже не игровая, а, скорее, трудовая хвала Творцу. Образы строительной мощи вырисовываются в «Римских строфах» — по существу, целой поэме в семи частях, по числу римских холмов. И все-таки барочный рай для Иваска — это город Бартоломео Растрелли и блаженной во Христе юродивой Ксении Петербургской, которая подно-

сила кирпичики его строителям. В Петербург (тогда еще, увы, Ленинград) было последнее путешествие Ю. П. Иваска.

Он когда-то поддержал меня письмом в Ленинград, выловив мои стихи из самиздата, поддержал и после прибытия в Америку. Мы перезванивались, переписывались. Говорили о России, об отрицании ее, революционной, у Бунина, о нигилизме отчаяния у Георгия Иванова, обменивались надеждами на будущее. Все это есть в моем стихотворении, в те годы ему посвященном:

Юрию Иваску

— России нет, — желчь изливал Иван.
— И — хорошо! — юродствовал Георгий.
А что тогда гналось на Магадан
и мёрло в селах?.. Юрий был негордый.

Всегда, как и теперь, седебелёс,
он, видно, веял юностью такую:
хоть от острот и хохотал до слез,
но плакал над Марининой строкою.

Он пели — пели — пели написал,
и: пили — пили, поле, пули, пали.
По звукам Пли и Эль на небеса
вели доброармейцев Петр и Павел.

Но тон Парижской ноты был уныл,
а чистенький пейзаж новоанглийский
так и остался сердцу мил — не мил:
— Мне москвичи любезны, Вы мне близки.

Не в эльзевирах — вечный человек:
несомый папиросною бумагой,
по самиздату бродит в дождь и снег,
играя в мячик со святым Гонзагой.

Мы с Юрием в самом Раю — а где ж? —
постелем самобранку под-за кустик
и за Россию чокнемся: — Грядешь!
И малосольным огурцом закусим.

Продолжение следует.

*Продолжение.
Начало в № 4, 7–8, 10 за 2010 г., в № 1 за 2011 г.*

ИНДИЙСКИЙ ДНЕВНИК

3 ноября 1998 г., вторник

Родные мои, я на океане! Индийском! Называется Бенгальский залив, но это настоящий океан!

В Пури мы уже второй день. Наша гостиница прямо на берегу. Мы проводим молитвы на ее крыше, и все, что нам видно, — это только бескрайняя вода. Мы на краю земли. И, кажется, мы ошалели от такой свободы.

Все два дня Тэрасава-сэнсэй очень строг с нами. Началось — вчера, когда после восхода, который мы встретили церемонией на песчаном пляже, мы полезли в океанские волны, позабыв предостережение Учителя не заплывать далеко. Волны здесь действительно грандиозные, не чета морским, зазеваешься — могут утащить в открытый океан. Или так брякнуть о дно, что растеряешься — и захлебнешься. От одного такого удара я хоть и не набрал в рот воды, но ободрал ногу в кровь об обыкновенный песок.

Никто сразу не понял, почему Сэнсэй так рассердился из-за какой-то шалости. Нам уж очень хотелось использовать этот редчайший шанс окунуться в океан. Я и сам не до конца победил в себе горечь от строгости Сэнсэя. Думалось, вот, мол, он-то родился в Японии, в Исикаве, и не знает, что многие наши соотечественники так и умирают, ни разу в жизни не увидев океан. Но ведь именно потому, что там прошло его детство, он знает, как опасно играть с такими волнами. Ребенком он утонул в океане и только чудом был спасен: один особо настойчивый дядька продолжал откачивать его, когда все уже потеряли надежду, что сердце забьется, — прошло-то уже полчаса с момента остановки. Все мы прекрасно знаем эту историю, но моментально забыли о ней в самый ответственный момент.

А еще его наверняка достало, что мы ни хрена не ценим, что за все в этом путешествии отвечает практически он один. Поскольку мы не знаем языка, он сам договаривается о проезде, покупает еду, беседует с индусами, с японскими монахами, а мы

только потребляем и исполняем роль массовки. Он уже потерял голос, истрепал нервы — так хотя бы не заставляй его волноваться, когда он специально просит, уж это-то в наших силах!

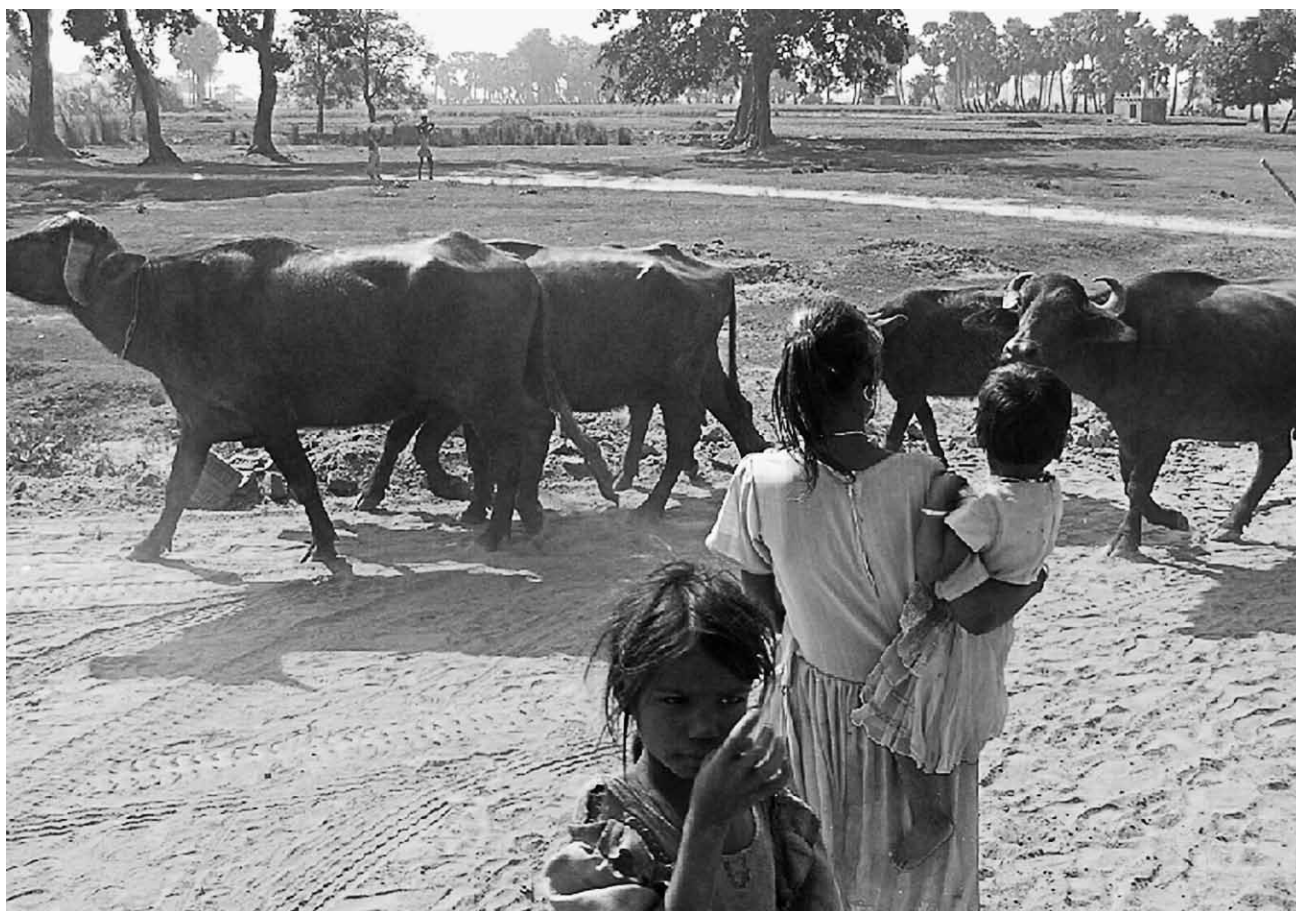
Но, несмотря ни на что, вечером Учитель угостил нас пивом, и мы разбрелись по берегу слушать шум волн.

А потом мне снилась моя женушка. Когда проснулся сегодня утром, долго еще было чувство, что ты рядом. Я поймал себя на каком-то твоём жесте, который сделала моя рука, до того твоём, что первое мгновение я ощущал эту руку как твою...

Мы спим тут под странными балдахинами-накомарниками, они отгораживают от остального мира, и не сразу разберешь спросонья, где находишься.

В Пури есть небольшой храм нашего ордена Ниппондзан Мёходзи — пристройка к мастерской, где изготавливают статуи Будды. Мы зашли в храм и в мастерскую, посмотрели, как работают скульпторы. Все очень просто, на полу, в каких-то юбках, стучат долотом по камню — получаются красивые изваяния.

Неподалеку отсюда, в местечке Бхубанешвар, Тэрасава-сэнсэй, когда ему было двадцать лет, построил вместе с другими японскими монахами свою первую ступу. Она отличается от других Пагод Мира, возведенных нашим орденом, как детский рисунок — от рисунка мастера. Не все в ней совершенно, кое-что кривовато, она похожа больше на летающую тарелку, чем на традиционную ступу. Но от этого она какая-то трогательная. И стоит в историческом месте, где было древнее княжество Калинга. Именно там произошло последнее сражение императора Ашоки, после которого он совершил глубочайшее раскаяние, дав клятву никогда не убивать и сделать ненасилие идеологией созданной им империи. У Ашоки все получилось. Он принял буддизм и строил свою политику, как внутреннюю, так и внеш-

Дети и буйволы Индии

ною, на основе этой религии. Свои принципы он на века высек в виде эдиктов на камнях и колоннах, которые до сих пор находят археологи. Такой камень есть и неподалеку от смешной, но искренней ступы, построенной нашим Учителем.

6 ноября 1998 г., пятница

Пребывание на океане было не таким уж долгим. Мы вернулись в Бодхгаю. Неделю нам предстоит провести в Международном медитационном центре, построенном тхеравадинскими монахами из Бенгала. Бодхгая быстро развивается, такие центры растут здесь как грибы. За шесть лет место Просветления Будды изменилось до неузнаваемости.

В этом центре свои порядки. Нужно соблюдать тишину, поскольку монахи и миряне постоянно сидят в медитации в сумеречных залах. Правда, иногда сюда пробираются ворышки. Одного из них, совсем пацаненка, настоятель вывел за руку из здания и сдал скучающим у ворот полицейским с бамбуковыми палками.

Прошедшие дни были сплошной гонкой, недосыпом и недоедом, но увенчались важным событи-

ем: мы сопроводили сюда из Патны шариру — прах Будды. Мы ехали рядом с шарирой в кузове голубого грузовика, убранного цветами, часов пять-шесть. Это в два раза дольше обычного. На пути в каждом поселке и городишке шариру встречали толпы индусов, буквально утопивших ее в оранжевых цветах, похожих на чернобривцы. Мало того, они засыпали наш грузовик взрывами сухой краски с блестками, отчего наша одежда стала разноцветной. При этом все кричали восхваления Будде: «Бхагаван Будда! Будда ван! Буддам саранам гасчами!» Крики иногда были прямо-таки истошные, а толпы — абсолютно стихийные. Хотя попадались и выстроенные по линейке школьники в одинаковых костюмчиках. Грузовик охраняли непальские солдаты в праздничной форме, с желтыми перьями на шляпах. Непальские — потому, наверное, что непальцы считаются буддистами большими, чем индусы, а значит, более ответственными по отношению к праху Будды.

Всем заправляли, разумеется, археологи: ведь шарира — национальное достояние. У одного из них болезнь обезобразила половину лица. Второй, с усиками, рыжеватый, с изрядной долей английской крови, не выпускал сосуд с шарирой из своих рук

Бодхгая

и нервничал — все время улыбался, а глаза бегали. Вслед за грузовиком тянулся кортеж автобусов и автомобилей, в которых ехали остальные монахи, почетная публика и индийские полицейские с автоматами. Они моментально выскากивали, создавая коридор, когда ликующие толпы вставали на пути голубого грузовика и тормозили процессию. Ситуации иногда возникали взрывоопасные, но, к счастью, ни одного выстрела не прозвучало.

Так или иначе, именно нас, монахов Лотосовой сутры, удостоили чести сопровождать шариру непосредственно в грузовике. Все эти шесть часов мы непрерывно били в барабаны и тоже почти утонули в цветах, падавших на нас через борта грузовика, как будто с неба.

8 ноября 1998 г., воскресенье

А сегодня была пародия на почитание шариры — мы встречали премьер-министра Ваджпай. Два часа стояли на солнцепеке, ожидая прибытия «их высочества». Задумывалось, что он окажет почтение монахам, собравшимся в Бодхгае на фестиваль, а получилось, что десятки монахов всех традиций выстроились по струнке, дабы почтить его. Но ведь «Монах не должен оказывать почести государю» — так называется древнекитайский трактат!

В любом случае, когда Ваджпай наконец появился, он услышал звуки наших барабанов и увидел плакаты нашего антиядерного Марша мира. Хоть он и перевозит сейчас атомную бомбу, стремясь вернуть Индии фактически отошедший к Пакистану штат Кашмир, но и в Ваджпай сокрыт Будда, а значит, наша молитва может навести его на мысли о правоте ненасилия. К тому же нам удалось вручить ему документы, в которых четко изложены идеи Марша.

От имени Ваджпай всем монахам, находившимся в Бодхгае, вручили по большому отрезку шафрановой ткани из Таиланда — на монашескую одежду.

9 ноября 1998 г., понедельник

Ходили на то место, где Суджата поднесла Сиддхартхе (в прошлом царевичу, в настоящем отшельнику, а в будущем — Будде) рис после его шестилетней аскетической практики, когда он чуть не лишился жизни, считая, что для духовного прозрения нужно истощать плоть. Сиддхартха постепенно сократил свой рацион питания до одного зернышка риса в день, но в результате самоистязаний не пришел к ясности ума — наоборот, телесные страдания мешали сосредоточиться. И тогда он решил искупаться в реке Неранджара. На берегу его уже ждала девушка Суджата с миской риса. На самом деле в миске был не рис, а только вода, в которой она промыла рис. Ведь сразу после голодания желудок Сиддхартхи просто не вынес бы твердой пищи. Но скульптура изображает Суджату именно с миской, на которой возвышается горка риса — для наглядности.

Та самая река Неранджара отделяет место Суджаты от Бодхгаи, где находится Дерево Бодхи. Туда мы шли по мосту, обратно решили перейти реку вброд. Детишки показали нам, где мелко, и показали другое памятное место — где Свасти дал Сиддхартхе охапку травы, чтобы ему было мягко сидеть под деревом Просветления. А сидеть предстояло немало — семь дней не вставая. Только после этого Сиддхартха обрел просветление, то есть Бодхи, и стал называться Буддой.

Радость от нашего краткого паломничества омрачило внезапное попрошайничество ребятишек. Денег было не жалко. Обидно было разочароваться в мысли, что нас водят по местам Будды безо всякой корысти. Бодхгая окончательно превратилась в туристическую Мекку. Мальчишки здесь настолько обнаглели, что некоторые, даже еще ничего не сделав для тебя, только завидев издали, уже кричат: «Хелло, пять рупий!»

10 ноября 1998 г., вторник

Сэнсэй уехал по делам на целую неделю, оставил нас тут отдохнуть и внутренне подготовиться к заключительной, пешей части нашего Марша мира. Но вместо глубоких раздумий мы начинаем медленно разлагаться, постоянно болтаем о чем-то, шатаемся без дела, не соблюдая тишины, которую требует устав Медитационного центра. Настоятель, несмотря на свою болезнь, вечером подошел к нам во время ужина, хотел что-то сказать, но, не увидев Сэнсэя, передумал. Все и так понятно, без слов.

18 ноября 1998 г., среда

Ух ты, пропустил целую неделю! В Бодхгае я впал в жестокую депрессию, глубоко усомнился в правильности того, как живу, и в том, зачем вообще нахожусь в Индии. Вспоминать не хочется...

А потом мы все-таки пошли пешком в Раджгир — и все как рукой сняло, стоило только оказаться на природе, вдали от «благ» цивилизации, относительность коих особенно очевидна в Индии, так и не научившейся скрывать их изнанку за внешним глянецом. В индийских городах и туристических центрах как-то по-особенному грязно и порочно. До невыносимости.

Шли мы пять дней по глухим деревням, где если и проедет автомобиль — это уже событие. Позавчера добрались до Раджгира и передохнули в огромном храме Бамбуковой рощи — Венуван-вихара. Сегодня отдыхаем в Патне — столице штата Бихар, а завтра продолжим пешее шествие по индийской глубинке, чтобы оказаться в Вайшали, где Будда предсказал, что через три месяца уйдет из этого мира и войдет в нирвану. Мы хотим пройти по его последнему маршруту — из Вайшали в Кушинагар.

Идет нас уже не двенадцать, а пятнадцать человек: в Бодхгае к нам присоединились три индийских монаха — бханте-джи и один мирянин-упасака. Бханте-джи относятся к нему как к слуге. Не знаю, правильно ли это.

Впрочем, не стану лезть со своим уставом в чужой монастырь. Ведь это монахи другого, чем у нас, направления буддизма — Тхеравады. Главное, что они приняли нашу молитву и поддержали наше папломничество.

Одному из бханте-джи 80 лет, старичок идти не может, едет на грузовом велорикше, которого мы наняли, чтобы везти наши рюкзаки, но слезает каждый раз, когда мы останавливаемся, и участвует в молитвах, быстро превращающихся в митинги благодаря искреннему любопытству сельского населения. Они все тут как дети. Просто собираются вокруг, молча стоят, пристально смотрят и улыбаются. А потом начинают класть монетки на наш переносной алтарь и кланяться ему до земли. Потом Сэнсэй, знающий хинди, произносит проповедь, и нам постепенно, с индийской неспешностью готовят поесть, находят какое-нибудь помещение для ночлега и приносят туда солону. Мы спим на ней, прямо

Учитель Тэрасава-сэнсэй

на бетонном полу, и этот сон благословеннее, чем на любом ортопедическом матрасе в Москве.

Каждую ночь бханте-джи просыпаются и начинают громко петь свои молитвы. Так уж у них принято. Мы не присоединяемся к их пению, да они и не приглашают, однако спать это здорово мешает. Один московский монах пару раз крикнул: «Дед, похни!» Но Учитель быстро осадил его.

Еще было очень важно всегда ополаскиваться перед сном, даже если совсем неохота. Особая пикантность состояла в том, что сделать это можно было только под обычной колонкой прямо на улице, на виду у всех. А уж индусы не упускали шанса поглядеть на нас. И вот сидишь под этой колонкой, намыливаешься — разумеется, в трусах — и стараешься не обращать на них внимания. Как говорится, публичное одиночество, по Станиславскому. В конце-то концов, даже если они и хихикали, то не со зла. Это были истинные омовения, смывавшие всю грязь, духовную в том числе.

На подходе к Раджгиру едва не лишились одного из бханте-джи — того, что нес знамя на металлическом флаштоке, случайно задел им за провода и получил удар в несколько тысяч вольт, не сторев дотла только благодаря упасаке. «Слуга» спас своего «господина», сильно толкнув его. Электрический ток прошел через него насквозь, особенно сильный ожог был на ноге: бханте-джи наступил в лужу. Он потерял сознание, а когда пришел в себя, сказал, что вот теперь-то он и есть «дважды рожденный». Так на Востоке называют достигших просветления.

Продолжение следует.

Александр ШЕМЕТОВ

Александр Шеметов родился и вырос в Крыму. Служил в Германии. В 1976 году окончил Днепрпетровский горный институт. Работал инженером в Харькове. По своей специальности «автоматика и телемеханика» проектировал тепловые электроцентралы на металлургических комбинатах ближнего и дальнего зарубежья.

КАМБАЛА

Летом на спасательной станции жизнь бурлила, как вода под винтами катера. Служащий персонал с гордо поднятой головой ходил. Да и чего не ходить, когда деньги сами в руки текут. Отдыхающим ласты и маски напрокат выдали — копейка в кармане. Прогулочную шлюпку предоставили — еще копейка. К концу дня карманы уже звенят, как склянки на корабле. Если б еще не тонули эти отдыхающие. А то ведь каждый год по два десятка уtoplennиков. То на спор в волну нырнут и не вынырнут, то до горизонта плыть хотят, а добираются только до того света. И что ты с ними сделаешь? Акваланги бы им напрокат не давать, так сколько копеек не досчитаешься. Без аквалангов, конечно, показатели лучше выглядели. Не было такого, чтоб на одного уцелевшего двое захлебнувшихся приходилось. Им ведь не только показывают, как под воду погружаться, но и как шампанское на дне глотать. А народ наш и на суше из горла шампанское пить не умеет, не говоря уже о подводном застолье. Под водой кто пеной захлебнется, кто пробку раньше времени в рот сунет, которая стрельнет в горло. Потому и показатели плохие. И все же, несмотря на такие досадные моменты, летом на станции хорошо. Не то что в межсезонье. Зимой о деньгах только обменные пункты напоминают. Бежишь мимо с вывернутыми карманами и не копейки считаешь, а дни до

зарплаты. Хотя зарплата у спасателей меньше, чем мальки у кильки. Неинтересно жить. И вот как-то моторист Павленко говорит:

— У меня новый сосед появился. Он может нас рыбой завалить. Иметь, говорит, такие катера, как у нас, и рыбы не есть — это дурость сплошная. Камбалой обещает накормить так, что хвосты из горла торчать будут.

— Ишь ты! — усмехнулся водолаз Семенов. — Где он возьмет камбалу? У нас рыбацкая артель без рыбы сидит, а тут камбала. Глупости это!

— Я, конечно, не знаю, — пожимает плечами Павленко. — Только он человек серьезный. Скажет — как отрежет.

Каждому известно, что утопающий хватается за соломинку. Спасатели знали это лучше других. И хотя они также знали, что толку от таких действий, как навару от рыбьей чешуи, сами клюнули на эту наживку.

— Веди соседа!

Через день на станции появилась бандитская рожа, которая, скорее, походила не на соломинку, а на бревно. Бушлат на этом бревне не сходил, морская фуражка сидела на макушке. По всему видно, что с чужого плеча одеяние. Или у знакомых одолжил, чтобы перед спасателями в солидном виде предстать, или в темном переулке кого-то обобрал.

— Прокофьев Андрей Ильич, — рявкнула рожа. — Пришел с вами контракт заключать!

Если б он сказал, что контракт надо скрепить кровью, никто бы не удивился. Вид у пришельца был кровожадный, как у разгневанного вампира. А он между тем продолжал:

— Золотых гор не обещаю, но камбалы на ваших столах будет столько, что у министра рыбного хозяйства глаза от зависти вылезут. Удивляться будете улову.

Прихвастнуть спасатели и сами любили. Бывало, пустяковую историю преподнесут как событие мирового масштаба. Но одно дело поговорить и забыть. А другое дело трудовое соглашение при этом заключать. Не понравилось такое начало работникам станции. Особенно вид у новоявленного благодетеля не понравился. Вылитый уголовник.

— Я рыбу для правительства добывал, — продолжал рычать криминальный элемент. — Министерские животы распирало от моего улова. И вас разопрет. Даже тошнить будет.

Если этот уголовник и занимался рыбным промыслом, то скорее всего в роли пирата, или по-нынешнему рэкетира. Тогда, конечно, могло животы распирать. Может, и сейчас за углом банда его стоит, которая только и ждет, чтобы спасатели с ними контракт заключили. Плавсредства небось позарез нужны. Только потом от них не отвяжешься.

Сомнения от общего имени высказал водолаз Семенов:

— А вот скажите, уважаемый, откуда мы эту рыбу возьмем, если она ушла от наших берегов? В газетах пишут, что экология ее отпугнула. Да я и сам на дно спускаюсь. Нету там ни черта, кроме медуз. Или, может, мы другими средствами добывать ее будем?

— Как мы добывать будем, я вам потом расскажу, — ответил моряк с большой дороги. — Если рыбы хотите, то слушайте меня. Сначала собираем деньги, и я еду заказывать сети.

— Ишь ты! — изумился Семенов. — Мы деньги отдадим, а где гарантия, что они не испарятся? Мы вас, уважаемый, первый раз видим. А может, и в последний.

— Если имеются сомнения, — сказал уважаемый, — можете ехать со мной. Я не против.

— Ага, разогнались, — хмыкнул Семенов. — Вдруг нас там с деньгами только и ждут. Карманы вывернут, а самих — с камнем на шее рыб кормить для правительства. И вообще, я в вашем деле не участвую. У меня лишних финансов нету.

У других денег тоже не было. Летом нашли бы, а теперь карманы опустели, как пляжи в феврале. Да и личность этого флибустьера сомнительная. Спасатели готовы были уже идти на попятную. Но тут моторист Павленко заявил:

— Я знаю, где деньги раздобыть. Мой родственник под проценты дает. Рыбой потом рассчитаемся.

Один голос Павленко ничего не решал, но тут начальник спасательной станции подключился.

— Попробовать можно, — сказал он. — Все равно деваться некуда. Надо только определиться, как добычу делить.

Вопрос был серьезный. Но решил к удивлению быстро. Бывший пират сказал, что одну камбалу, которая на него смотрит, он забирает себе за бригадирство, а остальные делятся поровну на всех.

— Лады! — поставил точку начальник станции.

Деньги были заняты в тот же день. Брал их на себя Павленко, а потому никто особенно не волновался. Опасность была в другом. Когда у новоиспеченного бригадира спросили, где будет производиться промысел, тот ответил, что возле Холодного мыса. Тут спасатели снова чуть не пошли на попятную. Холодный мыс всегда дурной славой пользовался. Там то сорвавшегося со скалы найдут, то утопленника вытянут, то лодку туда прибьет без людей, которые неизвестно куда подевались. Плыть туда — все равно что приговор себе подписывать. В прошлом году там один чужак на суку повесился, а чуть раньше пограничники обнаружили палатку, в которой сумасшедший турист оказался. Но главное было не это. Главным было то, что возле Холодного мыса мин натыкано со времен войны, как медуз у берега. Сколько не обезвреживали акваторию, все равно появлялись они, будто вороны на мусорке. Только прочистят, только все успокоится, а тут снова взрыв. Нате вам, пожалуйста! Или баржа пополам, или тонна рыбы вверх брюхом. Это когда еще рыба была. Власти поэтому то разрешали плавать там, то запрещали, а в конце концов плюнули и не стали сообщать, можно там находиться или нет. Хочешь плыть — плыви! Только потом не возмущайся, что ноги тебе оторвало или какой-то другой орган. Нельзя сказать, что спасателей туда не посылали. Но одно дело прошмыгнуть мимо и исчезнуть, другое дело сетями дно бороздить. А ну как подцепишь агрегат со взрывным устройством! Бригадиру сказали, конечно, что лучше побезопасней место для промысла поискать, но тот ответил, что поискать можно, только получится, как у Пушкина. Закинул старик невод, а там ни шиша. Сказал — как отрезал. Потому и настроение у многих упало.

Когда их новый знакомый исчез за рыболовными снастями, откуда-то взялся слух, будто этот

Андрей Ильич специально смерти ищет. Вроде бы он когда-то из ружья в себя стрелял, но патрон осечку дал, или даже в петлю голову сунул, но домочадцы успели его вытащить. Может, и теперь он специально на мины лезет, чтобы от грехов старых избавиться. А пока бог к себе его не заберет, то глушенной рыбы поест. Вот и плыви с таким камикадзе.

Андрей Ильич появился на станции через несколько дней. Бежать, как выяснилось, он не собирался, хотя водолаз Семенов постоянно зудел об этом. Спасатели разглядывали разложенные на территории сети и снаряжение к ним: поплавки, грузила, опознавательные буи желтого цвета.

— Одну сеть забрасываем, — пояснял Андрей Ильич, — другую вытаскиваем сушить и латать. Во вторник повезу вас на боевое крещение. Сами увидите весь процесс.

Спасатели только вздыхали. Весь процесс они увидят или только первую его половину, вопрос пока что оставался без ответа. Забросить сети, может, и забросят. А вот назад вытащат ли?

— Не вытащите, — уверял Семенов. — Не успеете. Мины не дадут. Хоть одну да подцепите.

Не нравилось спасателям их положение, но все же, несмотря на дурные предчувствия, во вторник семь человек, назначенные начальником, отправились к Холодному мысу.

— Смотрите, чтоб пустой катер без вас не нашли, — напуцствовал их Семенов. — Место гиблое. Да и мины от себя отталкивайте осторожно. Недавно шторм был. Всякую дрянью со дна подняло.

Лучше б он не каркал. И без его наставлений некоторых работников, назначенных начальником, чуть ли не силой в катер затолкали. Не потому, что они боялись, а потому, что вопрос задавали: почему они, почему не другие? У них семьи, дети. На кого их оставлять? Но и начальник аргументы свои имел. У других тоже семьи, дети. И к тому же не каждый

день мины взрываются. Авось пронесет!

К мысу шли осторожно, пришвартовались еще осторожнее. Вшивенький причальчик, уткнувшийся в берег, ничем не подчеркивал свою значимость, хотя, как выяснилось, являлся ключом к богатому улову. Он был точкой отсчета, от которой надо было брать ориентиры и двигать к рыбьему пастбищу. Министры, жравшие камбалу, наверное, думали, что пищу им добывают где-то в светлых океанских просторах, и не подозревали, что доставляется она из этого паскудного места.

— Отсюда и начнем, — заявил бывший поставщик рыбы правительственным особам. — Я тут каждую волну на память знаю.

Глаза его при этом блеснули каким-то странным огнем, а сам он, чтобы доказать способности своей незаурядной памяти, демонстративно повернулся задом к носу катера и, усевшись на среднюю скамейку, скомандовал:

— Пеленг 110! Обороты тысяча пятьсот! Семь минут хода!

Катер резко рванул с места. Никто еще за борт не успел схватиться, а он уже понесся на минное поле, словно панфиловцы под танки. Это Павленко, захлебнуться б ему, выслуживается. Вроде как забыл, что с панфиловцами случилось. А бывший рыбак Андрей Ильич спокойно достал папиросу, закурил и, не поворачивая головы, стал давать указания рулевому:

— Возьми чуть правее! Так держи!

На его лице играла дикая улыбка, губы шептали заклинание, а руки, скрещенные на коленях, выражали какой-то сатанинский знак. Если бы кто-то верил во всякую чертовщину, наверняка бы подумал, что в Андрея Ильича вселилась нечистая сила и теперь она правит им, а он управляет катером. Но в такие глупости никто не верил, а потому все смотрели вперед, чтобы не напороться на какой-нибудь опасный предмет.

— Не дрожите! — сказал Андрей Ильич. — Дойдем без происшествий.

Откуда он знает? Сидит за дом и знает. Если ему жизнь не дорога, то другие под таким приговором не подписывались. Пять лет назад один чужак стукнул молотком по гранате и улетел на небеса. А вместе с ним его дружки, которые неподалеку находились. А кто тех дружков спрашивал, хотели они к богу в рай или нет? Может, и у этого самоубийцы те же мысли. Если только он вообще не сумасшедший. А то семь дураков его слушают и не понимают, что жить им осталось меньше, чем бабочке-однодневке.

— Сейчас на ровное плато выходим, — заговорил подозреваемый в сумасшествии маньяк. — Я его уже под собой чувствую. Там и будем сети ставить.

Может, он своим помутившимся сознанием и чувствовал плато, но другие чувствовали зуд в коленках. Еще минута-другая — и надо сети на дно бросать. А это все равно что в футбол играть на минном поле. Пронесет — значит повезло. Не повезет — вечная тебе память! Лучше б этот маньяк из ружья застрелился, чтоб другим спокойней было. Обошлись бы без камбалы как-нибудь.

— Стоп! — скомандовал маньяк. — Ставим тут!

Главное в установке сетей было попасть на ровное место. Иначе провалятся в расщелину, и не сыщешь потом их ни в водолажном костюме, ни с аквалангом. Так объяснял Андрей Ильич. Но для спасателей главным было дожить до конца работы. Каждый из них решил, что вытаскивать сети поедут уже другие, потому что если один раз пронесет, другой раз пронесет, то в третий точно на куски разнесет. Да и ставить сети все же безопаснее, чем вытаскивать. Тут швырнули их за борт — и все, а там вместо камбалы можно и бомбу подцепить. Бросали сети с одной задачей — поскорее! Правда, от большого стара-

ния рыбаков все равно бы ничего не зависело. Сети сделаны так, что с помощью поплавок и грузов сами на дно уйдут и там станут как надо. Единственная сложность — это притопить на полметра опознавательные буи. На поверхности их не оставишь, иначе улов чужому дяде достанется, но и глубоко тоже нельзя загнать, потому что не отыщутся потом. Хоть и желтого цвета, а на глубине не видно. Вот и получается, что их надо на полметра притапливать. А это потеря времени. Когда последний буй отправился в море, катер развернулся и лег на обратный курс. Неужели все? Кое-кто перекрестился, кое-кто просто вздохнул. И чем дальше катер удалялся от Холодного мыса, тем явственнее Андрей Ильич превращался из самоубийцы в обычного бандита. Это не значит, что он был лучше. Но с ним, по крайней мере, можно было разговаривать.

— А как мы сети найдем, когда буи притоплены? — спросил моторист Павленко.

— Найдем! — заверил Андрей Ильич. — Желтый цвет за несколько метров виден. Ну а если возникнут трудности, то для этих целей существует кошка. Не та, которая мяукает, а крючок, которым елозят по дну и выискивают пропашу.

Все было ясно. Только пусть по дну елозят другие. А с них довольно.

— Снимать будем через три дня! — прозвучал последний приказ для команды катера.

Что было в эти три дня? А то, что все с ног на голову стало. Андрей Ильич оказался вовсе не бандитом и не сумасшедшим. В петлю действительно головой попал, но это была не удавка, а разорванный гамак, в котором он спал, из ружья действительно стрелял, но не в себя, а в свое отражение в воде, когда проверял подводное снаряжение, потому что ружье было для подводного плавания. Что касается одежды, то и тут все разъяснилось. Бушлат у него вовсе не с чужого пле-

ча, а со своего собственного, только с годами он в него плохо влезает. Фуражку тоже не в темном переулке снял, а со своей вешалки. Племянник, который в мореходке учится, по ошибке перепутал и не в своем головном уборе на занятия уехал. Через неделю только явится. Да и вообще в послужном списке этого моряка сплошные похвальные грамоты и благодарности. А что рычащего голоса касается, то был немного простужен, но теперь простуда прошла и голос выравнивается. Обычный человек. Только знаний в голове больше, чем у всех спасателей на станции, вместе взятых. Что спасатели в жизни видели, кроме утопленников? Разве что тех, кто еще не успел захлебнуться. А Андрей Ильич по всем морям плавал, все океаны бороздил, разбирался в географии и навигации и даже тонул два раза. Если кто-то думает, что морское дно — это сплошная гладь, как пустыня Сахара, то он ошибается. Там и горы, и пропасти, свои Эвересты и Гималаи. И рыб там — как микробов в навозной куче. Почему артель рыбацкая план не выполняет? Да потому, что подводного ландшафта не знает. Карты у них специальной нет. А у Андрея Ильича, когда он для правительства ловил, была такая карта. Он ее, конечно, давно сдал, но в голове все сохранил. Холодный мыс — это как раз и есть одно из мест, где камбала водится. А слухи про это место специально плохие распускаются, чтоб поменьше там шастали, не мешали правительству кормить. Мин там давно нет. Министры, которым рыбы хотелось, нагнали в свое время тральщиков и выгацили не только то, что от последней войны осталось, но и все от предыдущих кампаний. Интересные вещи рассказывал Андрей Ильич. Слушать его было одно удовольствие. Когда собирались ехать сети снимать, он на берегу начал рассказ о том, как в Атлантике к их кораблю пришвартовался поврежденный штормом парус-

ник, с которого к ним стали перебираться крысы. Явный признак того, что покинутое судно ждет гибель. Но получилось так, что на дно пошел не парусник, а их корабль вместе со всеми крысами. Экипаж, бултыхаясь в волнах посреди океана, злорадствовал: «Так этим дурам и надо. Нечего было людей в заблуждение вводить. А говорят, умное животное». Чтобы дослушать быль о глупых крысах, в катер, отправлявшийся за рыбой, набилось двенадцать человек вместо семи. Еле высадили пятерых, чтобы перегруза не было. Поехали, как и следовало, всемером.

У Холодного мыса один из спасателей, глядя в море, засомневался.

— Видимость плохая. Не оплошать бы. Как, Андрей Ильич, найдем сети?

— Я тут и в тумане ловил, — ответил Андрей Ильич. — А в море могу вообще не смотреть. Айвазовский никогда с натуры не рисовал, а его картинам сам Нептун высший бал поставил бы. Талант надо иметь.

Андрей Ильич, чтобы показать свой талант, сел задом к морскому горизонту и скомандовал:

— Пеленг 110, обороты тысяча пятьсот. Вперед!

Команда была выполнена с большим старанием, словно получили ее от самого главного морского адмирала. Катер шел по заданному курсу, а старый рыбак по ходу давал поправки:

— Правее держи, правее! Смотреть всем в оба!

— Буй! — закричали сразу несколько глоток.

Они и в самом деле вышли прямо на желтый буй. Вот это был талант! Куда там Айвазовскому. Картины, конечно, тоже рисовать уметь надо, но чтобы при плохой видимости да еще не глядя в море прямо в буй воткнуться — это, братцы дорогие, всем талантам талант. А какой улов был! Сто тридцать камбал весом не менее десяти килограммов каждая. На спасательной станции, когда вернулись с добычей, народ от радости

чуть ли не обнимался. Последний раз так ликовали, когда на свадьбе у Павленко перепились.

Водолаз Семенов решил вступить в артель.

— Денег подсобрал. Желая с вами в одной команде быть.

Ему сперва хотели дать от ворот поворот. Нечего, мол, воронам в журавлиной стае делать. Будет, как всегда, каркать под руку и в конце концов беду накличет. Но начальник станции рассудил иначе. Пусть лучше в стае каркает, где можно в случае чего и рот заткнуть, а если раскаркается на всю округу, то промысел без соответствующего разрешения будет закрыт. Пришлось брать.

— Я, братцы, сети хорошо могу вытаскивать, — радовался Семенов. — В рыбацкой артели работал.

А начальник между тем не зря боялся огласки незаконного промысла. Может, Семенов успел из своего вороньего горла информацию пустить с голодухи, может, жены журавлей-спасателей от обжорства по соседям раскурлыкали, но к следующему разу, едва катер причалил с уловом, на спасательной станции появился сам начальник пограничной заставы. Ехал, дескать, мимо и решил глянуть, какой улов. А то каждый раз разрешение на выход в море даю и не знаю, стоит давать или нет. Язык его говорил, а глаза пересчитывали рыбу. Пришлось выделить защитнику рубежей две камбалы. Одну ему лично, другую его заместителю.

— А я мамаше в деревню отвезу, — сказал Семенов. — Пусть порадует. Да и тещу в следующий раз не забыть угостить.

В следующий раз улов самый большой был. Сто шестьдесят штук. Но и желающих полакомиться на дармовщину прибавилось. Помимо защитников рубежей прибежали защитники общественного порядка — милиция и прокуратура. А к концу дележки подоспели защитники финансовых служб в лице налоговой инспекции. И всем хватило. Даже

Семенову теще. Хорошая жизнь наступила. Появились какие-то деловые люди, которые взялись реализовывать рыбу в соседних населенных пунктах, появились денюжки, которые, хоть и в небольшом количестве, но приятно шелестели в карманах. Да и работа шла дружно.

Правда, начальник станции начал понемногу завидовать авторитету Андрея Ильича. Обидно ему становилось, что его подчиненные с утра до вечера восхваляют эту мало проверенную личность как народного героя, а своего прямого начальника вроде как и не замечают. Отвалият часть улова — и хватит, мол, с тебя. Оно и правда хватит, только дело не в рыбе, а в отношении. А чем он может переплюнуть этого морского кота? Да ничем! Тот в море — как рыба в воде. От точки отсчета только и командует:

— Пеленг 110, обороты тысяча пятьсот, семь минут хода!

Неприятно это было начальнику. А тут еще число нахлебников увеличилось. К существующему составу примкнули пожарные, которым здание спасательной станции вдруг показалось пожароопаснейшим объектом, и работники электростанции, которым спасатели задолжали за весь прошлый год.

— На всех не хватит, — сказал Семенов. — Себе в убыток работать будем. Пора лишних из артели убирать.

— Кого это?

— Андрея Ильича! На что он нужен? Сети не ремонтирует, за катерами не смотрит. Что с него толку? Еще и камбалу самую жирную забирает. Мы и сами теперь знаем, где рыбу искать. Я все время рядом с ним в катере находился. На ус мотал. На одном и том же месте промышляем.

Не все были согласны с таким предложением. Как это без Андрея Ильича? А тот вдруг заявил, что надо бы официальное разрешение на промысел взять. Иначе в море выходить опасно. Огласка большая

началась. Если бы поменьше языками чесали, можно было бы и без разрешения в этом сезоне дорыбачить, но поскольку языки у всех длинные, то следует перестраховаться. У него есть знакомые. Он может договориться. Составить только надо письмо и заплатить кое-кому.

— Опять платить, — возмутился Семенов. — Не согласен я платить. Всем платить, а себе что? Нет уж! Как ловили, так и будем ловить. Обойдемся без Андрея Ильича.

С чьей подачи пел Семенов, непонятно, но начальник станции подержал его. И, правда, мол, попробуем своими силами.

Почесали затылки спасатели: может, действительно обойтись можно. Ну что там хитрого сети ставить? Тем более что много раз ставили.

— Я сам руководить буду, — говорил Семенов. — Мне это дело знакомо. Я в рыбацкой артели работал. Подумаешь, наука!

На том и порешили. В конце концов, не все ли равно, кто командовать будет, и если уж начальник за это предложение, то деваться некуда. Один только моторист Павленко отказался.

— Не хочу, — говорит, — рисковать. Мало ли что Семенов наобещал. Не верю я ему. Мы специалистами разбрасываемся, а потом локти кусать будем.

Моторист, конечно, лицо на катере важное. Но кроме Павленко есть еще кому судном управлять. Недавно нового аса на работу приняли, который через Бермудский треугольник пароходы водил. А это не Холодный мыс. Так что без Павленко и пошли, когда час пробил.

Семенов, который руководил операцией, держался уверенно. А чего волноваться? Точка отсчета известна. А дальше просто. Пеленг 110, обороты тысяча пятьсот, семь минут хода. Все! Через две минуты взять чуть правее. Наука большого ума не требует. По науке все и сделали. Правда, Семенов два оставшихся дня до снятия сетей хоть и веселился на

людях, подмигивал даже товарищам, но, как было замечено, вел себя довольно странно. Подмигивал не только работникам станции, а всем подряд, включая неодоушевленные предметы: столбы и урны. Тут напрашивался вопрос: не дергается ли просто-напросто у него от волнения глаз? А волноваться было отчего. В газетах пишут, что экология с каждым днем все больше отпугивает рыбу, и если камбала в какой-то момент уйдет от берегов, то как объяснить народу, что хоть при Андрее Ильиче, хоть при самом Папе Римском улова не будет?

Через три дня поехали снимать сети. На берегу промысловиков ждали оставшиеся на станции спасатели и иждивенцы из других организаций. Долго не было рыбаков. Ожидавшие выдвигали разные версии. И то, что на мину напоролась, и то, что растерялись без Андрея Ильича, и то, что катер заглох. Но самая вероятная была та, что сети без камбалы вытащили, передрались, выкинули Семенова за борт и теперь боятся возвращаться.

Когда катер наконец появился, все вздохнули: «Ну слава богу! Хоть что-то прояснится». Катер причалил, оттуда повыпрыгивали спасатели, среди них живой и здоровый Семенов. К нему первый вопрос:

— Где улов?

— Нету!

— Как нету?

— А так. Сетей не нашли.

Моторист Павленко иного и не ждал, но другие и особенно милиция с пограничниками заподозрили подвох.

— Куда рыбу сгрузили? Где высиживались?

— Не было улова, — оправдывался Семенов. — Сети куда-то пропали. Похоже, украли. Мы другие поставили.

Начальник погранзаставы возмутился:

— Что значит украли? Не говорите ерунды. Мы рубежи державы зорко охраняем. Ни одного чужого

плавсредства в вашей зоне не было. Мне бы доложили. Я вам в другой раз и отхода не дам.

Возмущавшихся граждан попытался успокоить начальник спасательной станции. Тише, мол, уважаемые нахлебники, дайте разобраться. Сами видите, какая ситуация складывается, люди на грани нервного срыва. Разъезжайтесь, дорогие вымогатели, по своим рабочим точкам, а мы тут все выясним и завтра вам обстоятельно доложим.

Недовольства после такой речи не уменьшилось. Это что ж получается? За здорово живешь потеряли драгоценное государственное время, а теперь просто так расходитесь. В следующий раз двойную норму возьмем.

Когда посетители наконец покинули территорию, начальник станции увел Семенова к себе в кабинет и приступил к выяснению.

— Как ты, водолазная твоя душа, умудрился сети не найти? На тебя вся районная элита смотрела. Кошку бросал?

— Три часа ею дно бороздили.

— Это сколько же бензина пропало! Я с тебя лично стоимость камбалой верну. Я тебе сколько раз говорил, чтоб ты запомнил, как Андрей Ильич работает. Ты мне что обещал? Все обещал запомнить, все записать. А что вышло? Ты все в точности как он делал?

— Все как есть!

— Ну-ка давай рассказывай, какие он действия производил, когда от точки отсчета отчаливал?

— Сперва закуривал и дымом своим любовался.

— А ты?

— Я не курю.

— А как же ты его копировал, если не куришь? Может, тот дым как раз ему направление указывал? Может, там такая роза ветров, что любая копилка в сторону камбалы дымит? Шерлок Холмс ты хренов. Чтоб к следующему разу или сам курить научился, или всю команду заставил папиросы в зубы воткнуть. Что курил Андрей Ильич?

— «Север».

— Вот «Север» и возьмешь! Не «Казбек», не «Беломор», а именно «Север». Может, у него дым особый. Дальше давай! Что он после этого делал?

— Выпендривался. Садился задом к носу катера, клал руки на колени и командовал.

— А ты?

— Я человек серьезный. Мне выпендриваться не к лицу. Я все время вперед смотрел.

— И после этого ты мне заявляешь, что все в точности делал? Я тебе, дураку, сколько раз твердил, что в каждом его движении есть какой-то смысл. Значит так. В следующий раз выполнишь все до мелочей. Сядешь, как он сидел, закуришь, как он курил, командовать будешь, как он командовал. Наденешь бушлат, морскую фуражку, ботинки. Руки сунешь... куда он их совал? Короче, хоть в зад их себе засунь, но чтоб все правильно было. Ясно?

— Ясно.

— А с потерянной сетью поступим так. Если пограничники говорят, что украсть не могли, то в следующий раз опять кошкой будешь бороздить. Но одной работать нельзя. Катер впустую гонять себе дороже. Надо подумать, где новую добыть.

— Я знаю, где добыть. Когда в рыбацкой артели работал, ездил туда.

— Хорошо. А старая, когда отыщется, запасной будет.

К следующему разу Семенов подмигивал уже двумя глазами. То правым, то левым, то обоими одновременно. А в момент отхода хлопал ими уже, как чайка крыльями. Шутка ли дело. Пограничники пришли за уловом в плащах, под которыми что-то торчало. Как бы не автоматы. Продырявят еще катер от злости, если камбалы не достанется. А то и самих зацепят, если под горячую руку попадешь. А милиция с пистолетами пожаловала. Нехорошее что-то на берегу затевалось. Уходил Семенов от причала, как в последний путь. Даже сеть

новую забыл, которую сам же накануне купил. Но возвращаться не стал. Плохая примета. Ждали их оставшиеся на берегу молча. Спасатели делали вид, что хозяйственными делами занимаются, а посторонние просто болтались по территории. Когда катер, наконец, прибыл обратно, к нему не бросились со всех ног, как в прошлый раз, а тихо подошли:

— Где улов?

— Какой улов? — закричал в ответ новый моторист, заменивший Павленко. — Откуда он возьмется, когда у Семенова крыша поехала? Кого назначили к нам бригадиром?

Ас, который бороздил Бермудский треугольник и который привык работать под командой опытных капитанов, не мог смириться с тем, что над ним поставили какого-то недоумка.

— Я с самого начала понял, что не так все идет, — продолжал кипятиться он. — Только от мыса отчалили, Семенов тут же каждому папиросу сунул, дескать, начнем с перекура. А когда все задымили, давай командовать вправо-влево, взад-вперед. Чуть в скалу не въехали. Я ему говорю: что ты чудишь, чучело гороховое? А он мне: слушать команду. Его, мол, сам начальник сюда поставил. И опять вправо-влево. Если б не начальник, мы б его за борт выбросили после таких маневров. Но он скоро папиросу выплюнул и говорит: «Это была проверка экипажа на шивость. Сейчас заново начнем». Вернулись к отправной точке, думали, Семенов в себя пришел. А он сел задом к морю, руки крест-накрест поставил — и давай рассказывать, как Айвазовский картины задом к морю рисовал. Мы ему: «Ты что, сволочь, выделяешься? Указывай курс, если взялся». А он нам про старика, который золотую рыбку поймал. Какой после этого улов? Нам сразу бы понять, что он не в себе. Да в тот момент не сообразили. Видите, как он вырядился? Вроде как с крейсера «Аврора» сбежал.

Семенов стоял в выдавшем виде бушлате, в котором, похоже, еще Зимний дворец брали, в ботинках, порвавшихся при обороне Севастополя, и в бескозырке с ленточками, принадлежавшей, скорее всего, кому-то из команды доблестного «Варяга». Начальник станции даже отвернулся от такого зрелища. Он о бушлате и прочей амуниции говорил накануне не всерьез, скорее в шутку, а Семенов принял все за чистую монету. Это морякообразное создание стояло теперь перед районной элитой вроде беглеца с броненосца «Потемкин», который после восстания по лесам скрывался, а теперь предстал перед судом.

— Думаете, это все? — не унимался новый моторист. — Когда ясно стало, что сетей нету, у Семенова от страха расстройство желудка началось. Командует мне: давай к берегу, большая нужда прижимает. А я ему: хрен тебе в дышло. Нечего берег осквернять. Сवेशивайся за борт. Ну и свесился. Куда ему деваться? А тут в самый неподходящий момент катер качнуло. Семенов и не удержался.

— Упал, что ли?

— Нет, в катер нагадил. Надо было этого козла вонючего на Холодном мысу высадить. Пусть бы там на суку повесился.

Семенов кутался в бушлат и переминался с ноги на ногу. То ли опять нужда прижимала, то ли совсем озяб.

Милиции и пограничникам надоело такое зрелище. Они, тихо матерясь, покинули спасательную станцию, за ними потянулись другие. Во дворе остались только спасатели и откуда-то появившийся Андрей Ильич.

— Дела у вас, как вижу, невеселые, — сказал бывалый моряк. —

Без улова и сетей остались. Если кого и надо было во главе бригады ставить, то не этого матроса с разбитого корыта, а скорее всего Павленко. Он бы, может, рыбы и не взял, но вторую сеть не поставил бы, пока первую не нашел. Хоть что-то бы сохранилось. А теперь на удочку ловить будете.

— Вы же, Андрей Ильич, без официального разрешения в море идти не хотели, — оправдывался начальник станции. — Вот мы и решили, пока разрешения нет, самим попробовать. А потом, ясное дело, вас бы позвали. Сети надо найти теперь. Поищите? Поскребите кошкой по дну.

— У меня от ваших глупостей кошки на душе скребут. Сети ваши наверняка в расщелину попали. Их теперь только с аквалангами искать. Не хочу я с вами связываться. Вы из-за той одной камбалы, что я сверх нормы брал, сами у разбитого корыта остались, как та пушкинская старуха. Классику надо читать. Я ведь не себе брал. Чтоб нас с вами никто не трогал, я ее нужным людям отправлял. Ну да ладно. А это что за авоська?

На берегу лежала забытая Семеновым новая сеть, которую не успели унести с глаз долой.

— Ну-ну, — усмехнулся Андрей Ильич. — Вижу, серьезно дело решили поставить.

— Что, не годится сеть? — испугался начальник станции.

— Утопленников только ею вытаскивать. Вязка не та, нитка не та, цвет не тот. Я ведь свои специально для камбалы заказывал, а не для того, чтоб в волейбол играть или для гамаков приспособлять.

Спасатели, слышавшие этот разговор, разводили руками, качали головами, вздыхали и удивленно

спрашивали: что ж это, мол, у вас, Андрей Ильич, за наука такая. Вы, дескать, даже задом рыбу находите, а мы хоть задом, хоть передом без сетей остались.

— Я задом, братцы мои, не просто так сидел, — ответил Андрей Ильич. — Я на горы смотрел. По двум вершинам ориентировался. На часах у меня компас был, в ремешок вмонтированный. А руки вместо линеек служили. Крест-накрест их сложу, на вершины направлю и вижу, сколько вправо, сколько влево вильнуть следует.

— Надо же! — изумлялись спасатели. — Что значит специалист. А правда, что папиросный дым направление вам показывал?

— Ну, какое там направление, — хмыкнул Андрей Ильич. — Я им только силу ветра определял. Поправки на ветер обязательно давать надо. И на волнение моря. Меня этому долго учили. За пять минут не объяснишь. А сетей жалко. Я их у настоящих специалистов заказывал.

Через несколько дней все же поставили новую сеть. Не выбрасывать же, когда она есть. Самодельные буи вместо потерянных на самую поверхность высунули. Украдут — значит украдут. Один черт, деваться некуда. Моторист Павленко, так и не вступивший в новую бригаду, наблюдал за возвращением спасателей после промысла. Дележкой добычи руководил чаще всего новый моторист.

— Голову пограничникам, хвост милиции, середину режем на три части, — говорил обычно тот. — Один кусок налоговой, другой пожарным, третий начальнику станции. Остальным в другой раз.

Крым

Екатерина РЫСАКОВА

Здравствуй, «Юность»! Я живу и работаю в Мурманске, что за полярным кругом. На свет появилась в Твери. У меня среднее медицинское образование и высшее педагогическое (вечернее отделение филфака). Я обожаю природу, море, очень люблю плавать. По своей натуре я интроверт, не выношу компаний и скопления людей. Неравнодушна к музыке, но попсу не очень люблю. Пишу стихи довольно давно. Не могу сказать, что их у меня много. Хочу послать некоторые из них на ваш строгий суд.

* * *

Мы не знали той боли и страха,
Страшной смерти коварные знаки,
Но мы слышим твой крик, Хиросима,
Но мы слышим твой стон, Нагасаки.

Жизнь поделена на половины
До и после воздушной атаки.
Не забыть нам детей Хиросимы,
Не забыть матерей Нагасаки!
Наша боль не утихнет с годами
И растет, словно тени во мраке,
Сердце наше с тобой, Хиросима,
Слезы наши с тобой, Нагасаки!

* * *

Люби меня, когда солнце,
Люби, когда хлынут дожди.
Люби меня, как захочешь,
Над пропастью и во ржи.

Люби меня, когда плохо,
Люби в самый страшный час.
Люби меня, как богиню,
Люби, как в последний раз...

г. Мурманск

Елена КУЗНЕЦОВА

Елена Кузнецова родилась в 1972 году. Окончила Московский государственный открытый педагогический университет им. Шолохова, факультет психологии.

Вчера было очень больно,
Пали капли со лба.
Душу больного ребенка
Вынула из нутра.

Вчера

Электричество ударит в глаза.
Выйду из бездны, улыбаясь.
Вчера отменила тормоза —
Ничуть не каюсь.

Вчера был долгий день,
А ночь — в три раза дольше.
Сто раз возвращался камень,
Брошенный мной в окошко.

* * *

Так хотела жить, что вскрыла вены.
Пульс так бился, но не смог висок.
Почему мне надо самой первой,
Ведь второй всегда на волосок?

Жизнь текла — я ход ее ускорила.
Не убила, нет, наоборот!
Не смотрите жадно, с завистью,
На убогих, что смогли вперед.

* * *

Надоело мне жить счастливою,
Дарить улыбки с лица, быть красивой.

Толпы поклонников не дают продыху,
С одиночеством бы пройти под руку.

Почувствовать хочу вкус предательства,
Вкус крови на губах от ругательства.

Хорошо бы мне посочувствовать,
Только как дальше жить мне, бесчувственной?

г. Москва

Ирина ИВКИНА

Ирина Ивкина родилась в Москве. Окончила Геологоразведочный институт, потом Художественное училище № 75, в 2009 году — Высшие литературные курсы Литинститута им. А. М. Горького. Член Творческого Союза художников России с 2003 года.

ЗВУКИ ИМЕНИ

Красивым у нее было только имя. А на любителя — так и имя слишком претенциозно: ни звук, ни запах от произнесенного «Виолетта» никак не обозначали грузную женщину с крепко сжатыми губами. Скрипка, виола предполагала внешнюю хрупкость и уверенный полный звук, уносящий в потустороннее, запах фиалок намекал на ночные страсти. Звук имени бесплотно повисал в пространстве вслед тяжелым шагам всегда стоптанных на один бок туфель с выпирающими артритными костяшками, а обещанный аромат ночи замирал в далеком прошлом, — и имя укором следовало за хозяйкой. Через месяц Виолетта переходила в статус взрослой по европейским меркам женщины, а по нашим уже бесповоротно нарекалась престарелой. Значит, не годной к употреблению, когда слова «любовь», а тем более «секс» становятся лишними, не имеющими к тебе отношения. Смешными, в конце концов.

Последний раз слова, имеющие связь с телесным желанием, про-

износили в ее адрес пять лет назад. История с Егором Ивановичем тянулась мучительно долго и вконец опустошила ее. Десять лет он мотался между семьей и хохотушкой-пампушкой Виолеттой, звучащей лишь для него мягким регистром скрипки, пока не получил назначение в другой город. Сокрушался, прощался с надрывом, но потом ни разу не позвонил, не написал. Виолетта неистовствовала. Но скоро успокоилась и вычеркнула. И на будущее всех вычеркнула. И невзлюбила себя. Возненавидела. С особым удовольствием мазохиста наблюдала, как расплзается тело, наливается упругим мешочком второй подбородок. Отмечала пресный взгляд и тусклые, не реагирующие на красители волосы.

Предстоящий юбилей пугал неотвратимостью, но хлопоты оказались приятными и отвлекали от мыслей, светливо бегающих вокруг цифры 50. Виолетта уже переговорила со многими потерянными во времени знакомыми, разыскала институтскую

компанию и даже соседку по школьной парте, заводную неряху Нинку, заведующую сейчас кафедрой эндокринологии. Гостей набиралось немало, но она решила не ограничивать список, а позвать всех, кого вспомнит, каждого, кто хоть чем-то способен напомнить ей о прожитой жизни. Наполненной встречами, секретами, интересами и желанием жить. Нет, нет, она совсем не собиралась умирать и, бодрясь, уговаривала себя, что все еще возможно. Говорят же, что на пенсии жизнь только начинается, а ей до пенсии жить и жить. Плюс Васька — на кого она его оставит? — молодой еще жеребец, хоть и кастрированный. Настоящий сибирский кот.

Она и жила. Васька ждал ее, требовал внимания, не спускал случайных опозданий. Демонстративно прыгал на подоконник и, не мигая, смотрел в окно, не позволяя никаких ласк, если задерживалась на несколько минут. И как ни уговаривала, ни предупреждала в те редкие дни, пару раз в году, когда

позволяла себе загоститься или сходить в театр, вонючая лужа ожидала ее либо у порога, либо у дивана, где она проводила вечера с телевизором. Обожала детективы. А любовные истории смотрела с затаенным любопытством: неужели ничего не всколыхнется в ответ? Но поцелуи ей казались искусственными, а голые тела, фрагментарно мелькающие на экране, вызывали только зависть своей упругостью и здоровым видом.

Нинка, вернее, Нина Анатолевна, взялась помочь с юбилеем и явилась с крошечным тортиком и огромным, не по размеру Виолеттиной квартирке, мужем Славой обсуждать надвигающийся вечер. Она деловито уселась в кресло, кивнув мужу на диван, где тот мог приземлиться, и начала со списка приглашенных. Называла хозяйку Витой, упразднив все звуки и запахи настоящего имени. Отвергла примеченное Виолеттой кафе и, ссылаясь на опыт, ограничила количество гостей цифрой 25. Пристально разглядывала хозяйку, советовала записаться на прием к эндокринологу, предложила помочь с анализами на гормоны. Виолетта сделала вид, что прослушала замечания по поводу лишнего веса и тотального одиночества, пагубных для женщины ее возраста. Слава участия в разговоре не принимал, но неожиданно нашел подход к Ваське, который терся рядом и предательски мурлыкал незнакомцу. В доме редко бывали гости, и кот обычно не терпел посторонних на своей территории. Виолетта разгорячилась, отстаивая свой вариант праздника, говорила громко, носилась из кухни в гостиную, подливая гостям чаю, и даже что-то напевала. Нинка одергивала узкую юбку, крутила обесцвеченный локон, остерегалась от многолюдной

вечеринки, грозящей превратиться в неконтролируемую пьянку. Компромисса не нашли.

Ночью Виолетта увидела сон. Слава стоял в тесном коридоре и властно держал ее за руку. Позади нее что-то стрекотала Нинка. Виолетта оглянулась, пожалла плечами, словно не понимая ее возмущения, и шагнула в спальню. Слава плотно закрыл за ними дверь, не взглянув на жену. Нинка поскреблась и затихла, или это был Васька... Слава хмыкнул, Виолетта расхохоталась, откидывая голову. Густые волосы цвета жареного каштана эффектно рассыпались по ее оголенным плечам. Во сне Виолетта подумала, что много раз видела нечто подобное в кино, и тогда картинка казалась ей дешевой. Она со стороны еще раз полюбовалась каскадом волос, мрамором кожи, хихикнула пошленькому сравнению, обнажив ровные белые зубы, облизала губы. Взглянула на Славу, оценивая его восторг. Он, как положено, восхищенно следил за ее движениями. Она схватилась за подол шелка и потянула ночную рубашку наверх. Сильная, мужская рука легла на грудь, пальцы крепко обхватили сосок. Она замерла. Его грудная клетка вздымалась, упираясь ей в лопатки. Она непроизвольно подалась вперед, упираясь ягодицами в напрягшийся гультфик брюк. Он обхватил ее поперек живота, помогая сохранить равновесие. Другой рукой схватил за загривок. Вдохнул крепкий каштановый запах волос...

Проснулась. Провела ладонью по бедру — теплое, липкое тело, как будто в ночных странствиях она принимала медовые ванны. И ни с чем не сравнимое, забытое чувство сладости. Виолетта потянулась, прислушиваясь к каждой частичке своего тела. Повозилась в постели,

припоминая мельчайшие отголоски ощущений, и с улыбкой нашкодившей девчонки отправилась в ванную.

Уютная квартирка теперь казалась ей тесной, не вмещающей энергии, подвига желаний и зачавших друзей и знакомых. Задвинутое в угол кресло освободило место для коврика, на котором два раза в день все более уверенно она исполняла упражнения йоги. Плюс массаж, диета, косметолог. Но, главное, глаза. Они сияли.

Юбилей. Юбиляр. Какие странные, нелепые, бессмысленные слова. Но Виолетта была счастлива, что гости пришли именно к ней. Значит, хороший повод. Она даже не запретила говорить речи, ее это развлекало. Пятьдесят человек, пятьдесят лет, а жизнь только начинается. Виолетта отплясывала весь вечер — и никакой одышки. И комплименты. Она знала, что искренние, они лились вдоволь. И Павел, упустивший ее на втором курсе института, уже настоял на свидании и не сводил глаз. И никто не напился, кроме Нинкиного мужа, который весь вечер молча просидел за столом. И когда она благодарила гостей и смогла, наконец, поймать его взгляд, подняла последний тост за всех принцев, которые спешат разбудить красавицу волшебным поцелуем, пусть даже только во сне. Слава перевел взгляд на бутылку, он не слышал Виолетту.

Она звучала уже не скрипкой, а бархатной, многообещающей виолончелью, дарила прощальные улыбки и поцелуи. Последний достался Нинке, придерживающей дверь. Виолетта выпорхнула из зала с ворохом благоухающих букетов. Следом бежал Павел, нагруженный подарками. Нинке он напомнил гончую, преследующую добычу по запаху, запаху желанной женщины.

г. Москва

Евгений РЫК

Продолжение.
Начало в № 10, 11, 12 за 2010 г., в № 1, 2, 3 за 2011 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

ПЛУТОВСКОЙ РОМАН

39.

Как и всегда бывает в таких чудных заведениях вроде нашего консульства, в один прекрасный день произошло чудное событие — явился живой тонганец. Оказалось, представитель туристической фирмы организывает отдых и рыбалку в Океании.

Явление варяга народу произошло панически: все жулики были смущены визитом, подспудно боясь какого-нибудь коварства со стороны посетителя. Например, вопросов по конституции или биографии любимого монарха Тауфаахау — или премьер-министра Барона Вэа.

Тонганец, однако, оказался покладистым, ничего не просил, решил, видите ли, засвидетельствовать почтение. Этим он напугал руководство консульства еще сильнее; все, не сговариваясь, решили, что это засланный казачок, проверка со стороны подлых островов.

Тут же, пока в приемной консула визитера поили чаем, в кабинете почетного шло экстренное заседание. Шло нервно, с шипением высоких присутствующих сторон, с заговорщическим шепотом и телефонными звонками в разные адреса. Наконец держать гостя в прихожей стало просто неприлично, и его пригласили в кабинет.

Тонганец назвался Джонатаном Кипепуэной. От такой новости нико-

му не стало ни холодно ни жарко. Он протянул свою визитную карточку, которую внимательно принялся рассматривать помощник Никитина, стараясь это сделать по возможности незаметней. Мистер Кипепуэна хорошо говорил по-английски:

— Рад познакомиться, господин консул.

— Взаимно, господин Кипепуэна. Что вас привело в Россию?

— Бизнес, связанный с туризмом.

— Какую помощь может вам оказать консульство?

— Что вы, что вы... Извините за беспокойство! У меня есть координаты контрагентов.

Никитин чуть заметно пожал плечами, мол, если ты такой гордый... К посланцу далеких островов обратился секретарь консульства, но, неожиданно для Дж. Кипепуэны, через переводчицу:

— Здесь не всегда можно добиться скорого успеха. Возможно, консульство смогло бы и само подыскать вам надежных партнеров — вполне кредитоспособных и солидных.

Джонатан-визитер не возражал (иначе это могло бы быть не понято дипломатами: чего же тогда добивается этот бизнесмен?). Рекомендации старшего чиновника были с благодарностью приняты, причем при этом господин Кипепуэна продемонстрировал все причиндалы

океанской благодарности: привстал, сложил руки на груди, поклонился...

То же продемонстрировал и секретарь, не отставая в лицемерии от гостя. «Интересно, — размышлял, глядя на эти церемонии, Никитин, — чему их только в ЦК не учили... А если бы этот Джонатан стал на колени? Поцеловал прах у наших ног?»

— Позвольте мы организуем вам, как гостю, экскурсию по Москве. Не отказывайтесь, здесь так принято. Разумеется, все расходы с удовольствием возьмет на себя наша миссия, — сладко пел Тамбовцев посредством толмача.

Отступать тонганцу было куда, у него за спиной не было даже Москвы, потому что она была кругом. Гостя вежливо просили подождать в кабинете помощника. Когда он вышел, Тамбовцев утвердил план действия: с Джонатаном отправляются Смок и Лысый. Второй будет переводить, а первый присматривать за вторым, чтобы быстро не нализался в кабаке. Потом обязали по интеркому Мишу, чтобы гостю подставили девицу и с нею его фотографировали.

(«На всякий случай, Михаил Васильевич...»)

За кортежем странного гостя приказали отправиться целой бригаде дублеров в составе не виденного им администратора Галамтера и маши-

нистки Нателлы. Было велено проследить ход операции и докладывать через каждый час.

Турне по городу началось со скандала о предположительном маршруте. Пастор предложил Музей изобразительных искусств.

— Может, мля, еще в консерваторию пойти? — саркастически ухмыльнулся архивариус. — Почапаем, чисто покушаем — все ништяк склеится.

— Нет, Михаил Богданович, все-таки иностранец, требуется культурная программа. Ну, пойдемте тогда в Музей народов Востока, он все же оттуда.

— Ха, можэ, еще в фэлармонию? Слушай сюда: идем на Красную площадь, потом едем к университету, потом в Лужники, пройдемся по Арбату — вот те и музей! А потом сразу на хавку и по телкам.

— Ладно, как угодно...

— То-то, — наставительно подчеркнул М. Смок и добавил модный, хотя и нехитрый афоризм: — Против героина нету кокаина!

Отправились.

Бригада наблюдения регулярно докладывала по мобильному телефону ситуацию волнуемому Тамбовцеву и приехавшему экстренно к тому времени Швецову:

— Гуляют по Красной площади. Фотографируются. Мишу остановил милиционер...

— Что случилось? — заволновались в кабинете.

— Он бросил окурок на землю. Поднял. С него дерут штраф...

Еще через час:

— Ходят по Лужникам. Миша купил для гостя меховую шапку. Встретил какого-то знакомого... Ударил его кулаком по голове — это он так шутит, что ли...

В кабинете застонали.

Наконец бригада позвонила из Хаммеровского центра, где вояжеры оттягивались в итальянском ресторане.

— Пьют вкрутую. Миша не отпускает чурку от себя, пошел с ним в ту-

алет. Наш пастор сразу выпил три рюмки водки подряд...

В консульстве у аппарата громкой связи уже рычали, проклиная таких коллег и судьбу, связавшую их с этими ублюдками. Если бы священник услышал все эти эпитеты в свой адрес, он бы только поразился причудам русского языка. А вот Миша уж точно отложил бы эти оскорбления в неглубокий дальний отдел своего мозга, чтобы при случае «просветить этот вопрос».

Тут раздался доклад о том, что проститутки сняты и команда отправилась на квартиру архивариуса, где сластолюбец оборудовал стеной шкаф под пункт подсматривания за своими гостями. Все-таки рэкетир свое дело знал и ума еще не пропил. Операция пока шла по плану, теперь нужно будет дождаться утреннего доклада и свежих фоторабот мастера кадра М. Б. Смока, эсквайра.

40.

Пришла беда — отворяй все. Помощник консула поехал в банк с бухгалтершей на своей машине и сбил пьяную старушку. Такие старушки водятся в наших палестинах. Сергей был трезв, а пешеход — наоборот, но прошли те счастливые времена, когда гаишники боялись машин с иностранными номерами. Сегодня эти авто — любимые объекты охоты стражей уличной безопасности: иностранец, как правило, вежлив, денежен и ему жуть как неохота связываться с властями. Даже дипломатам. Потому что шпионам из них нечего светиться — за это собственное начальство по голове не погладит. А карьерным тоже лихо: работа в России — это большая ступенька в карьере. Какой-нибудь исландец или аргентинец в какой-нибудь Сьерра-Леоне и разговаривать с полицаем не будет, прикрываясь неприкосновенностью. А в Москве придется. В Вашингтоне тоже нужно,

там такие копы... В школе они еще, может, и учились, но университетов точно не кончали. У них есть приказ своего начальника участка или района, и отменить его могут только непосредственно президент Соединенных Штатов или Господь Бог.

Да... Сбил старушку. Ее крепко и серьезно пьющий сынок по совету многократно сидевших в ЛТП дружков подал на консульство иск в суд. Пришлось посылать к сыночку Мишу Смока с друзьями. После их визита сумма иска наследником была снижена со ста тысяч долларов до ящика водки, каковой он тут же и получил в обмен на заявление о снятии претензий.

Только вытащили из скандала Августяна, как беда подкралась с другой стороны. На квартире матери журналиста-священника произошла перестрелка. Самое интересное заключалось в том, что непонятно, кто стрелял и в кого. Мать Лысого не пострадала, ничего из квартиры не пропало, и, кроме стреляных гильз, никаких следов нападавших милиция не нашла. Но это приключение сильно расстроило все консульство: дало лишний раз задуматься о бренности мира и случайности в раздаче карт там, наверху. Разумеется, Никитин сочувствовал Геннадию и понимал его угнетенное состояние. Патер ходил непривычно замкнутый, сгорбившийся, на вопросы или не отвечал, или произносил что-то отрывистое, невпопад.

Печали множились, даже в мелочах. Стояла на кухне микроволновая печка и вдруг взорвалась. Никто не пострадал, лишь взрыв перепугал уборщицу Иру. Пустячок, а неприятно.

На Кутузовском проспекте, когда консул ехал в торгпредство Великобритании, у его «мерседеса» пробило колесо, да так сильно, что машину повело на встречную полосу. К счастью для всех, никто навстречу им не ехал, что непривычно для этой трассы.

Ну, что это вам, мед?

После случая с квартирой матери Лысый крепко запил, срывал встречи, не ходил в присутствие. Его понимали и не дергали, но время от времени звонили в маленькую квартиру на Солянку, где консульство снимало жилплощадь для своего духовника.

Горе горькое по свету шлялось и на нас невзначай набрело...

Швецов и Тамбовцев уехали в Германию, где в Бонне находился Культурный центр султаната Бруней, единственного в Европе. Видно, одной страны в этом районе мира им было мало: расширяли дело.

Пользуясь отсутствием строгого начальства, расхандрились и технические службы. Генералы в миссии появлялись нечасто, консул сидел сычом, и то больше дома, а Смок был постоянно «на стрелках».

Все же даже боги и те устают от постоянных подлянок людям. По-немногу спокойствие восстанавливалось.

Однажды пастор без звонка пожаловал к своему высшему боссу.

— Как дела, Геннадий? — вежливо поинтересовался у компаньона консул.

— А где же Лысый? — с пьяной обидой выдал экс-журналист.

— Да бросьте... Что, хотите?

— Да, выпью, мерси. Я сам, — пошел он прохоженной дорожкой на кухню.

Что-то с ним явно происходило. И было жалко Никитину этого человечка, павшего от традиционной русской болезни. Неожиданно раздался сатанинский смех международного:

— Мон шер, я подумал сейчас...

Ха! Если бы Пушкин женился не на Наталье Николаевне, а на Арине Родионовне, то ему поставили бы памятник не чугунный, а как минимум серебряный.

— Ничего. Умно, — согласился с ним консул.

— Без ума проколотишься, без хлеба не проживешь, — привел

очередную мудрость патер, взыскательным взглядом осматривая жидкость в своем стакане. — Ох-хо-хо...

— Как матушка? — вежливо поинтересовался Никитин.

— Маман не пострадала... Впрочем... Думаю, что старушка никого не интересовала. Идиоты! Неужели они рассчитывали?.. Все перерыли... Если бы мазер не спала, то просто бы умерла от страха... Ну, я им, сукам поганым... Ладно, затрем для ясности...

Он еще что-то невнятно пробурчал в стакан, как говаривали советские поэты-песенники: «Я вам спою в бутон тюльпана...»

— У нее были сбережения? Ценности? — аккуратно поддержал тему консул.

— Маман бедна, как крыса.

Никитин помолчал из сочувствия, а падре Геннадий — потому, что в это время отхлебывал напиток.

— В органы обращались?

— Сами примчались на выстрелы. Понятно, никаких следов, никаких предположений... Кто стрелял? В кого? Зачем? Все, чему они выучились, — это писать в протоколе заученную фразочку: «Тупое проникающее огнестрельное ранение, несовместимое с жизнью». О! А ргорос: о милицейских формулировках. Итак. Год, кажется, семьдесят третий или что-то там около... Моего приятеля не пускают в Болгарию. Знаете, что такое ОВИР? — Уже сам Лысый переменял тему.

— Бог миловал. Сейчас-то конечно...

— Ну, этот милицейский орган по выдаче загранпаспортов и нынче функционирует. Ясное дело, что курировала их Лубянка... Приходит приятель с приглашением из Софии. Здравсте, граждане дорогие, хочу в братско-солнечную НРБ. А там такие битые людишки говорят: а вы зачем едете? В командировку? Тот говорит: вот именно. Тогда пусть вам оформляют ксиву на работе. Тот им, поправившись: и отдохнуть бы хотелось... Те

ему: милости просим в профсоюзы за путевкой. Он им: вообще-то я и написать о Болгарии хотел. Статью там или трилогию... Ему: вас ждет Союз советских писателей. К счастью, у меня однокурсник работал не в районном, а в городском ОВИРе. Мы к нему с коньяком, выпили. Скажи, говорим, не в дружбу, а в спецслужбу, что писать в анкете?

— И он раскололся? — спросил консул, всегда с интересом выслушивающий веселую болтовню журналиста.

— Не сра-азу! Поломался для форсу. А потом подсказал: к такому-то для — подтверждения — наличия — устойчивой — дружеской — связи! А! Ларошфуко! Макиавелли!

— Помогло?

— В райОВИРе рыдали, все допытывались, откуда списал слова. Но мы ни гугу, — сказал и подкрепил себя глотком рассказчик.

— Все-таки, Геннадий, вы талант.

— Да, слышал. Глыба. Матерый человечище. Ну что вы на меня оставились, как старушка на сдачу?

41.

Справедливости ради надо заметить, что были в консульстве и светлые дни. Вот наградили почетного орденом. («Легион толстомордых наградил орденом почетного!» — тут же прокомментировал это событие Лысый. Чем, спрашивается, это теперь не орден Почетного легиона?) Пьянка-гулянка, слезы-цветочки, сопли-слюни... Вообще-то Никитину это было приятно. Еще полтора года назад он бы поверил, что государство справедливо оценило его педагогическую и подвижническую деятельность. Но сейчас, после уроков помойки и «дипломатической работы», он в эти добрые дела не верил как-то даже органически.

Но отметили все чин чинарем: орден вручали в консульском управлении МИДа, в отделе Азиатско-Тихоокеанского региона. Замначальника управления и начальник АТР смотрели на консула диковато, что не

принято у дипломатов — да, видеть, были резоны... Это кинокомедия не укрылась от Никитина. Только он не мог понять причину. В тот же день пришла телеграмма с Тонга, прямо-таки от самого короля! В другой телеграмме, от премьер-министра, подтверждалось приглашение на декабрь. Среди приветствий от коллег была телега и от дружка-патера, написанная латинскими буквами и в переводе значившая: «Я зпт как Собакевич зпт мало чем доволен зпт но сегодня вот доволен тчк Безволосов вскл».

Консул, разбирая поднос с поздравлениями у себя в кабинете, засмеялся и вызвал стенографистку:

— Будьте любезны, составьте телеграмму нашему священнику.

— Кому? Простите... Геннадию?

— Да, Геннадию Владиславовичу.

— Слушаю, ваше превосходительство, — внутренне содрогаясь от идиотизма начальства, ответила девица.

— Текст: «Интересно зпт как отбить у вас вкус к проповедям впр Волонтаристов тчк».

— Так и передать? — отчаявшись вернуть консула к разуму, спросила стенографистка. — А Волон Таристов — это имя и фамилия?

— Нет, только фамилия.

— В одно слово пишется?

— Да. Так когда-то Хрущева называли. Никиту Сергеевича. Слыхали о таком?

— Слышала...

— И как?

Девушка даже побледнела от страха, боялась потерять свое теплое место. Вальяжные манеры консула-кавалергарда в сочетании с его странными вопросами действовали на стенографистку Дину гипнотически.

— На наш адрес? — только и спросила она.

— Да. Срочную.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

Девушка уже ничего не хотела понять, а только побыстрее уйти.

Мягким жестом Никитин отпустил девицу, а в дверь просунулся Миша Смок:

— Василич, свободен?

Консул вспомнил, кто есть кто:

— Конечно.

Архивариус тряхнул ему руку, почетный приподнялся.

— Василич, все ништяк! Я чисто посижу тут... — вопросительно-утвердительно проговорил тезка консула. — Да... Как это они прочухались?! Слышь, Василич, ты там помаракуй — одному пацану нельзя такую цацку схавать? А то у нехо, слышь, скоро свадьба, а?

— Да я и сам не знаю, почему меня наградили...

— Ниче... Это не смертельно.

Во у меня был один случай...

В дверях появился консультант почетного строгий Валерий Романов с кожаной папкой. Миша Смок только мазнул взглядом по вошедшему и не дал тому открыть рот:

— Але! Совещание! Конкрэтно!

Почетный заметил, как напрягся консультант и сколько ненависти блеснуло в его голубых глазах за модными очками без оправы. Романов промолчал, посмотрел на консула. Тот отвел взгляд. Смок хмыкнул.

— Извините, — промолвил консультант, пятясь задом в дверь.

Когда он вышел, архивариус интимно перегнулся к консулу:

— Терпеть видеть хада не моху!

Никитин промолчал.

— Да... Так был один у меня случай... Я тогда еще бомбил по курям. Ну, эта... был экспедитором. Брали на мясокомбинате курей и развозили с машиной по районам... Ну типа станем хде на перекрестке, с хрузовика торхуем курами... Дело зимой, куры мороженые... А на мяске у меня один кореш подъедался. Он хрит: «Миш, тут чума — куры дрогнули!»

Консул понимал почти все из винегрета воспоминаний Смока, но последнее и он не смог расшифровать.

— Что? Дрогнули?

— Ну! А-а... Значить, протухли на хер. Въехал?

— Да-да...

— Во... Мне кореш базлает: Миш,

продашь — половина бабок твоих, а то мы их списать не сможем. Берешь? Беру, ховорю... Дефицит тогда был — номер раз! Мы с шоферюхой так решили: типа кура заморожена. Пока бабы ее разморозят — минут сорок, начнут варить — еще десять бери. Пока оденется — еще с пяток... Въехал?

— Не-ет, — проблеял Никитин, действительно не понимая, что к чему.

— Э-э-э, — протянул Миша, — куры же дрогнули! Такой те запашок станет, че там твой Бухенвальд! Значить, у нас время час от силы — и хватай нохи в руки. Во... Становимся в одном месте, я типа торхую, водила в кабине. А сам за часами слежу — не прозевать бы. И по сторонам — зырк-зырк. Как только увижу первую биксу, шо бежить к нам с кастрюлей, — бац! — в стенку фурхона: хони! Очередь не очередь — деру! И на друхой перекресток, подалее. Въехал?

— Да.

— Ну, скажу, почти всех курей продали. Пока разморозят, в кастрюлю, сама в шубу, к нам — мы деру! И вот уж на последнем перекрестке торхую... Вижу, из подъездов бежут с кастрюлями. Я водиле — бац! Он по хазам, а бензик у нехо — бац! — и кранты!

Консул рассмеялся:

— И что было?

— Я с бабками сбежал, а водиле бабы так отмудохали... Заставляли тех курей жрать.

— Ел?

— А куда денешься?! Все ж таки орденом лучше обсыпаться. А? Как петришь?

— Чем тухлой курицей?

— А я те о чем?! Лады. Совещание закончено, пойду я...

42.

Сказка о Е. В. королевской половой тряпке

Сначала, собственно, королевская половая тряпка была ни больше ни

меньше как королевским подбоем ее величества Мантии короля.

Да, ей приходилось встречаться с низкими истинами вроде полов, дорожек зимнего сада, ступеньками лестниц. Но ведь были — были! — и высокородные знакомства. Один Его Величества трон короля чего стоит! А гардероб, опочивальня, спецсундук короля! Да что там говорить: знакомства серьезные, ответственные. Конечно, Подбой Мантии не совсем сама Мантия с ее горностаями, бриллиантовыми застежками и бархатом, но ведь они работали вместе. Ведь вместе, так же? Что такое «драгоценная застежка» на вороте Мантии сама по себе? Ничего! Ошейник.

Что такое отдельно взятый бархат? Отрез дорогой материи (а если говорить между нами, не самой и дорогой). Но все же шитая золотыми нитками и все такое прочее, жемчуг там... Один локоть такой ткани — это, между прочим, пятьдесят динаров.

Или горностаи! Зверь семейства куньих. Длина тела до тридцати двух см, хвоста — до десяти см. Водится в Европе и Северной Америке.

Уничтожает вредных грызунов. Объект пушного промысла... Гы!

А все вместе мы — Мантия!

Происходим от греческого слова *mantion*, что означает «покрывало», «плащ», и являемся парадным одеянием монархов, высших церковных служителей. Иногда скромные, однотонные, без отделок мантии перепдают и другим ответработникам, например судьям или там академикам.

Но только короли в этом мире имеют настоящие, освященные веками одежды. В нас, мантиях, пишут их официальные портреты. В нас они открывают сессии своих парламентов или главные праздники стран. В мантиях они принимают послов, женят своих детей. Нередко в них ложатся и в гроб. Вот в коронах — почти никогда, а в нас очень даже часто.

Королевские дома мира хихикают в спины скандинавских королев-

ских семей. Видите ли, высокомерным аристократам не нравится, что все эти шведские, датские, норвежские венценосные семьи ведут скромный образ жизни: сами покупают себе в магазинах книги или одежду, бродят по городам и весям без чрезмерной охраны, катаются на природе. «Велосипедными королями» зовут их те, на кого по пятьсот покушений в год бывает и кого свой же народ высмеивает в карикатурах воскресных газет. А те просто умные. Они понимают, что нельзя своих подданных, за чей счет они и живут, раздражать бриллиантами размером с детскую головку или прикуриванием контрабандных гаванских сигар от сто долларовых бумажек...

Но даже наши скромники демократы и те понимают, что на своих велосипедах в нас, мантиях, по бакалейным лавочкам ездить нельзя. Всему есть мера.

Итак, жил-был Подбой Мантии. Рожден от шелковичного червя в Китае, перевезен готовой нитью морем в Венецию в семнадцатом веке. Выткан в Милане в 1693 году мастером Фелисио Буэльто (между прочим, испанцем).

Окрашен в красильне Тимано в благородный лиловый цвет, вероятно, предполагалось использовать меня на рясу какому-нибудь кардиналу, а то и самому Папе Римскому — священникам рангом ниже лиловый цвет не полагался.

Продан в лавочку еврея Гемео на улице Ноче, что напротив ювелирной мастерской Перуцци, — ее-то всякая собака в Милане знает.

Куплен королевским портным Томазо Порри в 1702 году с неопределенными целями; какая-то преждевременная радость захлестнула меня — ведь Порри был придворным закройщиком! Я был олимпийски спокоен (ведь лиловый — холодный цвет): подожди, не торопись. В мастерской Томазо шью и для отцов церкви, и даже, прости господи, для комедиантов правителя Милана!

Счастье было со мной: миновала и ужасная участь превратиться в носовой платок, рубашку или в какую-нибудь гадость в туалете падшей актрисы.

Пронесло и с церковными причинами — кусок оказался для одной сутаны слишком большим, а для двух — слишком маленьким. Попы счет любят и решили не тратиться на такой неудобный отрез, ведь на сутанах у кардиналов заплат не предполагается.

Портной Порри получил заказ на пошив Мантии для правителя Милана в 1704 году. *Сострокал* он плащик довольно быстро, потому что был профессионалом и умным человеком. Первое помогло исполнить ему Мантию замечательную, по фигуре, с отличным мехом и прекрасными застежками. А второе подсказало, что нельзя отдавать свое произведение сразу — не тот будет эффект. Поэтому он мурыжил выполнение своего заказа чуть ли не год, доведя королевского гардеробчегго до инфаркта. И когда, наконец, к синьору Томазо Порри пришла дворцовая стража, чтобы заточить его в каталажку, мастер вынес Ее!

Не скрою, что шок от Мантии испытали не только грубые полицейские, но и вся королевская рать. Двор застыл, увидев нас, а потом застонал от зависти и по-итальянски экспансивно заплодировал.

Да, я был скрыт от взгляда многих, так сказать, боец невидимого фронта, но ведь мы, Мантия, были одним целым, не так ли?

В 1708 году нас в первый раз прожгли насквозь, капнув смолой с факела на фиесте в Ливорно. Пришлось (о, позор!) нас штопать. Но портной попался опытный, хоть и не синьор Порри. Потом прямо в Мантии нашего герцога убили. Зарезали, как тогда было принято. Я считаю, что лучше бы, конечно, задушили — тогда бы его свиначьей кровью не запачкали всю левую сторону полы. Разумеется, сейчас бы герцога расстреляли из пулемета, и Мантия бы

была навек испорчена! Да! Вот яд еще хорошо действует, если только принявшего порошок не тошнит.

Теперь нас носил сын покойного. Но он тоже был порядочной скотиной, потому что любил воевать, а на бой надевал Мантию. Сколько же нам, Подбою, лежащему на жопе его коней, пришлось впитать пота и вони от этих гнусных лошадей. К счастью, сына убили. К несчастью, его наследницей оказалась дочь. Ей Мантия была не по плечу, и она сшила себе другую так называемую мантию. Господи, всякий недомерок — и туда же!

Нас бросили в сундук, где мы пролежали без малого сто лет: живучая была и бабка, и дочь ее. Представляете: темень, сука-моль, задыхаемся от какой-то гадости, чем нас пересыпали... А жемчуг наш темнеет, тускнеет! Ему, жемчугу, нельзя без тепла человеческого тела — камень нежный, он умирает без этого. Вспоминать тяжело. Наконец, пришел наш день. Нас вытащили на свет божий, хорошенько вычистили, облили духами и преподнесли в дар какому-то генералу-коротышке. Не король, я вам скажу. Но когда он набросил Мантию на плечи, все вокруг зашептали в экстазе:

— Истинный император!

— Да здравствует император!

— Да здравствует император Наполеон Первый!

Это — другой колер: императору мы ровня.

Ладно... Часто он Мантию не надевал, но мы переехали в Париж. Так впервые Мантия очутилась за границей. Потом этих переездов было больше, чем нужно: Австрия, Пруссия, Нидерланды... Потерялся и счет стран, и хозяев, и гардеробов с сундуками.

Глупые люди не понимали, что Мантию нельзя, как трусы, таскать туда-сюда: мы — предмет антикварный, хрупкий. Нет, возили, носили, таскали... А Мантия, естественно, старела. Уже на Подбое стали проявляться истончения, соболь

на воротнике потерял свои усы, мерзавец-слуга однажды вытащил бриллиант, пропил, разумеется. На бархате появилась потертость. Одним словом, помирали мы. Уже мы не различали своих хозяев. Часто это были простые солдаты, что грабили дворцы. Бывало, едешь куда-нибудь в Данию в солдатском ранце между сухарями и портянками — те хохочут!

Но два последних хозяина помнятся хорошо. Какой-то последний высверк памяти, наверное, так и всем старикам помнится жизнь — только начало и конец. Один, толстый, нас надел, повертелся у зеркала, спросил у дохлого:

— Идет она мне? Говорят, это носил император Тиберий! (Ложь!)

— Нет, Геринг, будьте проще — и к вам потянутся люди.

— Но, мой фюрер...

Потом помню только стрельбу, стрельбу и стрельбу. И последнего нашего хозяина.

— Как вам она идет, Иосиф Виссарионович, — лыстил толстяк маленькому сутулому человеку.

— Ерунда, Лаврентий. Ленин говорил, что мы из золота будем строить уличные сортиры. А я говорю: мы из королевских мантий будем делать половые тряпки. Распорядись!

Теперь я работаю тряпкой. Вы смеетесь? Зря, между прочим: во дворце все-таки, в Кремле. А ведь он — итальянской работы, следовательно, вернулся ваш Подбой на родину. Прав был наш хозяин, когда говорил: «Кадры решают все!»

43.

На работе Михаила Васильевича поразил вид собственной секретарши. Вика сидела на своем рабочем месте... абсолютно голой. То есть на ней была кофточка, но совершенно «стеклянная». Под кофточкой же не было ничего. Если консула считать бараном, а обнаженные груди барышни — воротами, то тогда все точно сходилось, по поговорке.

— А... — начал почетный, а продолжить и не смог: его смущал не сам фасад машинописки, а какой-то в нем недостаток.

Вика же реагировала совершенно спокойно:

— Господин Смок приказал.

— А... — опять проблеял старый учитель, но девушка по-своему поняла его недоумение:

— А соски приказал лейкопластырем заклеить. Телесного цвета.

Закашлявшись, консул без слов вошел в свой кабинет. На столе его уже ждал готовый доклад, составленный силами всего диппредставительства и даже привлеченных лиц. Он должен (и доклад, и консул) поразить избранных студентов и профессорско-преподавательский состав Московского государственного института международных отношений, МГИМО.

Обычно там выступают приглашенные лица с небольшими эссе. Как правило, о своих государствах или политических системах. Но творческий коллектив под руководством генерала Кононова подготовил фундаментальную монографию чуть ли не по всем внутренним и внешним вопросам нашей страны. Причем с начала века и по сей день. Привычно, по-учительски быстро Никитин пробежал глазами текст, останавливаясь на особо любопытных эпизодах повествования, открывая и для себя много интересного и в без того удивительной истории нашей Родины. Чтобы не утомлять вас, позвольте доносить их конспективно и в неопределенной временной последовательности. Как любили говорить в передаче «Радионяня», «веселье случаи на уроках».

«...Экс-председатель КГБ СССР Семичастный сказал в беседе с другим экс-председателем Шелепиным 27 марта 1989 года о Хрущеве:

“Мне с трудом удалось сохранить от раздела КГБ, как он разделил МВД на городское министерство и сельское. Рассказал анекдот: милиционеры подобрали на улице пьяного,

принюхиваются — если пахнет коньяком, отвозят его в городское МВД, а если самогонкой, то в сельское. Шпионов же так не разделишь, Никита Сергеевич!»

«...Заметка из газеты “Слово об убийстве помощника пристава Жданова от 10 мая 1906 года. “В Тамбове около десяти вечера Жданов возвращался домой. Революционеры вынесли ему суровый приговор, и “неизвестный субъект, по наружному виду интеллигентный рабочий, покончил с ним из-за угла...”»

«...Январь 1919 года, донесение агента ВЧК о выступлениях рабочих на митинге при заводе Гужона. “Только большевикам все привилегии. Им и карточки на галоши!”»

«...Протокол допроса арестованного командующего Западным фронтом генерала армии Героя Советского Союза Павлова В. Г. от 7 июля 1941 г. 1 час 30 мин. “Вопрос: кто виновник прорыва на Западном фронте?”

Ответ: на левый фланг Кузнецовым (Прибалтийский военный округ) были поставлены литовские части, которые воевать не хотели. После первого нажима на левое крыло прибалтов литовские части перестреляли своих командиров и разбежались»».

«...Из справки министра государственной безопасности В. Меркулова о настроениях в армии после сообщения о болезни Сталина от 5 марта 1953 года. Вольнонаемная работница военной базы Московского военного округа: “Как жаль, что он так тяжело заболел. Не приложили ли руку к его здоровью евреи?” Слесарь эксплуатационно-технического отдела: “Наши органы все проморгали. Если не выздоровеет т. Сталин, как бы рабочие не устроили погром еврейских палаток и магазинов”. Начальник клуба артиллерийской базы: “Туда и дорога”. (Дано указание документировать и арестовать.)».

«...Справка о снабжении продуктами приписанных к продовольственному отделу ВЦИК на одного человека в день от 25 октября 1920 г.

Одно взамен другого. Обед: мясо — 24 золотника (членам ВЦИК — 72 зол.); дичь — 24–72; рыба — 24–1 фунт 10 зол.; сельди — 32.

На второе: крупа, рис, макароны — 18–32 зол.; картофель — 48–1 фунт; масло слив. — 2–6; масло раст. — 2–6; сало, мука, соль, томат, сахар 2–6; хлеб — 24–1 фунт.

Ужины: масло слив. — 6 зол.; мясо — 24; сыр — 24; ветчина — 24; колбаса — 24; икра — 24; яйца — 2 шт.; сардины — 1/2 кор.».

«...Список лиц, проживающих в Кремле, от 28 октября 1920 г.

Вознесенский монастырь. Стеклов, жена, сын, прислуга. 5 комнат; Гонецкий, жена, 2 дет., бонна и прислуга. 5 комнат; Сокольников, жена, сын, сестра и няня. 4 комнаты; Кавалерский корпус. Сталин, жена и отец. 3 комнаты; здание Рабоче-крестьянского правительства. Ленин, жена, 2 брата, прислуга. 3 комнаты; белый коридор. Каменев, жена, сын, прислуга с сыном. 4 комнаты».

«...Министр МИДа III рейха Риббентроп дал указание немецкому посланнику в Дублине... Ирландия была единственной страной Британского Содружества, поддерживавшей дипломатические отношения с Германией во время Второй мировой войны».

«...Докладная записка экс-министра МГБ СССР В. Меркулова на имя Н. С. Хрущева от 23 июля 1953 года. “Вскоре Берия выписал из Тбилиси ряд работников НКВД Грузии: Кобулова, Мамулова, Деканозова, Шария, Капанадзе, Эсилава, Гагуа и др.”. “В августе 1946 года я был назначен заместителем, а затем начальником Главсовзагранимущества и уехал за границу. В 1948 году т. Молотов вызвал меня и сказал, что намечается создание Министерства советского имущества за границей. Спросил, согласен ли я занять пост министра”».

«...Записка председателя КГБ при Совмине СССР В. Семичастного Н. Хрущеву от 4 июня 1962 г. о реагировании населения на решение ЦК

КПСС и Совмина СССР о некотором повышении цен на мясо, мясные продукты, масло. Особая папка. Совершенно секретно.

“Солдат 747-го разведдивизиона 4-й армии (Закавказский военный округ) Шибаев: “Если сейчас народ будет бунтовать, то мы своих не пойдем усмирять”. “Писатель Галич подчеркнул: “Это очень важный государственный шаг. Очевидно, иначе сделать нельзя. Еще Ленин говорил, что не следует обманывать народ, ему нужно говорить правду”».

«...Данные военной комендатуры г. Москвы о бегстве из города руководящих работников. 17 октября 1941 года.

“Сбежало 779 руководящих работников. Ими было похищено 1 млн 484 тыс. руб., разбазарено ценностей свыше 1 млн руб. и угнано 100 легковых и грузовых автомобилей.

На нелегальную работу перешли около 800 партийных, советских и комсомольских работников. Все они изменили фамилии; большинство из них трудоустроились на небольшие фабрики, в артели и кооперативные организации”».

«...Сводка ОГПУ о проявлениях антисемитизма от 2 июля 1926 года.

“Наиболее серьезной, по существу политической организацией антисемитского толка, состоящей из литераторов, является ликвидированный “Орден русских фашистов”. В конце 1923 г. 4 поэта — Есенин, Орешин, Клычков и Ганин — устроили “инцидент в пивной”. Один из пунктов их Ордена гласит: “Переселение евреев на свою родину в Палестину”».

В связи с тем, что такие пикантности на филфаке огласке не предавали, русист Никитин был в неведении об особых отношениях партии-правительства с ее же собственной творческой интеллигенцией.

Консул с удивлением рассматривал удивительные документы. Даже переворачивал листки: нет ли пояснений? Пояснений не было, зато любопытство все сильнее разбирало Михайло Васильевича.

44.

Миша Смок просто кипел боевой деятельностью, он прибежал к почетному с новым предложением: торговать титулами.

— Василич, всякое падло торхует чем попало! Всякий под себя какое общество придумает — и ну чины-звания раздавать. А мы, значить, что? Собачьим лаем пробегаем? Как фанэра над Парижем пролетаем, а?!

— Михаил, — возразил консул, — мы же не общество потомков российских дворян и не министерство геральдики. Как же мы будем возводить в звания?

Миша даже по ляжкам себя ударил. Даже подскочил в кресле, в которое, кстати, ему никто не предлагал усаживаться. Но Смок-архивариус такие тонкости отметал.

— Василич, да все эти общества — лабуда: их уже штук десять, и все за милую душу торхуют чисто конкретно! Ото!

— Да мы-то как сможем? — все еще не понимал Михаил Васильевич.

— Да чехо там мочь?! Наливай и пей! — заводился хранитель бумаг. — Мы кто? Мы консульство?

— Да...

— Почетное? Тонхи?

— Да...

— А Тонха, она кто? Член Британского Содружества наций! Въехал? Британские-то чины покруче наших будут! Ну и цена соответственно... Въехал?

— А кто же нам поручит такую процедуру? — не сдавался старший дипломат.

— Ты мне, Василич, поручишь, а я тебе. С бабками базара не будет: я тебе таких клиентов нарою — ты тока щеки надувай! В долларах заплывы будем устраивать. Ты мне только популярно объясни для наших: как че называется, че как прозывается.

Никитин не поленился и поднялся к шкафам с энциклопедией Britanica, там хоть и перечислялись некоторые титулы, но никаких

особых пояснений не приводилось. Тогда учитель вспомнил, что у Виктора Гюго что-то есть обо всех этих чинах и майоратах.

Он поделился воспоминаниями со своим собеседником.

— Как книжка прозывается?

— «Человек, который смеется».

Смок перегнулся к маленькому рабочему столику почетного, лег пузом на письменный стол и дотянулся до интеркома:

— Это кто? Вика?

— Да, — ответила страж дверей.

— Вик, давай резко дай команду, кто там у нас из бездельников какаву на кухне жрет? Пусть одна нога здесь, друхая там — в библиотеку, взять книжку Хюхо... Как название, еще раз, Михалсичич? «Человек, который смеется». Этого... Виктора Хюхо.

— Но... В какую библиотеку?

— Нахезать в какую! В любую!

Василич, она редкая?

— Вряд ли...

— Слыхала? Пусть запишутся, или купят, или сопрут... Но шоб через час она была у Михал Василича! Время пошло!

Никитин уже чудесам на работе не удивлялся: через сорок пять минут том из собрания сочинений Гюго лежал на столе консула Королевства Тонга в Москве. Учитель раскрыл книгу и нашел в первой части ту самую третью главу.

— Прочеть? Или сами?

— Не, лучше вам, — уклонился от трудного занятия архивариус.

Почетный негромко, но четко приступил:

— «Над сундуком на дощатой выведенной стене было выведено от руки чернилами:

Единственно, что следует знать

Барон и пэр Англии носит на голове золотой обруч с шестью жемчужинами.

Право на корону начинается с виконта. Виконт носит корону с неограниченным количеством жемчужин; граф — жемчужную корону, зубцы которой перемежаются с небольшими земляничными ли-

стями; у маркиза — зубцы и листья на одном уровне, у герцога — одни зубцы, без жемчужин...»

— Ата! — поразился глубине аристократических выкрутасов Миша Смок.

Никитин продолжал курс в придворный этикет и всяческую фалеристику:

— «У герцога королевской крови — обруч, составленный из крестов и лилий; у принца Уэльского...» — это сейчас Чарльз, старший сын правящей королевы, — на всякий случай объяснил консул титул хозяина Уэльса, — «...у принца Уэльского — корона такая же, как у короля, но незамкнутая.

Герцог именуется светлейшим и могущественнейшим государем; маркиз и граф — высокородным и могущественным господином; барон — истинным господином.

Обращение к герцогу: ваша светлость, к остальным пэрам — ваша милость.

Личность пэра неприкосновенна. Пэры — это парламент и суд, concilium et curia, законодательство и правосудие.

Most honourable (высокопочтимый) значит больше, чем right honourable (досточтимый). Лорда нельзя посадить в обычную тюрьму, только в лондонский Тауэр; лорд может иметь у себя в доме шесть иностранцев, всякий другой англичанин — только четыре. Лорд всегда считается ученым господином, даже если он не умеет читать. Он грамотен по праву рождения.

Простолюдину, ударившему лорда, отсекают кисть руки.

Лорд почти то же, что король.

Король почти то же, что Бог.

Англичане, обращаясь к Богу, называют его «милорд».

Миша Смок был поражен блеском далекой красоты и одновременно близкой и безопасной наживой.

— А эта, Маргарет Тэтчер, тоже там?

— Да, королева пожаловала ей баронское достоинство.

— Это... вроде... в начале хде-то?
 Консул улыбнулся:
 — Ей, видимо, хватило.
 — Ништяк, Василич, начнем тор-
 ховать. Книжку я сам на ксерохсе
 накаваю. Покажу кому надо. Хорошо
 жить, а? — И Миша выдал старый
 рок-н-ролл:

Как на Тихом океане
 тонет баржа с чуваками.
 Чуваки не унывают:
 рок на палубе кидают!
 Зиханшин-бухи, Зиханшин-рок —
 Зиханшин съел один сапох...

Почетный консул подтвердил
 кивком радостное настроение подчи-
 ненного.

— Не то слово! — радовался новому
 альянсу архивариус. — Во будем
 капусту рубить! Но, Василич, типа
 копирайты! Это запомни: идея-то
 моя...

Никитин поразился новому в сло-
 варном запасе своего подчиненного
 дипломата, но по протоколу виду не
 подал.

45.

Кроссворд «Дипломатический»

По горизонтали: 1. Правда ли то, что
 «Зеница Ока» — разведчик японско-
 го генерального штаба? 2. Мог ли
 В. И. Ленин клясться на суде в поль-
 ском городе Новы-Тырг словами:
 «Как дворянин и коммунист...»? 3.
 В какой стране проживали «чехо-
 слобаки»? 4. Первое слово в романе
 Тынянова «Пушкин» главный герой
 произнес на 127-й странице, и это
 слово «Неправда!». 5. Верно, что лю-
 бимая фраза советских дипломатов
 была из народного фольклора МИДа:
 «До онанизма руки не доходят»? 6.
 Известная террористка из ФРГ Уль-
 рика Мария Майнхоф в тюрьме стала
 драматургом, написала в камере
 пожизненного заключения пьесу для
 ТУ «Бамбула» и после этого повеси-
 лась. 7. Точно ли это, что любимой
 поговоркой лучшего друга советских
 чекистов и дипломатов И. В. Сталина

была: «Бежит молодой человек на
 запах шашлыка, а там, оказывается,
 ишака клеймят!»? 8. Когда была
 закрыта подписка на российские
 журналы «Вышка», «Гезельшафт-
 свиссеншафте» («Общественные
 науки»), «Проблемы туберкулеза»,
 «Трение и износ»? 9. Моцарта от-
 равили ядом «Аква тоффана»? 10.
 Какому древнееврейскому дипломату
 принадлежат слова: «Не здоровый,
 но больной нуждается во враче»? 11.
 Японцы в свой Новый год бьют в ко-
 локол 108 раз, напоминая о главных
 шести пороках человека (легкомыс-
 лие, глупость, жадность, алчность,
 злость и нерешительность); каждый
 из пороков имеет еще и 18 подвидов?
 12. Был ли столицей Н. И. Махно
 г. Гуляй-Поле Запорожской области
 УССР? 13. В польском языке три
 формы обращения: «ты», «вы» и «не
 может ли пан...»? 14. Официальное
 информационное агентство аф-
 риканского государства Лесото —
 «Лена», а ФРГ — «ДРА» — Дойче-
 прессе агентур? 15. Верно ли, что
 одному обвиненному в шпионаже
 дипломату следователь сказал:
 «Я засажу тебя в тюрьму на столько
 лет, что выйдешь оттуда доктором
 философии — столько книг успеешь
 прочитать!»? 16. Действительно
 ли, что у донского атамана и героя
 Платова жена была англичанкой?
 17. Точно ли, что должность отца
 сов. академика Лысенко называлась
 «заведующий хатой-лабораторией»?
 18. Поговорка израильских дипло-
 матов звучит так: «Евреи не болеют
 СПИДом. Потому что их никто не
 любит»? 19. Действительно ли про-
 должатель ГУЛАГа, начальник ГУ
 исправучреждений был генерал-лей-
 тенант МВД СССР Игорь Каторгин?
 20. Верно ли, что когда едешь по
 городу на машине с дипломатиче-
 скими номерами, то встречаешь
 одних знакомых, а в метро — других?
 21. «Выше голову!» — сказал палач,
 накидывая петлю на шею одного
 вице-консула? 22. Почему первой
 буквой в номерах у литовских авто-
 мобилистов, пойманных дорожной

полицией за пьянку, стоит «п»? 23.
 Почему СССР из всех своих соседей
 не воевал только с Норвегией? 24.
 Король Великобритании Георг VI
 заикался и промолчал всю Вторую
 мировую войну. На родине имел
 прозвище Шестой-бис? 25. Коли-
 чество членов КПСС тбилисского
 рынка в 1974 году было большим,
 чем в парторганизации Эстонской
 ССР? 26. Можно ли метеоризм
 считать «звездной болезнью»
 дипломатов? 27. Советник-послан-
 ник в Софии говорил ли на планерке,
 что «Радио + семечки = телевизор»?
 28. Рассмотрел ли парламент Респу-
 блики Грузии 5 апреля 1995 года во-
 прос о дуэлях? 29. Газета «Сегодня»
 29 марта 1995 года сообщила, что
 только 8 процентов жителей США
 обращаются ежегодно за получением
 иностранного паспорта? 30. Верно ли,
 что писатель-милитарист Р. Киплинг
 называл издевательски индусов,
 которые своими повадками и мане-
 рами хотели походить на англичан,
 «бабу»?

По вертикали: 1. Папа ли Римский
 Иоанн Павел II автор пьес «Брат на-
 шего бога», «Иеремия», «У магазина
 ювелира»? 2. Венецианец Андреа
 Мантенья (1431–1506) автор пор-
 трета «Св. семейство и неизвестная
 святая»? 3. Когда в СССР в 1932 году
 ввели паспорта, то год рождения
 записывали со слов получателя до-
 кументов? 4. В течение каждого часа
 все радиостанции настраиваются на
 волну 600, с 15-й по 18-ю минуту и с
 45-й по 48-ю для приема сигнала
 SOS? 5. Араб Рагез в 860 г. н. э. пер-
 вый в мире разбавил спирт водой? 6.
 Остров Кюрасао по-испански звучит
 «куре осадо» — «жареный пастор»?
 7. Оплачиваются ли в МИДе РФ
 бюллетени по СПИДу? 8. Декабрист
 Каховский, сидючи в Петропавлов-
 ской крепости, ожидая повешения,
 не мог перестукиваться со своими
 подельниками, так как не знал
 русского алфавита? 9. Говорят ли
 китайцы: «Ближние соседи луч-
 ше, чем дальние родственники»? 10.
 В какую именно пятку уходит

сердце у атташе, когда его вызывает в кабинет посол СССР в Танзании? 11. Верно ли, что баронесса Валевска была недовольна своим титулом, говорила: «Подумаешь, <de>! Дупа (жопа — польск.) тоже на <д> начинается!»? 12. Правда, что секретарь парткома МИДа наставлял выезжающих на работу за границу: «С малолетками, как с партвзносами, не шутить!»? 13. В Тегеране всех приезжающих предупреждают, что на фарси «гарем» — «ен-дерун»? 14. Венера Милосская — она же Афродита Луврская? 15. Действительно ли в посольствах Мексики подают блюдо «слабожгучий перец»? 16. Если ты в Нью-Йорке идешь по повестке в суд в Бруклине, а навстречу тебе негр с ведром дерьма — к добру ли это? 17. Почему, если отец и сын работают в Минвнешторге — это семейственность, а коли на заводе «Памяти революции 1905 года» — трудовая династия? 18. Первый индеец Руси был Владимир Красное Солнышко? 19. Так ли сказал поляк Станислав Ежи Лец: «Всегда найдутся эскимосы, которые выработают для жителей Конго инструкцию, как вести себя во время жары»? 20. Английские дипломаты говорят: «He needs a long spoon that sups with the devil» — «Кто ужинает с дьяволом, должен иметь большую ложку»? 21. Заменить слова песни «Скакал казак через долину» на текст «Скакал еврей через пустыню». 22. Только товарищеский суд у Петлюры выносил смертные приговоры? 23. «Помпадур» из стихотворения Маяковского в «Правде» (№ 3943), ехавший в скором поезде Москва — Харьков и ударивший по лицу официанта, был сам т. Рахула Алы Оглы Ахундов? 24. «Зеленый змий попутал» — это консул в Сан-Франциско о взятке в долларах США? 25. Правда ли это, что посол России в Лондоне граф Бенкендорф не знал русского языка, о чем клеветнически утверждала газета «Известия» от 14 января 1995 года? 26. Соответствует действитель-

ности следующая информация: 27 июля 1953 года американский пилот Ральф С. Барр сбил советский самолет «Ил-12» с пятнадцатью пассажирами и шестью членами экипажа над Китаем, который летел из Порт-Артура в СССР? И что через три дня у Мыса Грамова под Владивостоком был сбит американский «В-50»? 27. Английский разведчик Дэвид Огилви утверждал: «Мужчинам не нравится тот тип девушек, который нравится самим девушкам»? 28. Как вел себя бельгийский король Леопольд, который сидел в одном фашистском концлагере с сыном Сталина — Яковом? 29. 11 ноября 1942 года дезертир РККА Савелий Дмитриев стрелял у Лобного места на Красной площади в кортеж машин совправительства. Выстрелы попали в авто наркома Микояна. Почему С. Дмитриева расстреляли только 25 августа 1950 года? 30. Советский представитель на шахматном матче в Багио с Корчным обещал ему вести себя поджентльменски. Когда он обязательство нарушил, то с доброй улыбкой подонка заявил: «Джентльменские соглашения существуют только между джентльменами».

46.

Третий сон М. В. Никитина

...Огромное здание американского Капитолия, Вашингтон, дикстрит Колумбия, США. Это место действия.

Время действия — 10:00. Где-то в шестидесятых годах нашего века.

Сюжет: VIII Всеамериканский съезд американских писателей Соединенных Штатов Америки (ВСАП США).

Действующие лица и исполнители: в кулуарах съезда рядовые американские писатели, в комнате президиума за сценой — партгруппа и руководители ВСАП США. Вместе с делегатами присутствуют представители общественных американских организаций,

посланники трудовых коллективов страны. В холле Капитолия работает мандатная комиссия ВСАП США под руководством секретаря правления писательского союза американских писателей г-на Джона Стейнбека. Секретарь правления писательского союза американских писателей г-н Курт Воннегут руководит действиями счетной комиссии ВСАП США.

Ревизует действия рабочих групп ревизионная комиссия съезда, которую возглавляет председатель Центральной ревизионной комиссии ВСАП США г-н Джером Дэвид Сэлинджер.

Принято решение о создании редакционной комиссии съезда под руководством секретаря Союза американских писателей г-на Артура Миллера.

Делегаты VIII Всеамериканского съезда американских писателей Соединенных Штатов Америки уже заполнили Большой зал заседания конгресса США.

На трибуне секретарь Организационного комитета ВСАП США г-н С. Колофф.

«Уважаемые дамы и господа! Позвольте начать работу с предложения выбрать почетный президиум нашего съезда в лице лично президента Соединенных Штатов Америки (бурные продолжительные аплодисменты; депутаты встают, слышатся здравицы: «Да здравствует наш линкольновский кабинет министров!», «Слава великому президенту!»), вице-президента США; директора ФБР, г. Вашингтон; директора ЦРУ, Лэнгли, штат Виргиния; генерального председателя Ку-клукс-клана, г. Аннистон, штат Алабама; старшего вольного каменщика масонской ложи «Восток», г. Нью-Йорк, штат Нью-Йорк. (Аплодисменты.)

От имени партийной республиканско-демократической группы съезда позвольте также предложить на ваше утверждение рабочие органы съезда — президиум и ревизионную

комиссию ВСАП США в составе: председатель президиума съезда, первый секретарь нашей организации г-н Хемингуэй Эрнест, поселок Ки-Уэст, штат Флорида, секретари правления — по творческим секциям:

проза — Уильям Фолкнер, г. Оксфорд, штат Миссисипи,
женская проза — Лилиан Хеллман, г. Сан-Франциско, штат Калифорния,
драматургия — Артур Миллер, г. Рено, штат Невада,
критика и литературоведение — Трумэн Капоте, г. Батон-Руж, штат Луизиана,
детская и юношеская литература, поэзия — Аллен Гинзберг, г. Нью-Арк, штат Нью-Джерси.

Ревизионная комиссия — Сэлинджер, г. Биллингс, штат Монтана.

Кто за? (Депутаты голосуют мандатами. Единогласно.) Благодарю вас. Теперь позвольте поставить на голосование несколько организационных вопросов. В оргкомитет съезда поступило заявление г-на Гинзберга, что в связи с заболеванием СПИДом он не может возглавить работу юношеской секции. Кто за то, чтобы освободить Аллена от его большой творческой работы с нашей молодежью? Единогласно? Принято. В рабочую группу ВСАПа поступило, к сожалению, невнятно подписанное заявление с просьбой исключить из союза литераторов некоего Эриха-Марию Ремарка. В письме сообщается, что в 1933 году Э.-М. Ремарк купил у консула Коста-Рики в Берлине паспорт этого государства и подло въехал в США на незаконных основаниях. Ставлю на голосование: кто за исключение литератора гражданина Ремарка из наших рядов? Единогласно? Решение принято. А теперь я прошу президиум подняться на сцену и занять свои места. Слово предоставляется председателю президиума».

Г-н Э. Хемингуэй: «Уважаемые леди и джентльмены, товарищи по

перу! Позвольте зачитать несколько приветственных телеграмм нашему форуму от коллег и честных граждан всего мира (аплодисменты): “Мы, работники Пентагона, приветствуем прогрессивных писателей Америки и желаем им, менеджерам человеческих душ, успехов в работе” (аплодисменты). “Поздравляем с началом работы съезда! От лица всех членов военной хунты Сальвадора, от имени писателей нашей страны шлем вам привет!” “Мы, заключенные колонии строгого режима ИЗ 23/786, пос. Верхние Кириши Ленинского района Ямало-Ненецкого автономного округа РСФСР, заявляем: всегда считали и будем считать американскую литературу лучшей в мире!” (бурные продолжительные аплодисменты).

Спасибо, господа! Восьмой Всеамериканский съезд американских писателей США собрался в знаменательное время. Наша республиканская партия и народ живут и работают в обстановке борьбы за осуществление решений двадцать седьмой сессии конгресса страны, когда энергия замыслов превращается в энергию действий. Съезд республиканской партии, историческое заседание конгресса дали нам всем пример принципиального подхода к упущениям и недостаткам — настоящий урок правды.

Нет для писателей сегодня более важной заботы, чем забота о духовном развитии человека. Своей творческой работой мы будем и впредь помогать партии осуществлять ее масштабный реалистический курс на ускорение и эффективную перестройку во всех сферах экономической и социальной деятельности.

Анализируя путь, пройденный нашей литературой за последние годы, мы видим, что движение было нелегким поиском нового, истинно художественного выражения современной народной жизни во всей ее многогранности, драматизме и величии. Вместе с тем надо признать, что последние годы отмечены и опреде-

ленным неблагополучием в развитии литературного процесса. Читатели сетуют на появление серых и конъюнктурных произведений. Границы между литературой и псевдолитературой временами стирались, сглаживались. Сложились целые обоймы писательских имен и произведений, весьма различных по идейно-художественному уровню, но восхваляемых с одинаковым рвением. Борьба против этих тревожных проявлений ставит перед сегодняшней литературой и критикой острые и сложные проблемы. Откликаясь на программные требования РП США, каждый должен настойчиво и целеустремленно выявлять творческие резервы метода капиталистического реализма, самоотверженно служить повышению идейно-художественного качества литературы... Вызов времени, токи современности, глас народной совести... Это вечно, и это всегда ново. На Востоке нашу творческую жизнь изображают так: партия и общество называют нам те или иные темы, и мы, писатели, выполняем этот наказ. Еще одно искажение истины, доведенное до абсурда.

Масштабы задач, стоящих перед работниками литературы, требуют всестороннего совершенствования деятельности нашего творческого союза, призванного быть школой высокой республиканской гражданственности для наших литераторов, школой воспитания достойной смены мастеров американской литературы.

От имени делегатов съезда, от лица всех писателей страны хочу заверить линкольновский кабинет министров, администрацию государства, что, безраздельно, целиком и полностью поддерживая курс нашего правительства, его идеи и планы, писатели сделают все, чтобы создать новые произведе...»

Ночь, улица, фонарь, аптека, холодный пот по всему телу Михаила Васильевича Никитина...

Продолжение следует.

Андрей ЛОПАТИН

Андрей Лопатин родился в 1963 году в Читинской области. Окончил технический вуз по специальности «промышленное и гражданское строительство». Живет в Чите. Работает в охранном предприятии. Женат, есть дочь. Увлечения: спорт, книги, Интернет. Любимые писатели — Чехов, Тургенев. С осени 2010 года пробует писать рассказы.

ЧУДО ГОЛОДАНИЯ

В один прекрасный день мы с женой сказали себе: хватит, надо худеть! Нам обоим уже за сто... Нет, не спешите удивляться — это не про возраст, это про килограммы. Теперь свою жизнь мы измеряем килограммами. Живем одни, дети выросли и разъехались. Раньше мы старались, чтобы детки были сыты, а теперь для себя стараемся — ни один лишний кусочек мимо рта не пропускаем. Вот так и пришла к нам эта известная всем болезнь под названием «поесть бы чего-нибудь вкусенького!».

Многие в наше время стараются похудеть, но почему-то худых становится еще меньше. Стали искать врага. Оказывается, все просто. Кто говорит, что виновата калорийная пища, кто говорит, что мало двигаемся, кто намекает на плохую наследственность, а кто считает врагом телевидение! Смотрели мы как-то одну кулинарную передачу... Тут, с вашего позволения, отвлекусь. Скажите, а что еще на нашем телевидении сегодня можно посмотреть? Было оно культурно-просветительным, стало — кулинарно-просветительным! Где ни включи, везде вам объясняют, как приготовить котлеты. Нет, телевидение одно винить тоже несправедливо. У нас все-таки демократия, и народ должен знать, как приготовить свежесловленного осетра, фаршированного шампиньонами, в домашнем горчином соусе. Так вот, смотрели мы одну

такую передачу и своего врага обнаружили как-то неожиданно и сразу — мы оба вдруг уставились на холодильник. И наконец-то поняли, кто!

Решение пришло незамедлительно. Не откладывать же на потом — сходили в магазин и купили замок. Я долго думал, как установить его, и ничего лучшего не придумал, как обмотать холодильник цепью и застегнуть эту цепь на замок. Ключи лишние выбросили, оставили один. Договорились так: ухожу я — забираю ключ с собой, уходит жена — забирает ключ она. Если мы оба дома, то контролировать друг друга все-таки легче, да и открывать будем только в крайнем случае, по решению семейного совета. И обязательно — голосованием!

Под впечатлением этой гениальной идеи мы находились, правда, недолго... На следующий день после работы мы шли домой. А по пути, по давней установившейся привычке, заглянули в магазин. После чего в нашей сумке оказались копченый балычок, сервелат, маринованные грибочки, пирожное, любимая женой сырная пицца, любимое мной темное пиво и много чего еще! И только придя домой, мы вспомнили про холодильник. Он же, опутанный цепью, смотрел на нас хмуро, недружелюбно, и как бы говорил: «Здрасьте! А я не ждал вас!» Я не могу припомнить, когда еще у нас с женой

был такой смущенный и растерянный вид, но помню, что стояли мы долго, в задумчивости поглядывая то друг на друга, то на своего врага.

Однако время шло, и нужно было что-то решать. Так состоялся наш первый семейный совет, на котором было принято непростое решение. Мы долго боролись с собой, но от своей идеи отказываться не собирались — замок на холодильнике останется висеть! А чтобы купленное не испортилось, решили единогласно — все съесть! Правда, было одно условие: завтра в магазин не заходим! И вы знаете, сразу на душе стало легче. Мы принялись ужинать «чем бог послал» и здесь же, на кухне, включили телевизор. По телевизору, как обычно, шла кулинарная передача. Но в этот вечер мы смотрели ее без пристрастия и энтузиазма. Где-то в душе у нас оставались осадок и чувство вины за сегодняшний казус. Что-то сверлило нас изнутри. После еды жена стала мыть посуду и складывать ее в шкаф, и меня в этот момент осенило! Я сказал: «Я понял! Я придумал!» Жена удивленно, но с надеждой спросила: «Что?» Я сказал: «Холодильник не виноват! Зря мы его так! Он этого не заслужил!..» А жена: «Ты знаешь, я тоже об этом подумала...» И после этой фразы наши глаза, словно подчиняясь какой-то внутренней интуиции, уперлись в шкаф, в кото-

ром хранились вся посуда и кухонная утварь. Тут, наконец, мы и поняли, кто! «Ведь если его не открывать, — сообщил я, — нам не с чего и нечем будет есть!» Жена тоже одобряюще засияла. Чтобы не откладывать на потом, я быстро снял цепь с холодильника и так же быстро — опыт уже был — охотунал его шкаф, застегнув на замок. «Все! — сказал я гордо. — Теперь уж точно!»

На другой день мы как обычно шли с работы. Проходя мимо магазина, мы старались не смотреть в его сторону, даже пытались говорить без пауз, чтобы только отвлечь себя. И уже было прошли мимо, как жена вдруг сказала: «Хотя бы хлеб надо купить». И я молча согласился. Когда мы вышли из магазина, в наших сумках кроме хлеба почему-то оказались жаренное в кляре филе лосося, котлетки по-киевски, ветчина по-домашнему, салат из грибов, любимая женой сырная пицца, любимое мной темное пиво и много чего еще!

Когда пришли домой, мы долго не решались зайти на кухню. Но долго находиться в одной комнате, конечно, невозможно, и мы осторожно, с чувством вины и раскаиваясь в своем грехе, ступили за кухонный порог. Мы старались не смотреть, не поднимать глаз на него... Но шкаф — не холодильник, и молчать не захотел! Он просто закричал, увидев наши стыдливо моргающие глазки: «А я вам верил! Я столько лет верой и правдой служил вам! А вы меня... как последнего врага!»

Так состоялся наш второй семейный совет. На этот раз решили твердо: после работы идти другой дорогой! Сняли со шкафа цепь и сели ужинать, уже с облегчением в сердце и надеждой, что завтра — уж точно! — мы не поддадимся ни на какие провокации! Включили телевизор. Там, как обычно, шла кулинарная передача. Поглощая то, что на этот раз нам «бог послал», мы даже с каким-то недоумением смотрели, как там варят, жарят, парят. Но это недоумение подняло знаковый осадок в душе, потом незаметно сменилось чувством возмущения и негодования. И меня осенило! Я сказал:

«Я понял! Я придумал!» Жена даже поперхнулась котлеткой, а потом с удивлением и надеждой спросила: «Что?» Я сказал: «Я знаю, кто виноват во всем!» После этой фразы, словно подчиняясь какому-то телепатическому сигналу, мы тотчас устались на телевизор. Вот, оказывается, кто! И почему раньше об этом не догадались! Не откладывая на потом, оба телевизора — из кухни и комнаты — я быстренько спрятал в шкаф для одежды, обмотал его цепью и замкнул на замок. «Все! — сказал я. — Больше никаких кулинарных передач!»

На следующий день мы шли с работы по другой улице, где не было магазина. Вы даже не представляете, в каком приподнятом праздничном настроении я был в этот вечер. В сердцах я даже изрек жене философскую фразу: «Вот видишь, если сильно захотеть, то ничего невозможного для человека не существует! Надо всегда быть оптимистом!» Жена как-то странно промолчала. А потом попросила нести сумку. Я взял, но подозрительно спросил: «А что там?» — «Да ничего особенного. Хлеб в обеденный перерыв купила».

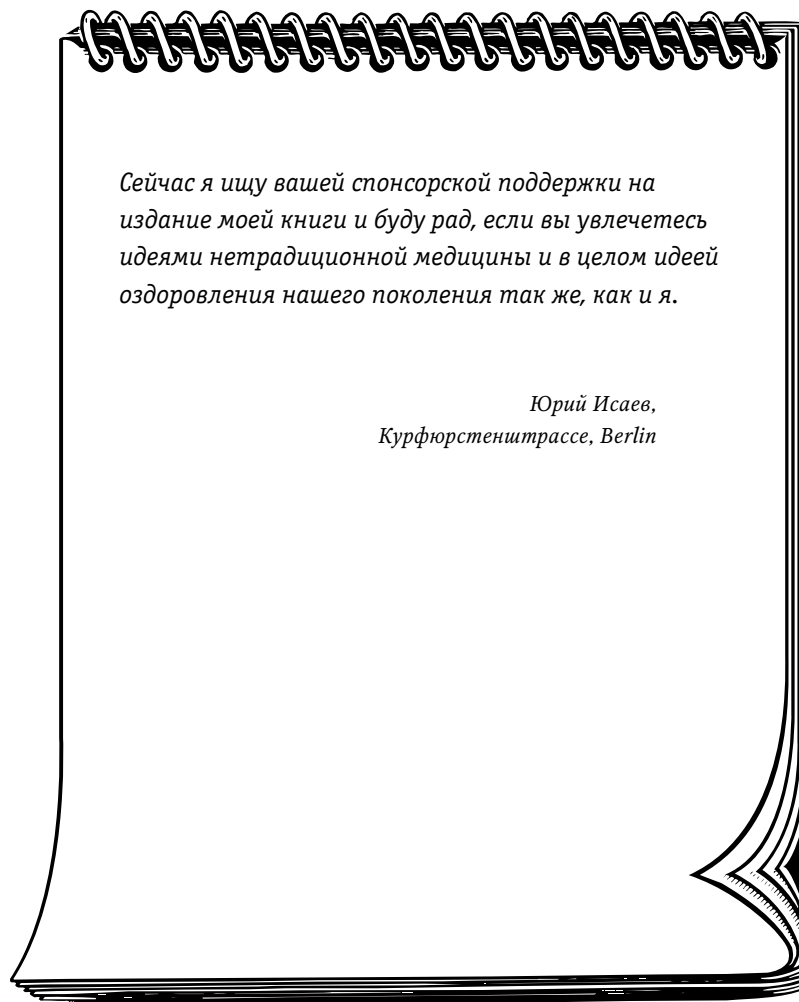
Придя домой, я сразу заявил: «Ужин будет диетический! Заварим геркулесу — и все! Пора уже, сколько можно!» Заварили геркулес и сели ужинать. Сидели молча, долго не приступая к еде. На кухне стояла тишина — ведь телевизор вынесли, — и было слышно, как жужжала откуда-то залетевшая муха. В воздухе нависла тяжесть. Говорить ни о чем не хотелось. Запустив ложку в геркулес и пару раз звякнув о край тарелки, жена вдруг сказала: «Давай я хоть хлеба отрежу». Я согласился: «Ладно, неси!» Она пошла в коридор, где стояла сумка, и тут произошло непредвиденное событие. У сумки — а это был большой полиэтиленовый пакет — от тяжести оторвалась одна из ручек, и все содержимое высыпалось на пол. У жены словно исчезло лицо, ведь кроме хлеба я здесь увидел копченую курочку, связку сосисок, банку маринованных огурчиков, котлетки по-киевски, любимую женой сырную пиццу, люби-

мое мной темное пиво и много чего еще! Я был злой на жену, очень злой! Но я человек отходчивый и с таким проявлением судьбы быстро смирился. Мы опять принялись ужинать «чем бог послал», теперь уже без геркулеса. Краски снова оттаяли, но я решил твердо: задуманную идею надо все-таки довести до конца! «Я понял! Я придумал!» — сказал я про себя. Во мне созрел новый план, но с женой делиться я уже не захотел и только бросил ей неясную малозначительную фразу: «Это надо решать радикально!»

Весь следующий день на работе я был сам не свой. Увидев мою расстроенность и замкнутость, некоторые даже посоветовали мне отпроситься, взять больничный. Но... Вечером с женой мы не пошли в обход магазина: это не входило в мой план. Не знаю, как точно назвать чувство, которое мною овладело, — психиатры, скорее всего, назовут это навязчивым состоянием, — но я, признаться, страшно волновался! И чем ближе мы подходили к магазину, тем сильнее билось мое сердце, тем сильнее из глубин душевных выплывало какое-то слепящее чувство недовольства и возмущения. Подойдя к магазину, я был уже полностью во власти этого состояния и действовал почти машинально. «Стой здесь, на углу! — сказал я жене. — И смотри, кто где идет! А я подойду к выходу!» На что жена удивленно спросила: «Мы же не собирались заходить!» «Я и не буду!» — сказал я и настороженно посмотрел вокруг. Убедившись, что в эту минуту рядом нет прохожих, я подошел к дверям магазина. У меня тряслись руки, но действовать надо было решительно. Я достал из сумки цепь, закрыл двери магазина, потом несколько раз обмотал ею ручки дверей и, затянув потуже, застегнул на замок. «Все! — сказал я. — Теперь уходим! Скорее!» Жена открыла рот, испуганно захлопала ресницами и пока соображала, что сказать, я схватил ее за руку, и мы, как в шпионском боевике про Джеймса Бонда, быстрым шагом удалились по улице. Где-то по дороге я выбросил ключ.

Галка ГАЛКИНА

Сейчас я ищущу вашей спонсорской поддержки на издание моей книги и буду рад, если вы увлечетесь идеями нетрадиционной медицины и в целом идеей оздоровления нашего поколения так же, как и я.

*Юрий Исаев,
Курфюрстенитрассе, Berlin*

Галка ГАЛКИНА:

Юстас — Алексу

Господин штурмбаннфюрер! Ваша шифровка получена Центром и изучается в целях оказания содействия для активизации подрывной работы в тылу врага. Центр в непростой геополитической обстановке, в том числе финансовой, изыскивает необходимые средства. Но, хочется отметить, вам не так давно уже была переведена довольно крупная сумма «на издание книг по нетрадиционной медицине». В частности, вы указали, что растет и ширится сеть платных осведомительниц, которые под видом дам легкого поведения втираются в доверие к офицерам вермахта. Что возросли издержки производства, траты на шнапс, кофе, шоколад, а также вздорожала

арендная плата за загородный трехэтажный особняк в элитном пригороде Берлина и содержание автомобиля «мерседес», яхты и самолета, при помощи которого вы проводите рекогносцировку местности. Центр готов смириться с увеличением арендной платы, расходами на рестораны, но бездумно расширять штат платных осведомительниц, тем более безвозмездно пользоваться их услугами, все же не стоит. Это не красит мундир и моральный облик офицера СС и старшего оперуполномоченного НКВД.

Государственная казна опустошена вашими бесконечными запросами об очередном увеличении финансирования.

Будьте скромнее, товарищ Исаев!
Хайль Гитлер!

Попадулия?!

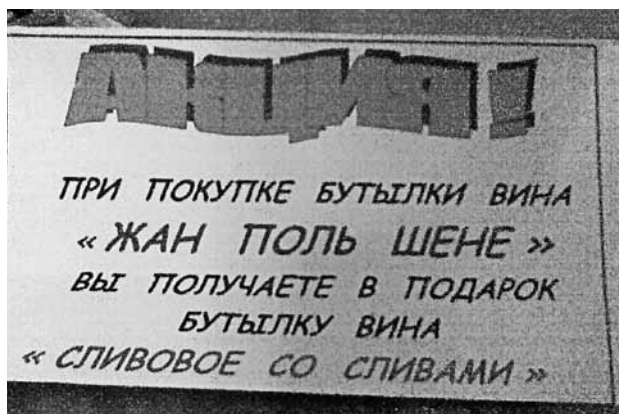

Весенние обострения

- ☺ *Весна на дворе — хочу в кабаре!*
- ☺ *Пришла весна — пора проветривать феромоны.*
- ☺ *У женщин нет тайн, только коды доступа!*
- ☺ *Брезгливые женщины доступны не всем!*
- ☺ *Доступные женщины доступны не всегда!*
- ☺ *Зачем весной освежитель воздуха?*
- ☺ *Весну не пропешь!*
- ☺ *Запусти в апреле своего Гагарина!*
- ☺ *Девушка без оркестра — что курица без насеста!*
- ☺ *Сел в трамвай, а там — вай-фай!*

Про космос

- ☼ *О зеленых дикарях с присосками Гагарину было велено не говорить!*
- ☼ *По четным — это глюки!*
- ☼ *А по нечетным — это брюки!*
- ☼ *А весна в космосе есть?*
- ☼ *О чем все время молчал Гагарин?*
- ☼ *А может, из космоса вернулся не Гагарин?*
- ☼ *А у марсиан есть свой Гагарин?*
- ☼ *В день святого Исидора космос виден и с забора!*
- ☼ *В невесомости все — упыри!*
- ☼ *В космосе белка забила стрелку.*

**SMS'ка, посланная за водкой:
Поехали!**

БЛАНК-ЗАКАЗ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ» ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ

- Да, я подписываюсь на 6 номеров журнала «Юность» – 1000 руб.
- Да, я подписываюсь на 12 номеров журнала «Юность» – 1900 руб.

Мой адрес:

Индекс:	Республика
Район	
Город / село	
Улица	Дом Квартира
Фамилия, Имя, Отчество подписчика:	
Телефон:	

Извещение	Получатель платежа: НП «Редакция журнала Юность» Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001		
	Расчетный счет № 40703810138040100906		
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225		
	Корр. Счёт: 30101810400000000225		
	Ф.И.О. и адрес плательщика		
	Вид платежа:	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Юность»		
Плательщик:			
Квитанция	Получатель платежа: НП «Редакция журнала Юность» Московский банк Сбербанка России ОАО г. Москва ИНН: 7710047052 КПП: 771001001		
	Расчетный счет № 40703810138040100906		
	ОАО «Сбербанк России» г. Москва, БИК 044525225		
	Корр. Счёт: 30101810400000000225		
	Ф.И.О. и адрес плательщика		
	Вид платежа:	Дата	Сумма
	Подписка на журнал «Юность»		
Плательщик:			